

Александр Савицкий, Константин Луговой

ШТУРМ БАХМУТА

«Разведвзвод»



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Том 18+

Александр «Писатель» Савицкий

**Штурм Бахмута.
Разведвзвод. Том II**

«Автор»

2026

«Писатель» Савицкий А.

Штурм Бахмута. Разведвзвод. Том II / А. «Писатель» Савицкий —
«Автор», 2026

Штурм Бахмута. Разведвзвод>, написанный на основе реальных событий, которые происходили с бойцами разведвзвода, 7 штурмового отряда ЧВК Вагнер с ноября 2022 года по апрель 2023 года. Эта книга без главного героя, потому что главным героем этой книги является сам разведвзвод. В книге, от лица бойцов и командиров, рассказывается о военных и бытовых буднях рядового состава штурмового подразделения. Каждый из бойцов пришел в подразделение добровольно и старался выжить и выполнить боевые задачи, которые ставились перед ними. Книга написана с уважением к павшим бойцам с обеих сторон и с благодарностью к тем, кто рисковал своей жизнью, ради Родины. Авторы: Савицкий Александр, он же Писатель и Константин Луговой, известные вам по предыдущей книге. Приятного вам чтения!

© «Писатель» Савицкий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Миор. 1.5. Передислокация	6
2. Поприще. 1.0. Прибытие	9
3. Риджак. 1.1. Пожар в степи	13
4. Каникрос. 1.2. Работа в госпитале	17
5. Изер. 1.5. Оборона	23
6. Миор. 1.6. День рождения	28
7. Сапалер. 1.10. Тренировки	34
8. Парижан. 1.7. Продвижение вперед	37
9. Риджак. 1.2. Война, это...	42
10. Каблучок. 1.0. Первый заход	46
11. Ольга. 1.1. Жизнь в городе	53
12. Фаберже. 1.1. Ранение и возвращение на передок	58
13. Цахил. 1.5. Медпункт в четырехэтажке	62
14. Парижан. 1.8. Последние двухэтажки	68
15. Констебль. 1.0. Переезд в пятиэтажку	75
16. Абрек. 1.6. Награждение	80
17. Парижан. 1.9. Крайняя позиция	86
18. Изер. 1.6. Новая группа	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Константин «Констебль» Луговой, Александр «Писатель» Савицкий Штурм Бахмута. Разведвзвод. Том II

*Посвящается всем воинам, защищавшим свои принципы и
Родину, независимо от национальности и социального положения...*

*«...Здесь никто не ищет смерти,
Нужно,
вперед идти!
Братья, сестры, чур я первый,
Раз, всех нас,
не спасти.
Кто шагов наших усталых,
Ждать будет,
у окна?
Пусть запомнят, как нас звали.
Все,
наши имена.
Наши имена...»
группа «Русский строй», песня «Пепел»*

1. Миор. 1.5. Передислокация

Через пару недель нам поступил приказ забирать ДШК и передвигаться в Опытное. Ребята взяли школу и первые дома за ней и, чтобы продвигаться дальше, они нуждались в более мощной и интенсивной поддержке тяжеляков. После взятия домов на очереди были штурмы первых высоток на границе Опытного и Бахмута, поэтому мы, собрав свои манатки, должны были перетечь на позицию Сапалера. Нас перекинули на ангары, и туда приехал дырчик «Муравей», чтобы мы не тащили дальше пулемет на своем горбу.

– Запрыгивай! Карета подана, – предложил водила-узбек из команды «Такси Бахмут», которая, под руководством Обиды, приспособила под наши нужды транспорт, найденный в гаражах.

Мы загрузили пулемет в корыто кузова и запрыгнули в него сами.

– Тариф «эконом»! Едем быстро, поэтому держитесь крепко и не забудьте пристегнуть ремни, – весело прокричал водила и тронулся.

Не успели мы отъехать и ста метров, как по нам стал пристреливаться миномет. Мы молча переглянулись и вжались в кузов. Сознание, понимая всю опасность ситуации, раздвоилось. Я стал видеть нас со стороны и почувствовал себя просто игроком компьютерной военной игры, который проходит обучающий уровень. Метрах в двадцати от нас рвались мины, поднимая в воздух землю и куски от домов. Уши закладывало от звуков взрывов и свистящих в воздухе осколков и вторички. С одной стороны, я понимал, что это не игра, а моя жизнь, но с другой я, как замороженный, рассматривал графику этой игры и ничего не мог с этим сделать. Мозг реагировал на каждый взрыв простыми и матерными выражениями, в которых проявлялись и страх, и восхищение одновременно. Он осознавал свою беспомощность и уязвимость и сопротивлялся этому. Водила то притормаживал, то резко набирал скорость и, удачно маневрируя между ямами на асфальте, упорно вез нас вперед. Резко затормозив у здания ДК, он обернулся и с дьявольским азартом закричал: «А теперь валим!»

Мы пульей выскочили из кузова и, пригибаясь, потащили пулемет в здание. Водила не стал геройствовать, а подхватив ящик с лентами, скрылся с нами в ДК.

– Прикольно! – только и успел выдохнуть я, когда мы забежали внутрь и стали истерично ржать, выпуская через смех весь свой страх и напряжение.

– С вас по косарю за быструю и безопасную доставку! – ржал вместе с нами водила и хлопал себя грязными руками по ляжкам.

– После дембеля отдадим, – ответил ему Сплеш и сплюнул.

Нас разместили в одном из подвальных помещений, где мы стали постепенно знакомиться с пацанами и обустривать свое новое жилище. Я перезнакомился с кучей народа, в основном кашниками, и не уставал удивляться их находчивости и юмору, благодаря которым они сохраняли боевой дух и героизм в этих условиях. Раньше, как и у любого обывателя, у меня было много предвзятости и опасений насчет бывших зеков. Но тут я увидел классных пацанов и мужиков, которые выполняли свою работу и проявляли лучшие человеческие качества.

Я общался с ними и каждый день максимально удивлялся: «Это проектанты, но ребята мозговитые и адекватные. Да, накосычили; да, попались, но каждый из них был достоин уважения».

– Миор, а ты-то каким боком тут оказался? Ты же не с нашей грядки?

– Да как многие. Записался, – пожал я плечами. – Много моих сослуживцев по срочке стали мне скидывать повестки по мобилизации. Вот... – я попытался вспомнить подробности тех дней максимально точно. – Я понимал, что, скорее всего, скоро придет и мне. Ну, как бы подозревал... Не сказать, что я прям какой-то супер там патриот-герой, но в любом случае не стал там как крыса бежать из страны при первой проблеме. Я понимал, что, если придет

повестка, – значит, пойду. Но потом, когда товарищу-сослуживцу вручили повестку, он мне начал кидать фотки, как он стоит на картонке на рынке, какую-то форму военную полевую покупает. Стало как-то грустно от того, что он начал покупать за свои деньги. И мало того, что это был дефицит, но и покупалось лишь бы что. И после этого я увидел много видео в интернете, как персонажей, которые по мобилизации, грузят в автобусы. Они там все «синие», короче... Я, соответственно, понимал, что с таким контингентом я в одном окопе находиться вообще не готов. Вот... В это время пошла реклама «Вагнера». А «музыканты» для меня это что-то такое было... Ребята подготовленные.

– Как мы? – улыбнулся Каталонец.

– Кто же знал, что тут вы? Я позвонил Баварцу. Уточнил первый вопрос, который мне был важен: «Если я получу повестку, могу прийти в Вагнер?» Баварец мне сказал: «Нет! Если получаешь повестку, значит идешь от Министерства». Я принял решение незамедлительно собрать вещи и ехать в Молькино. А дальше, все как у всех: прошел фильтр и обучение.

– Испугался мобиков, значит, а попал к зекам! – подколот меня наш водила дырчика.

– Было, на самом деле, немножко страшно проходить фильтр, потому что много ребят отсеивали. То есть там не было такого, что набирали народ на мясо. В этом плане все прям очень мне понравилось. Я боялся не пройти фильтр, потому что я сам по себе не выгляжу на свои двадцать шесть.

– Да уж, – хлопнул меня по плечу один из штурмовиков, мужик лет сорока, – лет восемнадцать дать можно тебе, не больше.

– Ага. Я понимал, если меня сейчас не возьмут в «Вагнер», то, скорее всего, мне придет повестка, и я буду соответственно участвовать с этим контингентом.

– Не жалеешь?

– Ни разу не пожалел! – искренне ответил я.

– На, чифира глотни, – протянул мне кружку Каталонец. – Тебе можно, как совершеннолетнему.

Мне было хорошо среди этих простых парней и мужиков. Душа радовалась этому единству и братству и хотелось говорить. Хотелось рассказать им, как мне с ними тепло и душевно, и как я рад воевать с ними!

– Я вам больше скажу... Я когда пришел сюда, я был, ну прям атеист! Я не верил в Бога. Точнее, я всегда говорил: «Я не могу поверить в то, чего я не видел!»

– Фома неверующий... «Не поверю, пока не вложу персты в раны его!» – вставил Сапалер, который присоединился к нашей беседе.

– На самом деле, это было максимально глупо, когда я так говорил. По той простой причине, что в окопах нет атеистов. Ну нет, конечно, есть тут ребята, у кого есть свое мнение. Я понимаю... Но я сейчас про себя. Я после всех этих случаев, скажем так, поверил. Потому что у меня нет объяснения многому! Тут – шаг влево, там – чуть назад, и в меня бы прям четко прилетела мина, – быстро затараторил я, не понимая, что чифир сделал свое дело, и меня пробило на разговоры. – Были ситуации, которые я просто не могу объяснить, как это произошло.

– Это хорошо, что поверил. Нужно теперь молитвы читать. Вникать понемногу, – кивнул Сапалер. – Вот, держи, – протянул он мне книжечку с молитвами.

– И ценности у меня поменялись сильно тут, – продолжил я, взяв эту книжечку. – Вот у меня раньше были проблемы... – удивился я сам себе. – Девушка бросила! Проблема – это когда ты в деревянном доме закрепился, а по тебе танк прямой наводкой херачит! Вот это проблема! Вот я дебилом был, конечно...

– Миор, ты чифир больше не пей. Тебе хватит, – забрал у меня кружку Сплеш.

– Хорошо. Спасибо вам, ребята! Это очень важный для меня жизненный урок, то, что я с вами тут прохожу.

– Добрый ты, Миор, – обнял меня Мишаня Сабо. – Нам с тобой тоже нравится воевать.

– Единственное... Это тяжело, когда привыкнешь к человеку. Чай с ним пьешь, разговариваешь, узнаешь его, а потом его раз и послали на соседнюю позицию, там, аккумуляторы отнести, – обвел я всех глазами. – А через пять минут по рации говорят, он двести. И все...

– Все хорошо, Миор. Это просто война... – тихо себе под нос сказал Сабо. – Сейчас про это не надо.

– Хорошо... – согласился я, и повисла тишина, в которой каждый из нас остался наедине со своими мыслями и воспоминаниями.

Я сел чуть в стороне и задумался о ни о чем... Просто сидел и смотрел на мужиков и радовался сегодняшнему моменту, в котором я жил и дышал.

– Здорово, Миор! – подсел ко мне молодой пацан, как я знал, сидевший за наркотики по 228 статье. – Есть водичка?

– На, – протянул я ему свою полторашку.

– Спасибо, братан. Горло пересохло, а свою я где-то просрал. Сушняк давит.

– А как ты стал закладчиком? – в лоб спросил я. – Если не хочешь, не рассказывай! – тут же осекся я.

– Тоже хочешь денег заработать? – улыбнулся он.

– Не. Я этого боюсь. Да и наркотики – не мое. Я больше по пивасу. Да и то, редко. Не люблю, когда голова не соображает.

– Да как? Как обычно. Жадность и нужда. Жил я в небольшом городишке, под Ебургом. Денег нет, одежды хорошей нет... Да, в принципе, ничего нет. Носил ношенное, как говорится, и трахал – брошенное! А один мой друг, так скажем, переехал в Екатеринбург. Я смотрю, у него в соцсетях фотки, где он на машине, с телками, прикинутый красиво. Я с ним списался, позадал вопросы, а он мне говорит: «Приезжай, все расскажу, всему научу». Я и поехал. Он мне весь расклад дал, а я боялся. Говорю: «Закладчики же долго на воле не живут». А он: «У меня, типа, все на мази. Крыша хорошая, все дела». Ну, я и повелся. Самое обидное, что даже денег не увидел, – улыбнулся он, – буквально через неделю меня приняли. И все. А этот пидор еще и свидетелем по моему делу шел.

– Печальная история, – пожал я плечами, не понимая, верить ему или нет.

– Вот, теперь тут деньги зарабатываю, – засмеялся он. – Глядишь, тут повезет, – подмигнул он мне. – Ладно, спасибо за хлеб и кашу, за милость вашу!

Он встал и пошел дальше по своим делам, а я остался гадать, верить этим историям или нет. «Хотя, в сущности, какая мне разница?» – успокоил я сам себя. Таких рассказов я тут наслушался много. Кто-то уверял, что сел за три копейки, которые украл по пьяни, кто-то рассказывал про ограбление крупного банка в стиле фильма «Двенадцать друзей Оушена», а кто-то, и таких было немало, молчал и не любил рассказывать о своем прошлом. А мне просто было интересно слушать их истории и познавать жизнь в разных ее видах.

2. Поприще. 1.0. Прибытие

С небольшого пустыря на окраине Луганска нас разобрали представители разных ШО «Вагнера» и, рассадив по «Уралам», повезли в ночь. По дороге я видел, как встречные бабушки, заведя нашу колонну, останавливались и крестили ее, сжав в щепоть свои пальчики. С одной стороны, было приятно, что они переживают за нас, а с другой – грустно от понимания того, что работа нам предстоит нелегкая. Я вдруг вспомнил кадр из старого фильма «Тихий Дон», в котором пожилой казак крестил на перроне казаков, отправляющихся на фронт Первой мировой войны, приговаривая: «Эх! Милая ты моя говядинка».

Нас привезли в закрытый ангар и выдали все недостающее: бронежилеты, каски и БК к автоматам, которые у нас уже были. Надев все это, я наконец-то почувствовал себя настоящим воином. Я посмотрел на пацанов и невольно улыбнулся от гордости и радости за нас. Их тела были одеты в латы, все они казались выше, массивнее и мощней! После этого нас, к моему сожалению, разделили. Валек и Димка попали в другие подразделения. Мы обнялись, пожелали друг другу удачи и разошлись в разные стороны. Я стоял вместе с Лэмой и смотрел, как Валька повел представитель третьего взвода. Отойдя от нас метров на пятнадцать, он повернул голову, увидел, что я наблюдаю за ним, улыбнулся и подмигнул нам.

– Ладно, хорош судьбу драть. Пошли! – хлопнул меня по плечу Лэма.

– Согласен, – кивнул я и пошел за ним к машине.

Следующей точкой была школа в Клиновом, где мы впервые за последние три недели поели нормального супа. Через пару часов к нам приехал интересный человек, он представился заместителем командира взвода разведки, поздравил нас с наступающим Новым годом, пожелал здоровья и объяснил, что легко не будет. Нас перевезли в Зайцево и разместили по подвалам, в них было холодно и сыро. Кашник Кутырь, который был с нами в одном подвале, намутил где-то дров и натопил помещение. Стало тепло и еще мокрее. С потолка непрерывно текло, большие увесистые капли методично разбивались о спальные, пропитывая их. Я забрался внутрь, балдея от возможности разутяся, закрыл глаза и тут же переместился в другую реальность, уснув мертвецким сном.

– С Новым годом, братан! – разбудил меня Лэма. – Ты тут такой фейерверк пропустил!

– А что было?

– Артиллеристы ровно в двенадцать дали мощно! Но ты спал.

– Ясно. И я тебя поздравляю! С первым днем нашей войны! – улыбнулся я.

Ходили слухи, что нас сразу отправят на передок, но нам дали десять дней на слаживание групп. Меня поставили старшим группы, состоявшей из восьми вэшников. Еще две группы, которые слаживались вместе с нами, полностью состояли из бывших заключенных. При знакомстве я сразу сказал им, что являюсь капитаном ГУФСИН и отработал много лет в женской зоне.

– Ну, так это не в счет, братан, – улыбнулся один из кашников Фитима, – охранять баб, это вообще правильно по понятиям! – заржал он под общий хохот.

– Вот вы балаболы, – улыбнулся я.

– Ну? – уставились на меня двадцать три пары глаз.

– Что? – не понял я. – Чего надо?

– Капитан... Ну ты чего тупишь? Было? – с горящими глазами спросил он.

– Что было? – пытался сообразить я, что они хотят.

– Вот ты тормоз! С бабами было? То самое! Шпилли-вилли! – показал Фитима неприличный жест.

– Тьфу ты! А я уже аж вспотел. Думаю, какого хера вам нужно. Не было! – покрутил я головой с суровым выражением лица.

– Эх, ты! – разочаровался он. – Такой сеанс обломал! Да даже если и не было, тебе что, соврать тяжело что ли было?

– Ну простите. Не хотел сразу выдавать свои секреты.

– Так все-таки было? – оживился он.

Я многозначительно промолчал, продлевая интригу.

– В конце контракта расскажу.

– Как тебя вообще к нам занесло? – спросил Фитима.

– Я тебе так скажу, война, наверное, у меня в крови. Я всю жизнь носил погоны. После срочки работал в ГУФСИНе. А когда началось все это, – неопределенно махнул я рукой, – желание пойти на войну возникло сразу. Только не через МО, а через «Вагнер». Но с работы они меня отпускать не хотели, и я, можно сказать, уехал в самоволку. Пришлось им увольнять меня, когда я уже подписал контракт.

Я стал вспоминать, как попал в компанию:

– Нашел через знакомых людей выход, собрался и поехал. Таким образом, в ноябре 22-го года я пришел работать в компанию и получил свой жетон с буквой «В», – непроизвольно взялся я за то место на груди, где под формой висел жетон.

– Через Молькино, в общем, – подытожил Кутырь. – Мы уже наслышаны, как вы там тренировались.

– Так точно! – по привычке отрапортовал я. – Две недели обучения с друзьями-товарищами, которые впоследствии стали братьями. Потом на Луганск. Там нас распределили, и мы с моим новым товарищем Лэмой, – посмотрел я на него, – попадаем в разведвзвод 7-го ШО.

– Ты, в общем, из идейных соображений? – кивнул понимающе Фитима.

– В общем, да, – подтвердил я, – в первую очередь я шел защищать свою Родину. Второе – это проверить себя! Кто я? Что я? Что я значу? Потому что мы ходим по этой земле – походка широкая, голова вверх, а когда такие ситуации настоящие мужские, где либо вперед, либо обделаться в штаны... Я выбрал первое! – уверенно сказал я. – Пацаны, которые со мной поехали... Я не знаю их мотивов, но что-то такое-чтобы найти себя. Потому что в какой-то момент их жизни они оба потерялись, – вспомнил я наши разговоры перед тем, как мы уехали. – Надо было им этот путь пройти, вынести эту ношу на себе. Валя – молодой, ему деньги нужны были, а второй, Дима, он от растерянности в жизни.

– Так ты не один поехал?

– Со мной еще друг поехал, Валя, с позывным Люгань. В УФСИНе вместе работали. К нам присоединился еще один товарищ, зовут его Дима. Позывной Богодул. На обучении мы находились вместе, а после раскидало. Валя попал в 3-ий взвод, Дима – в ремвзвод, а я – сюда.

– И что дальше?

– Собрались, в общем, затарились, сели на поезд и поехали. Родственники, конечно, очень переживали и ругались. Сестра даже дураком обзывала.

– А жена? Родители?

– На тот момент я был разведен. Она, конечно, тоже покритиковала: «Куда ты собрался?» Отец промолчал, мать об одном попросила... – вспомнил я грустное лицо матери, когда сообщил ей о своем решении. – Мы в семье два парня, двойняшки. Мама сказала: «Чтобы один из нас был дома!» Чтобы Слава, мой брат, за мной не пошел. Сестра очень сильно кипишевала, но потом все равно смирилась. Сильно переживала, уговаривала не ехать, плакала. Да и многие друзья говорили: «Дурак, что ли?» Знаешь, которые дома сидят и говорят, мы пойдем, когда нас призовут. Я говорю: «А че сидеть? Ждать, когда они сюда придут? Надо их там давить, на дальних подступах».

– Так у тебя братан есть? И что он?

– Ну, с братом мы хоть и двойняшки, он всегда меня слушает. Я как бы старше, – улыбнулся с теплом я, вспоминая Славика, – родился первый, он за мной. Поэтому я с ним пообщался, поговорил, он меня услышал и сделал так, как я ему сказал.

– Это круто, когда братан есть! Тем более, такой же как ты.

– Самый прикол в том, что он тоже работал в УФСИНе. На тот момент, правда, в Твери, а я в Питере. Мы – как эти из «Наша Раша»: Славик и Димон, – засмеялся я. – «Славик, да ты не очкуй! Я тыщу раз так делал».

– Это прикол, конечно! Но «мужик сказал, мужик сделал», – засмеялся Фитима вместе со мной.

– Точно! Приехали на Молькино, попали на фильтр, заполнили документы. Изначально я особо чувств никаких не испытывал. Страх не было. Слушал, что говорят, и шел вперед. Жили не в казармах, а в ангарах, обустроенных под нас.

– Дальше стандартно все? – усмехнулся Кутырь. – Максимум занятий, минимум отдыха?

– Две недели жесткое обучение, где произошел отбор людей не только по физическим данным, но и моральным. Отсеивался народ на раз-два. Изначально нас было около ста, отсеялось, наверное, человек тридцать. Кто-то по физухе не вытащил и по здоровью. Кто-то морально сдулся. Они там две недели отрабатывали в столовой в роте обеспечения, а потом их отпускали домой.

– Отпускали домой... – посмотрел он на остальных кашников и криво усмехнулся. – А ты как вытянул?

– У меня настрои тяжелые были моральные внутри себя, но я себе сказал: «Только вперед!» Если бы я сдал назад, то не знаю, как бы дальше жил, – даже сейчас испугался я, – наверное, уважение бы к самому себе потерял. Физические нагрузки, хрен с ними! А моральные, когда каждую минуту, каждый день тебе говорят, ты «двести», ты «триста», тебя убили и так далее.

– Инструктора *вату* не катают, согласен. Нас тоже пугали, но мы пуганные, – саркастично сказал Фитима.

– Во время обучения я знакомлюсь с Димкой, Лэмой, – кивнул я в его сторону и улыбнулся. – Пацан четкий, очень хороший, толковый, со стальными яйцами. Черствый, правда, жизнью потрепанный.

– Позвенеть? – улыбнулся мне Лэма в ответ. – Вот ты, Поп, мастак языком чесать. Тебе бы книги писать, а не тут хером дома околачивать! – засмеялся Лэма.

– Так, так же и есть. Судьба у тебя непростая. Семь лет, считай, за колючкой.

– Никогда бы не подумал, что моим лучшим другом *дубак* с зоны будет. Кто бы мне сказал, я бы на хер послал! – покрутил Лэма головой.

– Короче, вы смогли?

– Да. После двухнедельной подготовки, которую мы выдержали с достоинством, несмотря на все сложности, нам выдают оружие, приводят на фильтр, дают позвонить родным, сажают на автобусы, и мы стартуем в Луганск.

– Когда мы с Поприщем ехали в автобусе, границу пролетели просто по зеленому коридору, – с довольным лицом включился в разговор Лэма. – На этой стороне наш автобус встретила черная машина с мигалками, прошу заметить! – поднял он грязный палец вверх. – Летим по Луганску как депутаты! Без разницы – светофор красный или зеленый. Я ему в автобусе говорю: «Димон, мне эта авантюра все больше и больше нравится» А он в ответ: «Мне тоже!»

– Интересная история, – кивнул Кутырь. – Уважуха тебе, – протянул он мне руку, которую я с удовольствием пожал.

В первые же несколько дней мы перезнакомились и нашли общий язык. Пацаны в наших трех группах подобрались отличные, недоразумений, а тем более конфликтов, не возникало. Тренировались мы в Зайцево, где было много пустых домов, которые очень напоминали част-

ник в поселке Опытное, куда мы и должны были отправиться. Отрабатывая штурм и оборону зданий, мы слышали далекую канонаду, а иногда ловили прилеты, которыми вражеская артиллерия и танки угощали нас. Прилеты были неблизкие, и в тот период я не особо ощущал страх по этому поводу. Все было хорошо, если не считать, что моего корефана Лэму забрали на повышение квалификации по саперному делу. Мы попрощались и договорились, что по возвращении он обязательно попросится к нам в группу. По прошествии десяти дней нас привезли в Опытное и разместили на ночь в школе.

3. Риджак. 1.1. Пожар в степи

До попадания в «Вагнер» я думал, что мой самый плохой день рождения был в тюрьме, но 26 декабря 2022 года доказало мне, что у всего есть перспективы. В «Урал», который вмещал в себя не больше тридцати человек, забили шестьдесят тел вместе с нашими несоразмерно огромными баулами. Я полез в кузов одним из первых, и меня завалили людьми и вещами, которые давили на меня и не давали вздохнуть.

– Подвиньтесь хоть немного! – просил я из глубины этой кучи-малы, пытаясь рукой проделать в ней отверстие, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Братан, я сам в непонятной позе тут... – тут же отзывался кто-то сверху.

– Блять, нога! сука, рука, голова... – и про другие части тела слышались возгласы и крикание со всех сторон. Все старались поправить, максимально улучшить свое положение, бесконечно шевелились и вошкалились в этой большой живой массе. Я не был исключением, но, как только я проделывал этот воздухозабор, машину встряхивало на кочках, и люди сверху утрамбовывались, придавливая меня своим весом. Доступ к кислороду резко ограничивался, и мне приходилось начинать все заново.

Во время одной из остановок, на которых нас стремительно выгружали из кузова, чтобы мы могли максимально быстро справиться наши нужды и заскочить обратно в машину, кто-то заехал мне берцем в поясничный отдел и этим чуть не отстегнул мои ноги.

– Оххх! – согнулся я пополам, вывалившись на землю из кузова.

– Приехали! Не стоять, блять! Шевели поршнями! Чего встал, сука? Быстрее! Хотите, чтобы нас в дороге артой накрыло, мудилы? Вам своя жизнь не интересна, так нам хоть дайте пожить, – кричали инструктора и подгоняли нас в лучших традициях сержантов из американских фильмов.

Я почувствовал, как в пояснице что-то разорвалось или повредилось, в глазах потемнело. От боли у меня перехватило дыхание, я потерял способность нагибаться. Ребята помогли закинуть баул мне на спину, и я поплелся в хвосте колонны к новому расположению.

Здесь мы были вынуждены жить в палатках и отапливать их печками «сирийками», которые, видимо, были привезены из Сирии. Каждые три дня мы снимали палатки, переносили их на полкилометра в сторону и выставляли их вновь. Туда же мы перетаскивали провизию и остальные вещи.

– Вы, наверное, думаете, что это полная херня? Дурь, которую придумали инструкторы? – спрашивали они нас. – Вся эта движуха с перетаскиванием всего – важная часть подготовки штурмовика! Если вы хотите выжить, вам нужно забить в свою тупую башку, что штурмовик никогда не находится на одном месте! Штурмовик всегда движется вперед, – инструктор стал загибать пальцы в своих красивых, явно не местного производства, перчатках. – Он должен быть подготовлен физически и морально к постоянному ношению большого количества веса на своих плечах. Будь то провизия или же раненый товарищ.

Поздно вечером, после первого дня тактических занятий, мы собрались небольшой компанией у одного из костров погреться и попить чай.

– Ну что, братан, как впечатления? Не жалеешь, что поехал? – спросил меня Вадик-Ваську.

Я смотрел на него и постоянно повторял про себя: «Я наконец-то свободен! Свободен!»

– Эй, ты чего заморозился?

– А? – очнулся я, – тяжело, конечно, но я не жалею. На душе полное спокойствие, – откинулся я на спинку кресла, сделанного возможно еще до моего рождения. – Мы, можно сказать, уже на воле. Вне убогих стен и заборов с колючей проволокой.

– Такая же херня. Тихо тут, спокойно. Но тишина может означать именно опасность, как говорит Метель. Так что нельзя нам расслабляться.

– Да нам никто и не даст расслабиться! – в голос засмеялся я. – Вон у нас какие мощные и заряженные инструктора, – я поднял голову и посмотрел в ночное небо, усыпанное звездами.

– О! Мужики, смотрите! Вон туда, смотрите! – воскликнул я, показывая им на букву «Z», сложившуюся из белых светящихся точек.

– Символично, братан, – похлопывая меня по плечу, сказал Ваську, – и, надо признать, очень красиво.

Следующие две недели мы ездили на полигон, завтракая кусочком масла и двумя печеньками с кофе. Кто-то еще брал с собой лапшу «Доширак» и ел ее в сухом виде. Этого хватало на мизерный перекус, но уже через час ты снова хотел есть. Целыми днями нам преподавали основы военного ремесла: мы отжимались, таскали себе провизию, приседали, бегали, прыгали, стреляли и отрабатывали тактику слаженного штурма в составе группы. Немного отдохнув, мы снова бегали, прыгали, отжимались и переезжали. В общем и целом, жили полноценной жизнью военного штурмовика на передке. В семь вечера мы возвращались в лагерь и валились спать. За неделю я скинул десять килограмм и стал весить семьдесят.

Когда начались заморозки, появилась дополнительная мотивация двигаться быстрее.

– Если ты остановился – значит, ты замерз, – внушал нам Метель. – Шевелитесь!

– А на передке, если ты остановился – значит, умер, – подхватывал второй инструктор.

Многие, кто занимался в лагере железом, не вывозили интенсивных динамических нагрузок. Из двухсот пятидесяти человек образовали взвод каличей, которые не справлялись с программой. В основном страдали суставы и сердце. На удивление для самого себя – я окреп, стал жилистым и жестким как кузнечик, хотя из-за спины приходилось каждый день сидеть на обезболивающих. Я уделял огромное внимание всему, чему нас учили, и стал помогать инструктору по медицине Кадуцею. Он научил меня ставить уколы, делать перевязки и правильно использовать мази и таблетки.

У одного из наших случился приступ аппендицита, и мы вчетвером, как самого настоящего трехсотого, бегом тащили его через лес до пикапа, чтобы увезти в госпиталь. Другому парню из моей колонии стало плохо с сердцем, я повел его к медицинской палатке, но по дороге ему стало совсем херово, и мне пришлось тащить его на себе где-то метров пятьсот. Следующим выбыл Старый – боец лет пятидесяти, который при пробежке на построение через лес упал и выбил себе глаз. В принципе, у него и так был целый букет недугов, и, вероятнее всего, взяли его по причине боевого опыта в войне на Кавказе, но это ему никак не помогло в данной ситуации. Проблемы с ногами, спиной и в целом со здоровьем, судя по всему, из-за чрезмерного алкоголизма до тюрьмы, сыграли с ним злую шутку и ясно показали, что ему нечего делать на этой войне. К сожалению, его снайперские способности, которые он проявлял всем на удивление, стреляя одиночными по мишени из АК-74, исчезли вместе с вытекшим глазом.

Погода менялась, как настроение истеричной женщины. Утром мы просыпались покрытые коркой льда, в лучшем случае – инеем. Холодная сырость обуви встречала нас вместо красивых восходов. Ветер, пробирающийся до костей, обнимал нас вместо любимой девушки, а грязь по щиколотку постоянно заставляла нас качать ноги вместо фитнес-тренера. Вечером, в свободное время, пытались сушить обувь с носками и грели ноги у костра, но не у всех получалось это сделать нормально, потому что даже вечерами нас гоняли на теоретические занятия. Палатки также неслабо промерзли, и те, кто недостаточно засыпал землей все края и углы, очень сильно жалели об этом. Даже через маленькую щель задувал дикий сквозняк, и толку от печки не было никакого. Чтобы согреться, я спал в зимнем ватнике и бушлате, забравшись внутрь спальника.

Еду приходилось таскать в больших и тяжелых термосных баках от полевой кухни до общего лагеря. Поздно вечером мы вшестером вышли, чтобы принести ужин и чай. Я тащил бак с Дримом, стараясь удержать равновесие. Размокшая грязь не давала нормально поставить ноги на землю, и они постоянно скользили и разъезжались, как у неопытных фигуристов. Мы плелись в хвосте, постоянно останавливаясь, чтобы восстановить равновесие и не упасть. Липкая и жирная луганская земля, вперемешку с листьями и травой, налипала на обувь, превращая ее в неподъемные колодки.

– Аккуратнее, братан. Чай несем, – пытался поддержать я в тонусе своего напарника.

– Не бойсь, дотащим! – едва он успел ответить мне, как его нога поехала в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, он, как ветряная мельница, с которой сражался благородный идалго Дон Кихот, замахал руками-крыльями и упал спиной в большую мутную лужу. Бак с кипятком опрокинулся следом за ним и смешался с грязной жижей.

– Гребаный стос! – только и успел сказать я, переживая, что сейчас этот чудак обварится как рак в кастрюле. – Ты как, земля? – схватил я его за руку и поволок из лужи.

– Да вроде живой... – поднявшись, он стал хлопать себя по телу и ногам. – Даже согрелся.

– Сейчас все остынет, и тебе станет очень холодно. Чай мы просрали, и нам нужно очень быстро, пока ты не замерз, валить обратно.

На следующий день случился неожиданный праздник. К нам приехали два ПАЗика, оборудованных под полевую душевую, и мне, впервые с момента отправки, удалось помыться!

– Итак, слушай сюда внимательно, бойцы! – расхаживая перед нами, стал объяснять правила помывки наш инструктор. – Вас триста карандашей. Карандаш, для тех, кто не в курсе, – это боец. А машин, как вы заметили, всего две. Поэтому, – он, видимо, попытался посчитать что-то внутри своей головы, но сбился, замолчал и быстро продолжил, – поэтому время помывки на одного человека пятнадцать минут. Раздеваться лучше заранее.

К душевым выстроились две змеевидные очереди. Небольшими партиями мы со скоростью дикого кабана заскакивали в душевую, быстро мылили тело и торопливо смывали с себя мыло и шампунь. Ровно через пятнадцать минут вода выключалась, и следовала команда:

– Следующая партия. Быстрее! Не дрожим в душе.

Тот, кто не успевал уложиться во время, после стирал с себя полотенцем остатки грязи, смешанной с мылом. Когда подошла моя очередь, я был уже практически готов. Всего одна минута ушла на то, чтобы скинуть с себя всю одежду. Раздевшись и оглядев себя, я остолбенел.

«Да я же вылитый зомбак из фильма «Я – легенда!» – подумал я, намыливая тело. Но есть и плюсы: с каждым днем я все жилистее, могу переносить больше нагрузок и все меньше чувствую усталость».

На следующее утро наши лица светились первозданной чистотой, и несмотря на то, что форма была покрыта грязью, внутри мы чувствовали себя младенцами или агнцами Божьими, которых не касался прах мирской. Мы стояли на полигоне, заросшем прошлогодней травой, доходившей нам до колена и мешающей передвигаться во время тренировки.

– Рассредоточиться и поджечь эту траву нахер! – приказал Метель.

– Может, не стоит? – засомневался наш старший, которого мы выбрали замком. – Ветер дует сильный. Не потушим...

– Я сказал, блять, поджигайте! – повысил голос Метель. – Без вопросов!

Приказ Метели и тот факт, что он нес единоличную ответственность, полностью развязали нам руки. Мы выстроились цепью и подожгли траву в десятке мест. Трава вспыхнула. И огонь, раздуваемый сильным ветром, погнал ее во все стороны. Меньше, чем через минуту мы имели огненный вал, который стремился сожрать все, что попадалось ему на пути. Великая сила и ярость огня подняла вверх языки пламени, и мы, как язычники, замороженно смотрели на это великое действо!

Полигон был размером примерно восемь квадратных километров. Весь этот прямоугольник, два на четыре километра, был обсажен плотными посадками из сухих деревьев. Со скоростью болида Формулы-1 пламя покатилося во все стороны.

Сначала Метель делал вид, что все идет по глубоко задуманному плану, и мы просто «проводим плановую перегруппировку», а не отступаем, бросая технику и вооружение. Борьба мотивов стала отражаться на его угрюмом лице, и по мере того, как пламя набирало обороты, глаза Метели стали округляться. Наконец, он открыл рот, помолчал еще пару секунд и заорал:

– Еб вашу кочергу! Все сюда! Тушите нахуй этот пожар! Горим, сука!

Мы удивленно посмотрели на него и, поняв, что он не шутит, бросились тушить огненный вал горящей травы. Бегая как тараканы все вместе, мы наломали веток и стали забегать вперед и сбивать пламя. Прикрываясь, чем только можно, от жара пламени, меняя друг друга, мы набросились на огонь, как на самого злейшего врага, проявляя самоотверженность, мужество и изобретательность. Мгновенно из грязных наемников мы превратились в очень грязных наемников негроидной расы. Несколько человек, бросившихся затапывать огонь ногами, сильно проплавили свою обувь и прожгли бушлаты. Среди этой сумятицы бегали наши инструктора и проклинали Метель с его «гребаной изобретательностью».

Пожар закончился сам по себе, когда стгорело абсолютно все, до чего мог дотянуться огонь. Мы стояли у края выжженной дотла земли и наблюдали, как последние сполохи огня доедают остатки травы и тухнут, натолкнувшись на перепаханную полосу земли, которая, как оказалось, окружала все поле.

– Зато согрелись! – весело со смехом сказал Метель, и я впервые услышал, как он смеется.

– Бля, пацаны, я как опять в Сирии побывал, – заржал наш второй инструктор. – А может, и в Африке, – он посмотрел на нас и продолжил: – Одни негры кругом. У вас, я смотрю, даже зубы у всех черные.

– Америкосы с хохлами сейчас смотрят со спутников и явно пребывают в знатном ахуе с таких мощных занятий по «боевой подготовке», – заметил Вадик.

– А когда приедем на передок, стгоревший Бахмут, как и этот пятак, будет виден даже из космоса, – добавил я.

Со всех сторон посыпались комментарии в адрес Метели, давая нам повод выразить свои чувства по отношению к нему. Но делали мы это очень тихо, чтобы потом не умереть в упоре лежа.

– Метель у нас – стратег маскировки.

– Ага, уровень палева равен нулю.

– Нормально, мужики, зато теперь можем смело после дембеля дома в пожарные идти! Подготовка-то у нас теперь – ого-го! – съязвил я.

– Ну, если мы будем так же тушить, к примеру, лес, то китайцам потом будет нечего пилить! – смеясь, добавил Лувиль.

На исходный рубеж мы ползли как сонные мухи, потратив все силы на огнеборство. К счастью, инструктора устали не меньше нашего, и нас в этот день больше никто не трогал. Мы просто стояли и болтали, слушали интересные и полезные вещи от инструкторов, а потом поехали в лагерь.

4. Каникрос. 1.2. Работа в госпитале

По утрам к нам приходили местный врач Андрей Геннадиевич с ординатором и медсестрой Ольгой. Он быстро и по-деловому осматривал нас, назначал лечение и спешил дальше. Я смотрел на него и не понимал, как он один справляется со ста пятьюдесятью ранеными, которые были в его ведомстве. После обхода был достаточно качественный завтрак и процедуры. Мне обрабатывали глаза и ставили поддерживающие капельницы. Ребята ходили на перевязки и получали свои медикаменты, в зависимости от тяжести ранения. Потом был обед, сон-час и свободное время до ужина. Затем нам измеряли температуру и выдавали вечернюю дозу медикаментов и капельниц. Время тянулось медленно, и каждый из тех, кто лежал здесь, вынужден был искать, что делать с рутинной и скукой. Кашники собирались и коротали время за чаем, пересказывая друг другу бесконечные «байки из склепа», о былом и нынешнем. К рассказам о тюрьмах и пересылках добавились рассказы о передке и штурмах. Густо пересыпанный блатной феней и романтикой, каждый из таких штурмов в их устах быстро разрастался в переход Суворова через Альпы или в целую Бородинскую битву. Штурм дома в частнике выглядел как взятие Берлина, а любой отбитый накат превращался в оборону Сталинграда. Слушать это можно было бесконечно, но мне достаточно быстро надоело погружаться в чужие подвиги и захотелось чего-то более реалистичного и интересного. Читать я не мог, так как зрение полностью не восстановилось, а телевизора здесь не было. Я наблюдал за работой медицинского персонала и все больше чувствовал всей душой, что во мне проснулся медицинский зуд. «Я же врач! – думал я. – А здесь целый этаж тяжелых хирургических пациентов, нуждающихся в помощи». Мысль эта, однажды вспыхнув в моей скучающей голове, не давала мне покоя, как осколок, который не удалили из раны. На следующий день, дождавшись, когда Андрей Геннадиевич был свободен, я зашел к нему в кабинет.

АГ, как коротко называли его бойцы, сидел за столом, заваленным медицинскими картами, и что-то писал. Он был большим и высоким мужчиной с добрым лицом и светлыми глазами. Насколько я понял из общения с другими бойцами, он был конторским и находился здесь для лечения вагнеровцев. Наблюдая за его работой несколько дней, я видел, что он зашивается с таким количеством пациентов и явно нуждается в помощи.

– Здравствуйте, – поднял он на меня глаза, – какие-то жалобы?

– Нет. Наоборот. Я – врач-хирург. Хочу вам помогать с ранеными, если позволите.

– Вот как? – ненадолго задумался он. – Это хорошо. Очень хорошо. Помощь мне сильно нужна.

– Я готов! – выпалил я.

– А зрение позволит?

– Давайте попробуем. Вы ничего не теряете. А я смотрю на пацанов и понимаю, что могу быть им полезен, пока я здесь. Да и мне поинтереснее будет. Могу взять на себя всех хирургических. Тех, кто тут, на первом этаже. Осмотр, обработка, перевязки...

– Хорошо! – кивнул он. – Вечером и начнем.

– Айда! – вырвалось у меня татарское слово.

– Айда, – улыбнулся Андрей Геннадиевич.

Вечером мы начали осмотр с первого этажа, где лежали пацаны с оторванными конечностями. Я размотал бинты и профессионально обработал культю. Пациент шел на поправку, и я не увидел у него осложнения. Рана хорошо заживала и не требовала дополнительного внимания. Андрей Геннадиевич внимательно смотрел на мою работу и молчал. После третьего пациента он кивнул.

– Все с тобой ясно. Считаю, что ты в штате.

– Спасибо, – кивнул я и почувствовал себя совсем гражданским человеком, которому вернули профессию. – Не подведу.

– Давай, пару дней еще со мной походишь, если все будет хорошо, забереешь под себя первый этаж. Дам тебе пару помощников, и действуй.

Время потекло быстрее. С самого подъема я был занят работой, не забывая, конечно, о себе и своих глазах. Грамотно распределив время, я успевал осмотреть своих пациентов, с каждым из которых быстро познакомился, заполнить карты за Андрея Геннадьевича и в свободное время лечь под капельницу, которую мне ставила медсестра Оля. Она была местной и работала в этой больнице еще с мирных времен. До войны здесь была наркология, и Оля могла поставить капельницу даже в невидимую обычным зрением вену-нитку.

После капельницы я быстро ел и шел работать дальше. Белый халат привычно лег на плечи, и я, вернув себе статус доктора, с удовольствием носил его. Быстро восстановив свои навыки и знания по обработке хирургических ран и ампутаций, я выполнял роль врача, медбрата и где-то психолога с замполитом. Труднее всего было поддерживать ребят, которые потеряли конечности. Если это была одна нога, то я быстро объяснял им возможности современной медицины и расписывал все прелести высокотехнологичных протезов, которые им поставят за счет компании. Если у пациента не было обеих ног, приходилось рассказывать о плюсах и минусах жизни колясочников. Благо, в нашей стране были сервисы, позволявшие им не только качественно жить, но и полноценно участвовать в разных спортивных мероприятиях. Труднее было говорить с ребятами, потерявшими обе руки. Часто они впадали в депрессию или становились озлобленными. Мне приходилось быть терпеливым и не воспринимать их агрессию на свой счет. Я понимал, что это большое физическое и моральное испытание для них и их близких. Они нуждались в том, кто без осуждения будет слушать их боль и давать им выговориться. Я вспоминал себя, еще недавно представлявшего себя незрячим, и понимал, какие мучительные фантазии о будущем скрываются в их головах.

«По-хорошему, конечно, в каждой такой больнице должен быть психиатр с медикаментами, чтобы убрать тревогу и депрессию, а еще лучше, чтобы ему помогал грамотный психотерапевт, способный работать с их психологическими травмами», – мечтал я, понимая, что для этого нужно, чтобы произошло что-то сверхъестественное. Психотерапия в нашей стране, как и пятьдесят лет назад, считалась чем-то ненормальным и лишним. Хотя мозг – это такой же орган, который нуждается в уходе и лечении, как и все остальные органы.

Вечерами я корректировал списки, в которые вносил позывные, описывал ранение и вел динамику выздоровления. Как только пациент окончательно стабилизировался, его отправляли в Россию, в один из черноморских госпиталей, которые арендовал «Вагнер», или домой, если это был вэшник.

Периодически к нам приезжали волонтеры и привозили продукты и вкусняшки. Каждый боец получал дополнительную пайку чая, кофе, конфет и сигарет. Я делил все на равные части и на обходе отдавал передачу лично в руки каждому. Ребята радовались дополнительной халяве.

Вместе с нами работали добровольные помощники, которых набирали на трехмесячный контракт со всей России. Один из них с позывным Крокодил был закреплен за моим этажом и очень помогал мне. В его обязанности входила помощь Оле с перевязками и разные бытовые дела, которые он безропотно и спокойно выполнял. Крокодил был сбитым парнем с простым лицом и крепкими руками. Он не был многословен, но всегда охотно поддерживал разговор, если к нему обращались. При этом он не задавал никаких душных вопросов; если я, Оля или Андрей Геннадиевич его просили о чем-то, он молча кивал головой и делал. Не отказывал он в просьбах и пацанам: если был в силах выполнить их просьбу, то делал, а если не мог – медленно мотал головой и говорил «нет». Хладнокровный, как рептилия, в честь которой он получил позывной, и такой же, как она, молчаливый.

– Крокодил, а ты как вообще тут оказался? – решил я узнать подробности его волонтерства.

– Как? – будто сам не понимая, как это произошло, переспросил он. – Это нужно начать с самого начала... Я поехал добровольцем-волонтером от партии.

– Ты в партии состоишь? – удивился я. – Звучит, как в СССР: «Я тут по заданию партии!»

– Нет, не состою. Просто предложили поехать сюда. А я своими глазами захотел посмотреть, как оно и так далее.

– А почему именно тебе предложили? То есть ты входил в какую-то группу? Что это был за проект? – еще больше заинтересовался я.

– Меня одноклассник позвал. Он общался с человеком, который у нас глава штаба сейчас в Самаре. Этот глава штаба, он на пару лет нас постарше, то есть он был в одиннадцатом классе, а я в девятом. И мне просто резко позвонили и сказали, что есть возможность поехать в зону специальной военной операции волонтером, помогать ребятам нашим. Я согласился, – четко отпартовал Крокодил.

– Вас как-то готовили? Или просто сказали, что завтра с вещами приходишь вот туда?

– Да. Мы в штаб самарский приехали, подписали контракт, что на добровольной основе едем. Нас застраховали как военнослужащих. И все. Билеты получили, инструкции, когда ехать. Это такой волонтерский десантский отряд.

– Круто! Даже не знал, что такое есть.

– Когда сюда попал, нас распределяли. Это был самый крупный выезд по Самаре, по всей России вообще, в принципе. И меня определили как медика... Я помогал в сорока четырех операциях... А на последний месяц уже сюда определили.

– У тебя образование медицинское? – недоверчиво осведомился я. – Почему тебя как медика-то определили?

– Образования у меня нет. Так решили, и я стал ассистентом хирурга. Кого-то на повара поставили, кого-то еще куда-то. Работали мы, короче, с музыкантами и десанниками.

– А кто был в отряде? О чем разговаривали, когда ехали? – стал я вспоминать свой приезд под Бахмут. – Удивительно, конечно, все это.

– Народ, который со мной был, волонтеры тоже. Просто разговаривали, болтали, ничего такого.

– То есть у вас, в принципе, там никакой подготовки не было? Вас просто привезли и сказали, что ты будешь поваром, ты будешь помощником хирурга и так далее? Кого куда поставили, тот тем и стал?

– Да, – кивнул Крокодил.

– И как тебе было то, что тебя раз – и поставили помощником хирурга в операционную?

– Нормально.

– То есть ты крови не боялся? Ты спокойно воспринял все? – еще больше удивился я, вспоминая, как много студентов-медиков теряли сознание на первых операциях.

– Я больше скажу, я в перерывах даже кушал. То есть, в принципе, с этим все нормально было. Мяса не боялся. Очень много ребят приходило. Операции бесконечно и ампутации... У меня позывной Крокодил. Мне его почему дали? Мне же его вагнера дали, потому что я ничего не боялся вообще. Конечности откусывать приходилось очень много, короче.

– Это где-то под Бахмутом госпиталь был?

– Здесь, в Луганске, госпиталь ветеранов Великой Отечественной войны. Мы были одни из первых... К нам привозили ребят. Мы одни из первых их встречали. Когда начался штурм, к нам за первые полчаса привезли пятьсот человек. Триста которые были. В основном это осколочные, короче, были.

– И как прошла твоя первая операция? Ну, помнишь ты ее? Не помнишь? – хотелось мне узнать подробности этой странной для меня истории. – Или какая операция тебе запомнилась?

– Операция, которая запомнилась, наверное, это когда меня ночью подняли, – оживился Крокодил. – Короче, пулевое 7,62 прошло. Разорвало печень, кишки... Снайпер попал. Оперировали, наверное, около двух с половиной часов. И полноценно вскрывали живот бойцу. Зашивали все это. Вот, наверное, эта вот операция мне очень запомнилась, – уже в свойственной ему спокойной манере стал объяснять мне Крокодил. – А так, рядовые операции – это все же осколочные. То есть доставать осколки. Меня, наверное, поразило то, что на приемке осколки достают магнитами. Такие большие магниты. И это больно. Это очень больно. Но бойцы терпели.

– Когда поток идет, не на качество больше работают медики, а на количество, потому что раненых очень много, – предположил я.

– Понятно, там надо побыстрее все это сделать.

– А непосредственно с хирургами как ты там познакомился? Что это были за люди? Какие они были? – проснулся во мне профессиональный интерес.

– Хирурги и вообще вся медбригада – десантники. А медсестры – девчонки с самого Луганска. То есть местные жители. Выполняли свою работу очень качественно и много бойцов поставили на ноги.

– А сам процесс как построен? Вот привозят бойца... Понятно, в желтой зоне его стабилизировали, в красной, может быть, подмотали... Сколько там от Бахмута до вас, в принципе, его везли?

– Часа полтора-два от Бахмута до нас было. Ну сначала, конечно, ребят привозят или на буханке на какой-то, или еще на чем. Ребята выгружаются, а мы к товарищам все время подходили, спрашивали: «Чай, может вам, ребята, еще, может, что-то?» Очень еще запомнилось, когда с конторовскими кашниками... Я у них спросил: «Вам, может, чай? Вафельки?» Они говорят: «Вафельки не надо, давайте печенье в клеточку», – заржал Крокодил. – То есть всегда ребятам и сигареты, и еще что-то... Все, что было. У нас у самих немного было. Ну, что оставалось, все всегда ребятам давали, грубо говоря, последнее отдавали, – серьезно рассказывал Крокодил, и было видно, насколько для него являлось важным поддерживать бойцов.

– Потом идет приемка. Каждого человека мы описывали. Есть такие бланки. Там человек нарисован, и ты метишь, где какое ранение там... Позывной записываешь, – стал перечислять он порядок оформления трехсотых. – После этого на приемку. Называлось «Перевязочное», короче. Там самое, грубо говоря, первое исследование. Там как раз магнитами и доставали осколки, которые неглубоко зашли. И что мне запомнилось, это то, что там, когдаходишь в эту перевязочную, там было написано: «По фене не балакать, а то улетите нахер». А ребята не могли по фене не балакать. И материться им тоже было нельзя. Хотя очень хотелось иногда, – как ребенок пожал плечами Крокодил. – Кто совсем тяжелый, тот оставался. Их клали в палату. У нас вместе и МОшники, и музыканты были, как здесь. Музыкантов очень много было. Очень много кашников было.

– Ну, то есть все лежали в одной палате?

– Конечно, конечно.

– А были какие-то еще приколы? Типа про печенье в клеточку? – радовался я непосредственности этого пацана.

– Ну, могу рассказать про одного товарища. Он тоже кашник. Они в окопах, короче, стояли. И танк выехал. Ну, это пиздец! И, короче, он прямо перед блиндажом ударил в землю. И тому осколками все лицо посекло. Не помню позывной, имени тем более не знаю. Но человек остался без глаз просто. И, конечно, он очень расстроен был. Я его пытался, как всех, подбодрить. И я ему сказал: «Да ладно, ты не расстраивайся. На гражданку приедешь, у тебя вообще все отлично и нормально будет. Вот прикинь, к тебе кто-то подойдет, короче, а ты ему скажешь, мне танк пытался ебальник набить. А, короче, не получилось, лопнул!» И он так обрадовался этому. И я рад был, что я, ну, не знаю, помог взбодрить человека.

– Вот ты тип! – уважительно вырвалось у меня, и в тот же момент я вспомнил, как сам мучался, размышляя, останусь ли я без глаз или нет.

– Музыканты говорили, что мы конченные. Ну, в хорошем плане. Потому что они-то, кто срок отбыть вот. А мы – за бесплатно.

– И ты два месяца пробыл в этом госпитале? А теперь тут?

– Да. Скоро домой уже. Но я отдохну немного и опять приеду.

– Удивил ты меня, Крокодил, конечно. А лет тебе сколько?

– Скоро восемнадцать будет.

– А ты выходил в город вообще там? Выходные были какие-то, отдых?

– Выходил разок, в самоволку, – тихо сказал Крокодил.

– То есть, там выходить нельзя было, а ты погулять, в кафе сходить вышел?

– Не в кафе, конечно. С товарищем ушел за продуктами. Думал напиться, но не стал.

– Я понял.

– Еще у меня там друг был. Ему пятьдесят четыре года было. У него шеврон прикольный был: «Пенсионные войска». А там чебурашка такой сидит. И я с ним в основном сидел на посту ночами. Много с ним разговаривали.

– О чем?

– Да просто, обо всем, – развел руками Крокодил. – Там не мужик, там терминатор, короче. Он столько войн прошел. И Афган, и Чечню. И в контору тоже попал.

– Он был в службе безопасности? Охранял этот госпиталь? Или раненый?

– В охране стоял. Музыкант. Это прям спец-спец! Очень много всего я от него узнал, – Крокодил искренне восхищался спецами, даже не представляя, что он сам и есть настоящий пионер-герой.

– Вот! – с гордостью показал он мне шеврон ЧВК. – Пацаны подарили. Сказали, что я тоже музыкант теперь.

– Так и есть, брат, – пожал я ему руку. – Так и есть...

– А потом я заболел. Легкие из меня просто выпали. Слег с бронхитом, потому что там погода, короче, пиздец. Когда мы, короче, припасы выгружали. Мало того, что там, блин, снегодождь какой-то непонятный, блин, с метелью. Еще по нам стреляли. И в итоге я с бронхитом слег. И не смог там никак вообще. И меня сюда перевели, на поправку... Но сложнее всего было, когда гражданских привозили, – поджал губы Крокодил.

– А в чем трудность?

– Трудность тут, скорее, моральная. Потому что военнослужащие – это в основном ребята, которые именно нацелены на то, чтобы служить, и они знают, на какие риски идут. С гражданскими – другая проблема. Они не хотят этой войны. Они, скажем так, не готовы к этому, – с грустью в голосе продолжил он. – У меня был случай, когда мы оперировали три дня женщину. Ей ногу оторвало и руку. У нее три ребенка осталось. Она три дня мучилась. У нее более двухсот пятидесяти осколков мы достали. И она точно не хотела войны. Она просто хотела жить, и в итоге получилось вот так.

– Выжила?

– Нет. Три дня промучилась, я говорю, и умерла, – разговорился Крокодил. – Был еще случай... Я не знаю, правильно ли я тогда поступил, но мне казалось, что это правильно. Я до сих пор об этом думаю. Я соврал человеку. Ко мне подошел молодой парень конторский: «Доктор, доктор, а что у меня с рукой будет?» У него пальцы все черные. Ну, там все, как бы, их...

– Не спасти?

– Да. И он меня спросил, есть ли шанс. И я сказал: «Есть». Ну, хотя я видел, что все.

– А рука правая или левая у него была?

– Обе. Обе руки, – посмотрел мне в глаза Крокодил, ища поддержки, что он поступил правильно. – Да ему лет двадцать было. И я соврал. Сказал, что все наладится, все будет хорошо. А через пару дней я помогал хирургу, когда ему пальцы ампутировали.

– Тяжелые истории. И как ты спасался вот от таких переживаний?

– Спасался? – не понял меня Крокодил.

– Как ты переживал все это?

– Да не то, чтобы я спасался, на самом деле. Ну, первое время, как приехал, конечно, тяжело было. Главное – оставаться всегда человеком. Вот это вот единственное. Будешь человеком, будет все хорошо.

– Ну, а в твоём понимании, что значит оставаться человеком? Какой в этом для тебя смысл?

– Даже будучи бойцом, будучи гражданским медиком, не надо воспринимать врага как чудовище. Относиться ко всем с уважением.

– Слушай, а пленных привозили туда лечить?

– Приходилось. Иначе бы они не дожили.

– Ну, понятно. И вот с ними там удавалось как-то общаться, или молча все это проходило?

– Да, удавалось. Но это не то, что разговоры были. Скорее так: «Да, да... Нет, нет...»

Крокодил замолчал, и я понял, что он устал от моих расспросов и такого большого обилия слов, которые ему пришлось сказать.

– Спасибо тебе! – еще раз пожал я ему руку. – Ты – настоящий музыкант.

– Да ладно... – улыбнулся он. – Но приятно. Вам спасибо.

Через пару недель мое лечение подошло к концу. Для окончательной поправки меня должны были перевезти на стадион, где мне предстояло пробыть какое-то время. Зрение постепенно восстанавливалось, и я уже отлично различал лица и мелкие детали. Особенно вблизи. Утром я зашел к Андрею Геннадьевичу попрощаться.

– Андрей Геннадьевич, я бы с удовольствием остался, но не могу. Я на передке больше пользы принесу. Можете меня выписать?

– Приказать я тебе, конечно, не могу... – с надеждой посмотрел он на меня. – Но был бы рад, если бы ты остался.

– Не могу... Только, если прикажут, но я бы сам не хотел тут до конца контракта сидеть, – надеясь на понимание, посмотрел я ему в глаза.

– Хорошо. Хозяин – барин, – пожал он мне руку. – Будешь в наших краях, всегда рад буду видеть.

Я простился с пацанами по палате, со своими больными, с Олей и Крокодилом и отбыл на следующую точку, «Стадион». Пробыл там еще три недели и, устав мазать раны бойцам зеленкой, пошел в нашу СБ, где стал проситься назад в разведку. Меня опять немного поугаваривали остаться медиком здесь или в госпитале, но я сказал, что меня ждут как медика на передке, а это важнее. Спорить со мной никто не стал, и после Нового года я выехал в направлении Бахмута.

5. Изер. 1.5. Оборона

Вернувшись, я решил отдохнуть и попросил Гурамыча подменить меня на должности командира.

– Хорошо, – ответил он с обычным своим выражением лица, по которому вообще ничего нельзя было понять.

– Ты как, брат?

– Нормально. Все думаю про Чернухана... Я же с ним с самого начала. Жалко его очень.

– Мне тоже, но... Он сам так решил.

– Да... – посмотрел он на меня. – Там перед нами домик этот зеленый. Хохлы там постоянно лезят... Как думаешь, что у них там?

– Хер знает. Пока приказа не было их трогать. Сидим тихо.

– Сидеть труднее всего.

– В общем, я пару часов посплю. Если что – буди, – пожал я ему руку и пошел спать в дальний угол дома, куда точно не должно было прилететь.

Я удобно устроился, забравшись в спальник, и наконец-то мог расслабить тело и ноги, которые давно гудели. Как только я выпрямился, то стал чувствовать, насколько я устал и как ноет каждая мышца моего тела. Мозг еще пытался думать и решать какие-то задачи, но усталость взяла свое, и я провалился в состояние анабиоза между небытием и реальностью.

– Изер! Изер! – тряс меня кто-то за плечо.

– Что? – резко поднялся я в полной уверенности, что только секунду назад закрыл глаза.

– Там Гурамыч в разведку решил сходить. Вызвал арту для прикрытия, отдал мне рацию и побежал к этому домику.

– Один? А кто приказал?

– Не знаю. Вот рация, – хлопал парень глазами.

Я забрал у него рацию и побежал туда, где была наша фишка, на которой я расстался с Гурамычем. С нашей позиции было видно, как по домику, который так интересовал Гурамыча, ведется интенсивный огонь. Я стал автоматически отслеживать точки, откуда били пулеметы, и помечать их на карте. Через десять минут огонь замолк, со стороны зеленого домика никто не подавал признаков жизни. Я вышел на связь с командирами и выяснил, что, пока я спал, Гурамыч вызвался сходить в разведку и попросил для этого поддержку. Ситуация была крайне странная, и я не понимал, для чего он это исполнил.

– Что там? – заинтересовался Гонг.

– Тишина.

– А Гурамыч где?

– Не знаю... Рацию-то он оставил. Что делать?

– А что сделаешь? Если вернется, дай ему подзатыльник, а после пожми руку как герою. Разведку-то он произвел очень хорошую, – подвел итог Гонг.

– Хохлов там тоже не видно.

– Эх, пацаны! И это... Прими плюс, – сообщил Гонг, что посылает мне кого-то важного.

Я стал дальше всматриваться в домик, не наблюдая там никакой активности. Еще час мы сидели и ждали, что вот-вот увидим какой-то знак от Гурамыча, но я не наблюдал ни его, ни хохлов, которые бы пытались туда пробраться.

– Привет, Изер! – услышал я сзади знакомый голос. – Не ждал?

– Резон! – обрадовался я, увидев его довольное лицо.

– Не ждали? – развел он руки в стороны. – А я вернулся.

Мы обнялись, и он стал рассказывать, как, прокапавшись, почувствовал себя лучше и решил не ехать в тыл. Это было радостное событие, которое скрасило предыдущий эпизод. Я

рассказал ему ситуацию с Гурамычем, передал ему командование и опять стал его заместителем.

Резон был общительным и веселым, что не мешало ему быть думающим, когда необходимо серьезным и принимать верные и неординарные решения для выполнения задач. Он никогда не унывал и не показывал вида, что ему грустно, или тяжело. Наоборот, он всегда помогал другим разобраться с непонятной ситуацией и являлся стабильной поддержкой и цементом для подразделения, не смотря на то пекло, в котором мы находились.

– Как думаешь, Резон, что с Гурамычем стряслось?

– Психоз военный... Так бывает. Словил бессмертного.

– А может, на него так смерть Чернухана повлияла? – предположил я.

– Думаю, что все вместе, – пожал он плечами. – Чернухан просто был его кентом и давал ему опору, а когда его задвухсотило, что-то сломалось, – Резон посмотрел в сторону украинских позиций. – Шанс, что он жив, конечно, не велик, но пока мы тела не видели – он есть.

– Странно все это... – посмотрел я вслед за ним в сторону позиций хохлов, как будто надеясь, что возле этого зеленого домика, куда он убежал, вдруг поднимется рука и станет махать нам.

– Мне один медик рассказывал, что это такая штука... Слово забыл... – наморщил лоб Резон. – Короче, когда ожидание смерти, хуже самой смерти. Настолько все заебывает тут, и настолько человек устает бояться, что начинает подсознательно искать избавления от этого состояния.

– Никогда не думал так про это, – удивился я.

– Ну, сам посуди. Тебе... Не тебе конкретно, а вообще, настолько страшно и стремно, одиноко или грустно, что просто вилы! И это длится неделю, месяц, два... И уже хочется, хоть как-то избавиться от этого состояния! Любым способом! Что обычно люди делают в таком состоянии на гражданке?

– Бухают, наверное...

– Точно! Или играют в танчики, как дети. Или ставки делают! Или по девкам шляются! Что угодно, только, чтобы не чувствовать этот страх и пустоту.

– А тут... Бухать и торчать нельзя. Девочек нет, а вместо танчиков настоящая война.

– Думаю, так... И остается, как доктор сказал: «Скрытое влечение к смерти, как самому простому способу ничего не чувствовать...» – грустно посмотрел на меня Резон. – Думаю, с Гурамычем что-то такое и произошло. Был, конечно, еще вариант...

– Какой?

– Запятисотиться.

– Нет! Гурамыч никогда бы так не сделал! – помотал я головой, вспоминая десятки эпизодов, когда он проявлял не просто смелость, а безбашенность.

– В этом и проблема. Неразрешимый конфликт. Дать заднюю невозможно из-за убеждений, а продолжать переживать все это, – Резон обвел рукой пейзаж вокруг, – уже нет сил. И выход?

– Снять напряжение, сделав что-то совсем безумное.

– Не худший, я тебе скажу, вариант, – серьезно сказал Резон. – По сути, кто такие пятисотые и почему они это делают? – спросил Резон и тут же ответил сам себе: – Им страшно перестать быть. Погибнуть и исчезнуть навсегда. Ведь смерть – это невозможность быть дальше. Не чувствовать, не дышать, не любить, не бухать, не видеть родных, жены и своих детей. Просто представь... Раз, и больше нет ничего! Тотальная аннигиляция! А тут, на дню, по десять раз такое может случиться, – достал Резон сигарету, прикурил, жадно и глубоко затянулся, глядя на меня.

– Они бояться этого, и страх парализует их. Психика не выдерживает и включает тормоз.

– Да. Был воин – стал пятисотым, – выпустив дым, он продолжил: – А Гурамыч выбрал подвиг.

– Ну, хоть какое-то объяснение. А то я уже на себя грести стал. Думал: «Может, я что-то недоглядел? Не понял?».

– Что бы тут не происходило, нам нужно не пятисотиться, а ежедневно делать свой маленький воинский подвиг и быть готовыми оказаться триста или двести. Как была фраза в одном сериале: «Что мертво – умереть не может!»

– Быть воином – жить вечно! – пожал я руку Резона.

– Да... У викингов, да и вообще у всех воинских каст, был культ смерти. Они были готовы не просто умереть, а знали, что в рай попадают только те, кто умер в бою, а не у себя в постели.

– Крутая тема.

– Да. Для войны нужна вот такая идея, которая побеждает страх смерти. Иначе никак. С ума сойдешь.

– Как думаешь, Резон... мы останемся хорошими людьми после всего этого?

– Не ссы, Изер, как говорил Вуди Харрельсон: «Плохие люди тоже нужны, чтобы отпугивать тех, кто еще хуже». Мы здесь за этим.

– Отличная идея, – улыбнулся я, и меня окончательно отпустило. – Спасибо тебе, Резон. Ты прямо, как психолог.

– Обращайся! – улыбнулся он. – С тебя за сеанс пачка сигарет! – засмеялся он. – Шучу, шучу! – глядя на выражение моего лица, торопливо добавил он.

Мы продолжали укрепляться и ждали, пока другие группы продвинутся вперед, и мы сможем идти дальше. Мы расширили и благоустроили блиндажи внутри дома, подвал и прочно засели в обороне. Наступило непривычно спокойное время, и я стал маяться от бездействия. Привыкнув с первого дня к интенсивным боям, полным событий и адреналина, моя психика воспринимала вынужденное затишье со смесью тревоги и скуки. Я маялся и не знал, чем себя занять, время от времени вспоминая Гурамыча. Он не вернулся, и было件нятно, что он двести, но тела его мы не видели, а ползти туда за ним было самоубийством.

– Резон, а можно я поучусь с РПГ стрелять? – придумал я себе новое занятие.

– Без проблем.

– А как?

– Бери да стреляй, – удивился он. – Кто тебе мешает? Ты же все знаешь.

– А куда стрелять?

– По двухэтажке, по частному сектору отработай. По лесополосе херачь, чтоб там хохлы прозрели.

В комплекте с РПГ шли беруши, которые никто не использовал. Я тоже решил фразернуться и не стал втыкать их в уши. Зарядив морковку, я тщательно прицелился и выстрелил в сторону лесополосы... И оглох! Выстрел отдался в голове колокольным набатом, и меня повело. Зрение расфокусировалось, и я на заплетающихся ногах, как пьяный, побежал в дом.

– Ты как? – прочитал я по губам то, что кричал Резон.

– Ништяк! Вообще тема! – заорал я в ответ и стал заряжать вторую морковку.

Я выбежал и выстрелил еще раз, уже более прицельно, и опять скрылся в доме. Резон тоже выпустил пару гранат в том же направлении, и мы решили не нагнетать обстановку и не сильно привлекать внимание хохляцких снайперов. После стрельбы из РПГ я был на седьмом небе от счастья, потому что я понял, что это очень крутое оружие. В нашей группе царил позитивный настрой и рабочая атмосфера. Сакэ с Бомеделом раздобыли музыкальную аппаратуру, и мы, собрав ее, слушали музыку. У меня было такое ощущение, что я с ними знаком много лет и знаю про них все, как и они про меня. Мы много общались, травили анекдоты, рассказывали друг другу истории из прошлого и мечтали о будущем. Периодически я вспоминал Чернухана и Гурамыча и жалел, что их нет рядом.

Через полчаса пацаны пошли на штурм второго ряда двухэтажек. Как только хохлы стали откатываться в тыл, пытаясь отступить по улице, мы начали отстреливать их из РПГ. Мы пытались стрелять навесиком, как научил нас Резон. Это было не просто, но весело. Нужно было правильно, как в компьютерной игре, установить угол и послать морковку почти в небо, чтобы она упала, где нужно. Поддержав пацанов, мы вновь вернулись к спокойному времяпрепровождению.

Вечером нам притащили прицел на Калашников с тепловизором, и я полночи пролежал в сарае, наблюдая за хохлами и мечтая в кого-нибудь стрелкнуть. Состояние было похоже на нервозность и надежду рыбака, который следит за поплавком и ждет поклевки. Иногда мне казалось, что в окне мелькает светлое пятно, и я напрягался, сильнее впивался в автомат, ожидая, что сейчас кто-нибудь подставится, и я смогу сделать меткий выстрел, но шли минуты, и я никого не видел. Так повторялось несколько раз, но, к моему огромному сожалению, за всю ночь я так и не увидел достойной цели и загрустил от этого.

Следующую неделю мы по-прежнему сидели в обороне и слушали по рации, как пацаны берут дом за домом и выходят к большой открытке, которая отделяет Опытное от Бахмута. В эфире мелькали позывные командиров групп и направлений, и создавалось такое ощущение, что мы знаем всех, как в большой и дружной семье. Жесткие команды Абрека, насмешливый голос Флира, добрые слова и моральные пиздюли бати Гонга воодушевляли нас и вселяли уверенность полной победы ЧВК «Вагнер» над любым вражеским подразделением. Мы слышали, что наши группы зашли в частный сектор, который шел вдоль Артемовского шоссе, и натолкнулись на сильное сопротивление хохлов. Сразу за открыткой возвышались четыре многоэтажки, откуда хорошо простреливались все наши позиции, особенно этот частник. Пулеметы, снайпера, птички и минометы не давали нашим группам быстро продвигаться вперед и наносили ощутимый урон. Пока многоэтажки находились под хохлами, наши группы были у них как на ладони, и воевать было тяжело. Мы понимали, что ситуация дала нам шанс на передышку, которая закончится, как только наши продвинутся дальше.

– Как думаешь, Резон, как мы лесополосу брать будем и эти поля с окопами впереди?

– Как-то будем... Трешка вон, только в полях и воюет. Как-то же они берут их. Да и Обида рассказывал, как они под командованием Гавроша и Гонга в полях воевали.

– Ну, да... Перестроимся, – соглашался я.

Краем уха я услышал переговоры Парижана с Гонгом о том, что он видит передвижение хохлов и просит помочь накрыть их.

– Резон, давай тоже туда ебнем навесиком?

– Давай, – улыбнувшись, согласился он. – Вот смотри, это примерно тут, – показал он мне точку в планшете. – А это значит, стрелять нужно туда, – показал он рукой примерное направление. – Метров шестьсот.

– Достанем?

– Попробуй.

Мне нравилось в Резоне, что он всегда был за разумный кипиш и с радостью поддерживал мои инициативы. Я зарядил стрелу и, примерно прикинув угол полета, выстрелил. Проводив взглядом полет гранаты, я услышал далекий взрыв.

– Кто стрелял? – вышел в эфир Парижан.

– Это Изер, – ответил ему по рации Резон. – Что случилось?

– Четко попал! Хохол шел – и прямо возле него! Накидывай еще туда!

Воодушевившись удачей, мы вместе с Сакэ накидали туда еще пять гранат.

– Отлично пацаны! Хохлы разбежались. Классная работа.

Так мы стали работать с группой Парижана и остальными пацанами, и это стало нашим основным развлечением. РПГ оказался очень мощным оружием, в которое я влюбился. Я стрелял прямо и навесиком и все больше понимал Чернухана, который тоже очень любил РПГ.

Когда он был в моих руках, я чувствовал себя робокопом, способным штурмануть любой укреп в одиночку. При этом я не забывал про бдительность и старался каждый раз менять позицию, чтобы не разделить судьбу рядового РПГшника.

Настроение у всех было отличное. Мы пили кофе, стреляли, чистили оружие и обсуждали тактику боев: как лучше заходить в окопы, штурмовать здания, делая в них проломы, и как прятаться от птичек. Наш медик рассказывал всякие маленькие хитрости о способах эвакуации и об оказании помощи себе при разного рода ранениях.

– Хорошее время, – мечтательно заметил Бомедел.

– Да. Уверен, что мы потом будем всю жизнь вспоминать эти месяцы, и ничего с ними не сравнится по силе впечатлений, – кивнул я.

– Главное не унывать, – добавил Резон. – Уныние на войне – это не просто смертный грех, это полный пиздец! Как говорил мой учитель истории и военрук Виктор Иванович: «А гундосых – в мешок и шилом!».

6. Миор. 1.6. День рождения

Мы все, кто был на тяжеляках: ПТУРисты, кордисты и гранатометчики, рьяно охотились за любой техникой, которая близко подъезжала к передку. Все хотели завалить крупного зверя. Всякий раз, когда возникал разговор про это, в каждом из нас вспыхивал тот самый инстинкт охотников-собирателей, отточенный сотнями тысяч лет эволюции. В воздухе повисал запах крови и славы, которая могла достаться тому, кто завалит зверя помощнее. Самыми первыми известными человечеству наградами были не золотые украшения в виде цепей или обручей, самыми первыми призами, говорившими о силе и храбрости воина, были ожерелья из когтей и зубов крупных животных, которые получал право носить только тот, кто лично убил этого зверя. Встречая охотника с когтями медведя на шее, женщина точно знала, что этот воин проворен и силен и сможет защитить ее и их потомство. Клыков и когтей у техники не было, и было бы странно носить на бронике болты и шестеренки, но денежная премия, обещанная каждому из нас за уничтожение крупных «зверей», тоже была соблазнительна.

Одиннадцатое января прошло достаточно спокойно. Наши группы не ходили в штурм. Мы, отстреляв пару коробов для профилактики, спокойно сидели на позиции и отдыхали. Жили мы на ДК у Сапалера, а работать ходили на трехэтажку, где было оборудовано несколько пулеметных точек.

– Саня, – посмотрел на меня Сплеш, – завтра в честь твоего дня рождения мы устроим тебе подарок!

– Какой? – удивился я.

– Завтра мы с тобой, по-любому, какую-то технику бабахнем! Прямо чувствую!

– Дай Бог. Дай Бог... – закивал я, ощущая прилив тепла к Сплешу. – Спокойной ночи.

Перед сном я подумал о прошедшем дне и порадовался, что я по-прежнему жив и здоров, что мои друзья и приятели тоже остались невредимы. Потом я порадовался, что вообще никто не стал двухсотым и что я попал служить именно во взвод разведки к Гонгу и Гаврошу, очень хорошим командирам, которые берегли личный состав и не бросали нас как мясо ради своей карьеры. Как обычно, я долго не мог уснуть и ворочался на своей лежанке, мысли мои скакали из прошлого в будущее. Я то вспоминал лица приятелей и родных, эпизоды жизни, связанные с ними, то думал о том, как вернусь домой и продолжу свой бизнес по очистке и детейлингу, то начинал сомневаться в том, что выживу. Закончилось все тем, что я вспомнил первый день приезда на передок и предложение Гонга дать мне возможность запятисотиться, от которого я тогда отказался.

На тот момент он показался мне максимально холодным дядькой, которому было абсолютно похер на нас. Я был растерян и не понимал, что здесь происходит, ждал, что меня встретят, проведут экскурсию и все объяснят. А вместо этого Гонг выдал нам достаточно жесткую речь: «Парни, я не буду вам рассказывать о том, как здесь страшно. Что здесь летает, как часто здесь убивает и калечит людей и так далее... Я не буду это в красках все рассказывать. Просто знайте, что вы приехали в самый настоящий ад». И я понял, что этот дядька за словом в карман вообще не лезет. Он все говорит, как есть, не приукрашивая. Гонг вызвал смешанные чувства уважения и страха. Я улыбнулся своим воспоминаниям о первых днях и переживаниях насчет него. Я сразу понял, что это человек, которого стоит опасаться, и ни в коем случае не позволять ничего лишнего в отношении него. Он сразу у меня вызвал ассоциацию со строгим паханом, которому скажи что-то не так – и наступит пипец! После этой встречи мы с ним долго не виделись... А когда увиделись, – вспомнил я выражение его лица, – то он искоса поглядывал на меня, как бы спрашивая: «Ну че ты, типа, пулеметчик? Предупреждал я тебя, что лучше сразу в пятисотые записаться, а ты не захотел! Вот теперь и расхлебывай! Молод ты еще для войны! Салага!» И только после той ситуации, когда в Иванграде нам нужно было отрабо-

тать по хохлам, засевшим в доме, и все стали стрелять по-сомалийски, а я выскочил один на открытку с пулеметом и отработал ленту в сто патронов, он стал смотреть на меня по-другому. «Как же мне было страшно», – вспомнил я эти непередаваемые ощущения животного ужаса, от которого сводило скулы и живот. Но я отработал, перезарядился и опять выбежал туда... И услышал в рацию слова Гонга: «Ребята, вы самые лучшие! Вы – молодцы!» После этого я тоже поменял к нему отношение и понял, что он совсем не холодный, а хороший мужик, способный адекватно реагировать на происходящее. С кем бы я не разговаривал про батю, как мы звали Гонга, все повторяли одно и то же: «Батя нас любит. Батя за нас горой. Батя хуйни не скажет!» Его похвала, как и мягкая критика «эх вы, шляпы ебучие!» невероятно мотивировала каждого из нас намного больше, чем ругань командиров в других подразделениях. Даже если мы косячили, Гонг находил нужные слова, которые обращали критику в достижение. Конечно, среди бойцов находились реальные гандоны, которые пользовались его добротой и подставляли его... Засыпая, я думал: «Вот, хотя бы взять тот случай...» Не успев додумать свою мысль, я провалился в сон, в котором мы с Гонгом бегали по Иванграду, и он все время нахваливал меня, восхищаясь, как я классно стреляю из игрушечного пулемета.

– Миор! Проснись, Миор! – тормозил меня Сплеш. – Давай быстрее!

– Что? Что случилось? – вскочил я со своей лежанки.

– С днем рождения! – заржали Сплеш и верзила Каталонец. – Вставай быстрее, нам на школу нужно срочно!

– Понял... За поздравления спасибо.

Я быстро схватил пулемет за ствол, и мы понеслись окольными тропинками к школе. По прямой от ДК до школы было метров триста, но все эти триста метров простреливались противником, поэтому бегали мы окружным путем через пятиэтажку Абрека и четырехэтажку Стахана, что увеличивало марафон в три раза.

До вечера мы работали со школы, подавляя огневые точки в многоэтажках на северо-западе. Ничего примечательного не происходило. Работа была рутинной и мало запоминающейся. Гонг, Пикша или Тельник указывали нам цель, а мы гасили ее, время от времени меняя позиции.

– Давай, отдыхайте, мужики, – скомандовал Гонг, как только стало смеркаться.

– Идите поешьте. Там пацаны приготовили что-то, – пригласил нас на кухню Тельник.

Там я встретил своего приятеля по Клиновому Федота. Он рад был меня видеть и позвал сесть рядом. Вместе с теми, кто был за столом, мы стали уплетать достаточно хорошо приготовленные макароны по-флотски и запивать их горячим сладким чаем. Тепло вместе с энергией стало расползаться по уставшему телу. Доев одну порцию, я положил себе добавки и стал есть уже более размеренно.

– Как говорил один мой кент: «Пища тоже прет, но слабо», – улыбнулся мне Федот с хитрым видом. – Кушай, милый, кушай.

– Спасибо. Очень вкусно, – кивнул я ему, пережевывая очередную ложку макарон с мясом.

– Слышь, Федот? Продолжая нашу тему, которую мы обсуждали... – обратился к нему очень коротко стриженный боец с густыми, почти сросшимися черными бровями.

– А что с ней? – тут же откликнулся Федот.

– Ты все время говоришь, что война людей по мастям раскидывает. А по каким? – спросил он.

– Тут, брат, мастей целая колода. Каждый по-своему в жир ногами лезет, – Федот почесал щетину, задумался на миг, видимо подбирая слова, и продолжил: – Есть те, кто по жизни по уставу живет. По чести и долгу. Приказ – значит, приказ. Без соплей. Такие, знаешь, в бою самые надежные! Держат сектора, не паникуют, врага уважают, убивают без эмоций. Враг есть враг. Ничего личного.

– Не герои, а просто работу делают, как учили? Как наши командиры и те, кто в компании давно?

– Точно! Воины, в общем, – согласился с ним Федот. – Таких я уважаю.

– А какие масти еще? – заинтересовался я, дожевывая макароны.

– А есть такие же, но бешеные, – посмотрел на меня Федот. – Раньше их берсерками звали. Им адреналин как наркотик. В мирной жизни они никто, а тут – цари с автоматом. Им бой нужен, без него они тухнут.

– Да, знаю таких... – передо мной встала пара знакомых лиц.

– Тут – движняк, а на гражданке что? Серость бытия. Таких потом в мирной жизни не удержишь – все время назад их тянуть будет.

– Война, наверное, как ширево – умеет ждать, – кивнул еще один боец, ехидно улыбаясь своими бескровными губами.

– А кто самый страшный? – спросил первый.

– Страшнее всех те, кто кайф от убийства поймал, – сузил глаза Федот, – власть почувствовал. У них башка в хлам, только сами этого не понимают, что жизнь человеческая для них стала меньше рубля стоить.

– Это от того, что сами много смертей видели и сами много у кого жизнь забрали, наверное?... – посмотрел я на Федота.

– Ну да... Вроде, как синдром бога. У братьев Стругацких роман такой есть: «Трудно быть богом», – согласился со мной Федот. – А есть мстители... У них личный счет: родных убили, «враги сожгли родную хату». Для них война – дело личное. Они не воюют, они просто творят свой суд и хотят справедливости.

– А нормальные есть? – развел руками я. – Должны же быть патриоты?

– Идейные-то? Естественно, но эти, как любые идейные, за идеей своей людей могут не видеть. Этим, наверное, проще всего. И убивать, и воевать.

– Мотивации больше... Я вот тоже себя проверить пришел, да прошлое подчистить, чтобы дети и родители про меня плохого не думали, – вставил Пикша свои пять копеек. – Мне до освобождения три месяца оставалось.

– Да, идеи у всех разные. Кто-то за правду, за людское. За русский мир. За Русь и Отечество! За все хорошее, против всего плохого! Только пойдя тут на войну разберись, где оно зло, а где добро... – как обычно поставил Федот под сомнение то, за что топил недавно.

– Слушаю я тебя, Федот, и не пойму... А ты-то какой масти тогда? – усмехнулся Пикша. – Вроде вещи правильные говоришь, а иногда такое намутишь, что хер тебя поймешь.

– Я-то? Я философ. Я правду хочу понять. Только правда эта, братан, как ртуть. Вот, вроде в руке блестит, а хрен ухватишь. Я вроде и здесь, а вроде и со стороны наблюдаю. И участник, и смотрящий, и подсматривающий, – усмехнулся он. – Такие как я после либо спиваются, либо книжки писать начинают.

– Хитрый ты жук, Федот, но интересный, – усмехнулся Пикша. – А еще кто есть?

– Коммерсанты. Эти просто за деньги. Для них война – рынок. Сегодня оружие, завтра полезные ископаемые, послезавтра трофеи. У них принцип простой: кто выиграл, тот и владеет. Наемники, короче.

– Мародерка – это святое, – согласился с Федотом бровастый, и многие улыбнулись и непроизвольно закивали головами.

– Призраки еще есть... Эти, на мой взгляд, самые тяжелые. Их война стерла. Души нет, одна тень осталась. Смотришь – ходит, ест, стреляет, а в глаза глянешь – бездна.

– А пятисотые?

– Это те, кто тут оказался случайно. Их тут быть не должно, а они по каким-то причинам поперлись. Этих мне жаль, конечно. Убьют – плохо, а выживут – так до конца жизни потом страдать будут.

– Пессимистичный у тебя список какой-то, Федот.

– Это, знаешь, от погруженности в реализм жизни, – загнул Федот. – Так что, подводя итоги нашей конференции, мы можем сделать общий вывод: на войне уши держи остро, а жопу в укрытии!

– Ладно, спасибо за базар-вокзал. Пора мне идти командовать воинами, берсерками, кашниками и прочей почтенной публикой, – откланялся Пикша.

– Пикша – Гонгу? Где там наши пулеметчики?

– Тут. Хавают.

– Скажи им, что нужно срочно выдвигаться обратно! Там какая-то техника подъехала, – быстро заговорил Гонг. – Пусть хватают пулемет и пулей к Сапалеру.

– Вот и отдохнули... – посмотрел на меня Сплеш. – Подъем, именинник. Подарки приехали!

Мы схватили свой пулемет и галопом поскакали обратно. Нужно было добежать до ДК, используя все свои силы, чтобы успеть до того времени, когда украинская ночь покроет своим непроницаемым саваном все вокруг. Каталонец бежал впереди нас, задавая темп своими двухметровыми ногами. Я до последнего старался бежать за ним, не отставая, держа мертвой хваткой ствол пулемета. Две тарелки макарон подпрыгивали внутри, слипшись в одну сплошную массу, и желудок, стараясь облегчить вес тела, несколько раз пытался извергнуть эту массу наружу. Я не сдавался и, подавляя рвотные позывы, продолжал бежать вперед. Ноги отказали на открытке. Остановившись, я смотрел на спину убегающего вперед Каталонца и не мог заставить себя сделать следующий шаг.

– Миор! Так я и знал, что ты опять будешь исполнять! – заорал сзади Сплеш. – Беги, блять! Ты чо? Нас сейчас тут перебьют нахер!

– Хорошо... – выдавил я из себя и почувствовал, как внутри открылся дополнительный источник питания.

Остаток пути я думал, что умру. Потом надеялся, что выживу, но у меня разорвется селезенка, легкие или сердце. Последние сто метров я бежал на автомате, считая мутные круги, которые расплзались в стороны перед глазами.

– Вы че, пацаны, такие запыханные? – спросил нас мужик из группы эвакуации, которую мы встретили недалеко от пятиэтажки.

– Со школы бежим, уже сил нет, – выдыхая, ответил я.

– А нахера вы бегаете? Тут же уже тыл. Можно и пешком передвигаться.

– А птицы? А АГС?

– Успокойтесь, пацаны, – подключился к нему второй, – мы тут уже две недели как пешком ходим. Главное – у церкви бегом проскакивайте. Там место действительно пристрелянное, а до пятиэтажки все в шоколаде.

Мы со Сплешем переглянулись и, пропустив группу эвакуации, побежали дальше, обгоняя Каталонца.

– Пацаны, вы чего? Эти же сказали, что...

– Жизнь дороже, – отрезал Сплеш.

– Как хотите, а я пойду. Прилетит, так прилетит, – донеслось сзади.

По прибытии на место выяснилось, что никакой техники нет. Просто одному из фишкарей с позывным Кверчин показалось, что вдалеке мелькнули фонари, и был слышен звук техники.

– Вот такой, значит, подарок от судьбы! – лежа на спине, стонал я.

– Подарок тут один – день жизни. А остальное – это мелочи, Миор, – тут же парировал Сплеш.

– Не поспоришь. Я вот что-то часто стал вспоминать, как сюда ушел... – захотелось мне поделиться с ним своими переживаниями. – Честно говоря, плохо я с родными поступил. Жалею теперь.

– А что ты там исполнил? – повернул ко мне голову Сплеш.

– Просто я обычный пацан. Занимался перепродажами автомобилей. У меня свой детейлинг: полировка, химчистка, в целом-то, проблем не было, кроме надуманных, – начал я изда-лека, чтобы подготовить почву и объяснить смысл того, что меня терзало. – У меня все есть: мама, сестра, бабушка, дедушка, братик. Мой племянник, друзья... – стал мысленно считать я друзей, – сколько бы там их ни было. Их мало, но они есть, и они очень сильно переживали. Было несправедливо по отношению к ним, что я ушел очень тихо.

– Сбежал, что ли? – не понимал Сплеш.

– Я никому особо не сообщил, что собираюсь... Сообщил уже, грубо говоря, по факту, что уезжаю, и все.

– Расстроил их, в общем? Ты из-за этого паришься?

– Типа да.

– Теперь главное вернуться, Миор. Чтобы уж совсем их не расстроить... Понимаешь?

– Это да.

– А когда мы вернемся, то все это... – я увидел, как в полутьме подвала он махнул рукой, – покажется просто опытом. Школой жизни.

– Да, я вообще же из Мытищ. Почти из Москвы... И многого вообще не понимал до попадания сюда. Грубо говоря, что я видел в своей жизни? Какие страдания? Да никаких! Страдания мои все были мудовые... Денег не заработал, с девушкой поругался и такая дребе-день. А тут я понял, что ценить нужно каждый миг! Что жизнь – это настолько хрупкая штука, что просто думать про это страшно.

– Это точно. Если ты не совсем debil, то война – это очень крутой учитель! Где бы такое товарищество еще встретил? Помнишь, как мы с тобой тогда в подвале этом одну бутылку воды на двоих делили? – вдруг вспомнил Сплеш.

– Да! – кивнул я. – Когда уходил в ЧВК, если честно на себя посмотреть, я был откровенно придурком, которому вообще на все плевать.

– Да ты особо-то не изменился, – подколот меня присоединившийся к нам Каталонец.

– Ну, не скажи! Моя дурь уже триста, а время пройдет и задвухсотится.

– Ну, значит, все-таки не зря ты сюда пришел, Миор, – уверенно сказал Сплеш. – Не пришел бы, так и остался придурком. Война – это и есть детейлинг твой. Глубокая очистка, полировка всех деталей твоей личности.

– Круто! Нужно запомнить! – удивился я образности мышления Сплеша.

– Отдохнули? – вошел в наш отсек боец. – На пятиэтажку за аккумуляторами сбегать нужно, а послать некого. Выручите?

– Я не могу! – сразу отказался Каталонец.

– Давай, сбегая... – согласился я.

– Я с тобой, за компанию, – поднялся Сплеш.

Забегав в пятиэтажку, мы присели передохнуть, облокотившись на стенку на первом этаже, ожидая того, кто должен был нам передать аккумуляторы. Вдруг справа с огромным шумом разорвался снаряд, проломив стену и обрушив плиту. Взрывная волна оттолкнула меня и повалила на Сплеша.

– Охренеть, тут тыловая позиция! – просипел он. – Валим быстрее в подвал. Ты целый?

– Ага! – с выпученными от страха глазами ответил я и понесся за ним к спуску в подвал.

Я не был тут со времени своего ранения. Оглядываясь по сторонам, я с удовольствием отметил, что подвал преобразился и стал комфортнее. «Все-таки люди везде себе гнездо

совьют», – подумал я. Недалеко от себя я увидел некое подобие кухни с печкой, на которой жарились макароны по-флотски.

– Опять они! – кивнул я на сковородку.

– А на чем они тут жарят все? – спросил Сплеш, и мы оба заглянули под печку.

– Газ? – переглянулись мы, увидев под импровизированной печкой огромный баллон сжиженного газа.

Я посмотрел на стены и увидел, что в паре мест они были проломлены и заткнуты просто какими-то шмурдяками и мешками с песком.

– На тоненького у них тут все.

Как можно скорее мы нашли человека, который передал нам мешочек с батареями, и побежали обратно в свой подвал, где было намного безопаснее.

7. Сапалер. 1.10. Тренировки

«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего».
(Мф. 24:42–43)

В то время как группа Парижана взяла крайнюю от шоссе двухэтажку, парни под командованием Пикши заскочили в первые две двухэтажки со стороны школы.

– Гонг, мы тут рацию захватили! – вышел на связь командир группы из средней двухэтажки.

– Молодцы! – поблагодарил его Гонг. – Отдай ее группе эвакуации, когда придет, послушаем, что хохлы говорят.

– Это не маленькая рация карманная, а стационар... Ее вдвоем тащить нужно.

– Базовая радиостанция? – удивленно переспросил Гонг. – Вы лучшие! Тащите ее скорее сюда. Герои вы мои! Очень важный трофей! Очень!

– Хорошо. Сейчас отправлю кого-нибудь, – с плохо скрываемой радостью ответил старший группы. – У нас тут непросто все. Пару накатов уже было ответных. Пидары, когда отступали, командира своего двухсотого бросили. Наемника, судя по документам. Пытались отбить.

Я почувствовал наслаждение и радость от маленькой победы, которую мы одержали. Был взломан очередной рубеж обороны и захвачен серьезный трофей. Я непроизвольно улыбнулся, представляя радость старшего группы, ликование Гонга и остальных командиров. Я смотрел на дом, в котором засела наша группа. Дом был окрашен заходящим на западе солнцем. Чувствуя умиротворение, я подумал: «Слава Богу! За все!» Внезапно на заднем плане, заглушая голос старшего, из рации послышались разрывы гранат и стрельба.

– На нас опять накат, командир!

– Держитесь! Рацию не отдавай!

– БК нет, – грустно сказал старший, – не поднесли пока, а свое мы расстреляли. Мы почти пустые.

В эфире, на фоне все более интенсивной стрельбы, повисла напряженная пауза, но уже через пять секунд Гонг включил всех, кто был поблизости, чтобы в максимально короткий срок парням принесли БК. Перед двухэтажкой и по соседним домам стала бить арта противника, отсекая возможность подойти к мужикам.

– Хохлы здесь, – доложил старший группы. – Мы оттягиваемся в первый подъезд дома. Ведем бой.

– Держитесь, сколько сможете, – сдержанно ответил Гонг.

Я посмотрел на часы. Не прошло и пятнадцати минут, как наша победа, как в быстрой шахматной партии, превратилась в острый момент, который мог закончиться поражением и гибелью группы. Нужно было что-то решать, но это была та ситуация, в которой только чудо могло спасти их. Напряжение в эфире звенело струной, готовой лопнуть в любой момент. Прошло пару минут и внезапно все стихло. «Все?» – удивленно подумал я. От быстрой смены плюса на минус мозг и нервы не успели перестроиться и принять ситуацию. Все мое нутро сопротивлялось тому, что этот день, казавшийся таким победным еще двадцать минут назад, вдруг обернулся трагедией.

– Гонг, хохлы отошли, – послышался тихий неуверенный голос в эфире.

– Как это? Были в здании и решили убежать? – засомневался Гонг. – Вас там в плен случайно не взяли?

– Они приходили за своим двухсотым и рацией, – стал объяснять старший группы, – я слышал, как они говорили со своими. Они им сказали, что рация у них, и получили разрешение на отход.

– Группа эвакуации, в дом заходите аккуратно! Это может быть засада, – спокойно командовал Гонг.

– Принято.

Минуты стали тянуться как вязкая патока. Я по-прежнему стоял у окна и смотрел на дом, который был еле виден в последних отблесках почти скрывшегося солнца. Сердце тревожно билось изнутри о бронезилет. А слух напряженно пытался уловить хоть какие-то звуки с той стороны, которые расскажут о разрешении ситуации. Даже внезапно начавшаяся стрельба переносилась бы легче, чем эта тишина и тягостное ожидание...

– Гонг, мы на месте, – вышел в эфир командир группы эвакуации, – информацию подтверждаю. Засады нет. БК и пополнение доставлено, – четко доложил он. – Забираем нашего двухсотого и уходим.

– Хорошо. Подарили нам хохлы дом, можно сказать. Хотя и сидеть там, между нашими позициями, резона нет... – как будто рассуждая вслух сам с собой, произнес Гонг.

На этих словах свет за окном окончательно потух и окружающий пейзаж поглотила тьма. За двухэтажками, где-то очень далеко на восточной стороне Бахмута, была слышна канонада, а на нашем участке война переключилась в ночной режим с ее шорохами в темноте, напряжением от невозможности видеть противника. И мы, и украинцы затаились на своих позициях и, пользуясь ночью как законной передышкой, стали готовиться к следующему рабочему дню. Группы эвакуации вытаскивали раненых и подносили БК, командиры штурмовых групп спешили на совещания, а бойцы, не задействованные на фишках, ложились спать, чтобы восполнить силы. Фронт жил своей круглосуточной жизнью в режиме «war never sleeps».

У меня, благодаря моим обязанностям и периодическим вылазкам со спэшлами, жизнь была насыщенной, а вот у моих бойцов начались однотипные будни. Из-за того, что трехэтажка была стратегически важным объектом, на случай прорыва нациков с севера или востока, был приказ удерживать ее, создав там сильный укреп. В обязанности моих бойцов входили лишь ежедневные фортификационные работы по укреплению стен, обустройству окопов внутри дома и работа на фишке. От этого простоя я видел их моральную, а не физическую усталость, что было чревато потерей бдительности. В это время у нас в РВ появились, в виде подкрепления, Литагор и его брат, штатные сотрудники компании, которые имели за плечами множество командировок, где компания воевала до этого. Выглядели они как древние викинги, пришедшие с севера. Две скалы, наполненные силой моря и буйством тайфунов. От них «пахло» войной. Война жила в каждой клетке их хорошо подготовленных тел. Все разговоры, которые они вели, были только про войну. Если они не воевали на ЛБС, то тренировались и тренировали свой взвод. Еще в тренировочном лагере они отобрали двенадцать молодых спортивных парней, дали им по ручному пулемету Калашникова и сделали из них воинов. Смотреть, как они работали, было одно загляденье. Все последующие здания до многоэтажек были взяты нашими группами под их руководством. Они умело вовлекали в работу всех, обозначая тактику, стратегию и формируя группы под эти цели и задачи. Благодаря им, дела пошли легче. На фоне всего этого у меня возникла мысль, с которой я к ним и отправился.

– Привет, мужики, – обратился я к ним. – Есть просьба... Или предложение...

– Говори. Поможем, чем можем, – с улыбкой ответил один из них, весело глядя на меня из-под военной панамы.

– У меня бойцы заскучали на позиции. Может, потренируемся, чтобы взбодрить их?

– Это легко! И с удовольствием! – тут же откликнулись они. – Давай, мы своих заведем на твои позиции, а ты своих оттянешь на пятиэтажку. Там и поработаем!

– Давай, четко цели и задачи определим, и погнали, – включился второй брат-близнец.

Не откладывая дела в длинный ящик, мы обсудили план двухдневных тренировок и наметили те навыки, которые быгодились бойцам при работе в высотной застройке. Мне еще больше понравился их деловой подход и военная четкость, с которой они подошли к делу.

В назначенный день рано утром к нам прибыла рать из двенадцати бойцов, одинаковых как тридцать три богатыря. Они поменяли моих мужиков на фишках, и мы выдвинулись к пятиэтажке, где Литагор со своим братом уже ждали нас в полной боевой экипировке. Тренировались мы до вечера без остановок. Этот процесс был таким интересным и захватывающим, что все мои мужики и я, естественно, сияли от бодрости и азарта, как только что смазанные и готовые к бою АКСУ. Мы, как будто стали выше, сильнее, смелее. На следующий день все повторилось. Заряда от тренировок хватило надолго. Я был искренне благодарен этим двум богатырям-викингам за их профессионализм, которым они зарядили весь взвод.

После этого обучения мои бойцы стали проситься на передок, но ослаблять позицию я не мог, и каждый день по двое-трое бойцов стали ходить в накат. Я организовал этот процесс так, чтобы мужики могли координировать эти выходы без меня, что они и делали.

8. Парижан. 1.7. Продвижение вперед

Кубата оттащили в южную сторону дома и положили в одну из комнат. Одна пуля вошла ему точно в лоб, а вторая в область виска. «Видимо, контрольный», – пролетела мысль. Тело лежало на полу в той же позе, в которой застыло на поле, и вызывало у меня, как любое мертвое тело, двойственные ощущения. Это было неживое, как будто деревянное, тело, в котором не было главного – самого Кубата. Его личности, с постоянными приколами и рассуждениями. С его вдумчивой серьезностью и душевным отношением к бойцам. С его вездесущей чуйкой.

– Спасибо, брат, что спас меня, – прошептал я вслух, как будто ожидая, что он улыбнется и ответит: «Не за что, Санек». Но он промолчал.

Смерть, как и рождение, сами по себе странные и таинственные явления, которые не укладывались в моей голове. А смерть в бою поражала меня еще больше. Я вспомнил, как мы перекинулись двумя фразами и переглянулись перед тем, как выбежать из здания; тогда он был еще жив и находился в этом теле. А через три минуты его уже не было. Ни в нем, ни в Опытном, ни в этом мире. Я, как христианин, верил, что Кубат теперь там, куда попадают все после смерти. «А что будет с человеком, бывшим зеком и воином Кубатом там, куда он ушел? – возник вопрос в голове. – И попадают ли хохлы и наши в одно место, или их распределяют по разным местам?»

Этого я не знал, да и никогда до этого момента не задумывался об этом. «А если они попадают туда вместе, перестают ли они тут же ненавидеть друг друга? Или и там продолжают воевать, пока на них не прикрикнет Архангел Гавриил?» – не унималось мое воображение, пока в комнату не вошел Сапалер.

– Прощаетесь?

– Угу, – буркнул я. – «Книжка» на месте?

– Да. А рацию забрали. Но главное, что «книжку» с позициями не нашли.

– Рация, скорее всего, работала. Они услышали, подползли, забрали, – рассуждал я отстраненно вслух. – А эта «книжка» внутри нагрудного кармана была.

– Наверное.

Я видел и чувствовал, что Сапалер очень переживает за смерть пацанов, особенно Кубата, но он держался и всеми силами старался не показывать этого. Война одного за другим забирала наших близких, и это ощущалось, как будто из души вырывали куски, на месте которых оставались зиять кровоточащие раны. Страшнее всего было то, что их не заткнуть никем другим. Ушел человек, а вместе с ним ушло все то, что мог дать только он. И на этом месте не могло вырасти ничего нового. Это место могло только затянуться и перестать болеть так сильно и постоянно как сейчас, но для этого нужно время и благодарность за то, что этот человек был в твоей жизни.

– Сейчас за ним придут, – тихо сказал Сапалер. – Второй раз с ним прощаюсь... В этот – точно все.

Я присел на корточки и на секунду сжал холодную руку Кубата.

– До встречи в лучшем мире, брат. Хохлам из двухэтажки привет, – подмигнул я. – «Этой шутке он обязательно бы улыбнулся».

Я вышел из комнаты вслед за Иваном и натолкнулся на Вилладжа, который от неожиданности остановился. На его лице за секунду сменилось несколько выражений. В них были и удивление, и непомерная радость от встречи со мной, и тоска, что мы тут, и благодарность за то, что мы оба живы.

– Брат, ты цел! Живой! – обнял он меня.

– Да что со мной будет? Я же, как славянский Рыкарь!

– Кто это?

– Ну, у викингов были эти... Берсерки. А у славян берсерк – медведь. В пять раз мощнее! Я хоть и христианин, в Иисуса верую, но я – славянин. Вера предков – это тоже важно. А у вас кто герои?

– Фет-Фрумос, убивший злого дракона Лаура-Балаура! – быстро ответил Вилладж. – Национальный молдавский герой, – улыбнулся он.

– Тоже неплохо. С такой компанией мы всех порвем! – сжал я кулак. – Ты сам как?

– Я нормально, только ноги вот перебило. Болят сильно. Еле хожу.

– Так чего ты не на эвакуации? – широко открыл я глаза.

– Я отказался. Ты не переживай. Перебило, в смысле ушибло, – махнул он рукой. – Вы как пошли, я полез на второй этаж этой трехэтажки, чтобы с восточной стороны прикрывать. Мы там долбили со всего, чего только можно. Око этот бесстрашный из РПГ лупил. Стрелял, пока ему пуля не прилетела.

– Двести?

– Не, – помахал Вилладж головой. – Между телом и броником. Триста.

– Хорошо! – обрадовался я.

– Мы там крыли просто по всем окнам, по всем дыркам. Они там голову не могли поднять. И тут я узнал, что на войне самое страшное – это танчик! – округлил глаза Вилладж. – Первый прилет был по третьему этажу, выше меня! Я аж присел и думал, поседею от страха! Через шесть секунд – второй прилет!

– Да, я видел, как он по вам бил.

– Уууу! – сделал восторженное лицо Вилладж. – Ты не знаешь самого интересного! Прилетает на первый этаж, пробивает кирпичную стену! А там кладка сантиметров сорок! Прилетел и ударяется в косяк бетонный, падает и закатывается Свислычу между ног! Прикинь? Он, такой, сменился и сидит там тушенку с макаронами хакает. А ему между ног снаряд танковый, и не взрывается.

– Свислыч просто в рубахе родился! – открыл я рот.

– И главное, его Ворох только сменил и пошел стрелять, а тут снаряд! – опять повторил Вилладж. – Он там так и лежит. Чуть откатали его в сторону.

– Удивительная история.

– А после этого прилетел третий снаряд прямо в стену сзади меня. Сложило всю стену и меня под кирпичами завалило. Я прямо и не понял, что случилось, – пожал он плечами. – Сижу, стреляю, и уже сижу заваленный: в правой руке автомат, левая где-то в сторонке. Сижу и думаю: «Блин, я что, на том свете?» Потом слышу голоса. Пацаны сразу же прибежали, начали раскапывать, вытаскивать меня оттуда. Никаких ранений особо не получил – просто колени отбило, не могу их выпрямить. Очень сильно опухли.

– Может, в госпиталь? – еще раз проявил я заботу.

– Нет. Я вас не брошу. На фишке стоять могу. Ибупрофен колят. И колеса мне медик дает какие-то. Нормально, братан. Но... – Вилладж очень серьезно посмотрел на меня. – Я понял, брат, что это реально война. Тут можно погибнуть в любую секунду, и ни у кого нет защиты. Кем бы ты ни был, хоть самым распрекрасным человеком – войне похер.

– Да... Кстати, помнишь, я тогда из РПГ по хохлу в гараже стрелял? – вспомнил я.

– Не-а...

– Я сегодня, когда в гараж забежал, нашел этого хохла! Тела не было, но крови там и ошметков разных полно! Завалил я его тогда, выходит.

– Ну, и хорошо, – согласился он со мной, все еще задумчиво глядя перед собой. – Ты командир теперь?

– Да. Я особо не рвался... Само как-то вышло. Постараюсь тебя к себе в группу перетаскать. Пойдешь?

– Конечно, пойду, – тут же кивнул он.

– Ты же на все руки мастер. Мне такие нужны, брат, – хлопнул я его по плечу, понимая, что просто хочу, чтобы рядом со мной был кто-то, кого я знал еще по прошлой жизни. – Не так много нас с одного лагеря и осталось.

– Рамси погиб...

– Как?! – опешил я. – Леха? Кент мой... Точно?

– Да. Во время штурма заскочил в двухэтажку со школы и, видимо, остался один, – стал рассказывать Вилладж. – Видимо, БК закончился. Они... – Вилладж запнулся и сглотнул слюну. – Короче, ему голову отрезали.

– Пидары! Ебанные твари! Я им, сука, отомщу! – быстро заговорил я, давясь нахлынувшей на меня яростью.

– Да. Это правильно. Мы им отомстим обязательно. Но скорее всего, это наемники, а не хохлы...

– Уже похер.

Рамси был бойцом. С детства он тренировался, а потом сел за непредумышленное убийство человека. Он рассказывал, что ударил мудака, который бегал по общежитию и тряс мудями перед детьми. Мудак упал и отдал душу, а Рамси получил одиннадцать лет.

– Помнишь, как он в лагере по стенам молотил? – с улыбкой спросил Вилладж. – А добрый какой был? Хоть и смотрящий за бараком, а всегда входил в положение.

– Помню...

Эта новость взбесила меня и забрала много сил. После прощания с Кубатом она окончательно выбила почву из-под ног и ожесточила меня по отношению к хохлам. «Что за твари?! Как так можно?» – не понимал я такой животной злобы. Я рвался в бой и был готов перейти на другой уровень игры. «Убью десятерых за него!» – решил я для себя.

Я вернулся от Сапалера, и мы стали дальше укреплять дом. В связи с тем, что он был крайним со стороны заправки и частника, которые еще не были нами захвачены, и своим северным торцом и одной боковой стороной выходил на высотки в самом начале административного Бахмута, мы в нем были уязвимы с трех сторон. Второй этаж загорелся от прилетов термобаров, находиться там было невозможно, но первый можно было довольно мощно укрепить. Мы стали сооружать бруствер, загораживать окна и превратили эту двушку в Брестскую крепость.

– Как эти пидоры тут жили? – удивлялся Множитель. – Это же хлев: мусора по колено, никакого порядка.

– Колхозники, наверное, а может, так и не научились за тридцать лет. Какая страна, такой, сука, и порядок.

Ко мне пришел Глуми со своим пулеметом, и мы оборудовали для него три точки с каждой стороны. Человек он был бесстрашный, если не сказать безбашенный. Закурив сигарету и закинув одну ногу повыше, он с удовольствием стрелял из пулемета длинными очередями. Выражение его лица одновременно было злым и веселым. Он был похож на шахтера-стахановца, который своим отбойным молотком хотел выполнить план пятилетки за три года. Воевал он часто без каски и бреника, чем вызывал мое восхищение и недовольство.

– Въебут тебя, Глуми, – с сожалением говорил я, когда видел это бессмысленное героичество.

– Похуй! – коротко отвечал он. – Мне терять нечего. Я уже завещал меня похоронить на братском кладбище «Вагнера».

В процессе осмотра дома мы нашли много полезного: БК, пауэрбанки и ленты к американскому пулемету, который у нас из-под носа увела другая группа. При отступлении хохлы бросили его на улице, и, когда наши пошли штурмовать следующие дома, они подобрали этот пулемет и присвоили себе по неписаным законам пиратского братства.

Особенно ценными находками были прицел от снайперской винтовки «Интервеншн» и пара тепловизоров. Я отдал прицел Сапалеру, и он передал его дальше в штаб. Мы выгребли

мусор и начали налаживать нормальный быт, как это положено в хате у порядочных арестантов, тем более, бойцов ЧВК «Вагнер». Себе я забрал ванную комнату, предварительно вытащив оттуда всю сантехнику и разместив там диванчик.

- Парижан, мне нужно за своими вещами на ДК сбегать, – отпросился у меня Угодник.
- Ок. Давай, братан. Назад будешь идти, водички зацепи.
- По рукам.

Он был вэшником откуда-то из центральной России или из Сибири, и мы с ним особо не пересекались до этих боев. Не успел он выбежать из дома и пройти первые двадцать метров, как начался минометный обстрел, и ему пришлось несладко. Прыгая и петляя, он бежал вперед, бросаясь на землю при каждом разрыве. Наконец, он заскочил в трешку и растворился в проеме.

- Парижан – Сапалеру? Угодник – триста. Отправил его на эвакуацию.
- Принято.
- Слушай, а где сама винтовка снайперская? С меня ее требуют.
- Не было никакой винтовки, – удивился я. – Был только прицел. Его я вам отдал.
- Штаб уверен, что мы ее заныкали.

– Ну пусть в СБ меня вызывают и на детекторе проверяют. Я им скажу правду – винтовки не было. Рожу я ее, что ли?

- Хорошо. Не кипятись.

Я отправил Крепленного за подкреплением, и через час ко мне пришли кенты Крепленного Труе и Сальник.

- А Крепленный где?

– К Гонгу пошел, – ухмыльнулся Труе. – Они с Сапалером что-то не поделили, и тот отправил его к Гонгу.

– Странно... А что им делить-то? – удивился я и решил при встрече спросить Сапалера о том, что произошло.

– Не знаем, – переглянулись Сальник и Труе. – Гонг разберется. Мы же его давно знаем. Еще с Иванграда. Крепленный ему все за Сапалера пояснит.

- Хорошо, – кивнул я. – А вы ко мне в группу?
- Угу. Сапалер к тебе отправил.
- Ладно, располагайтесь. Множитель вам все покажет.

На меня вышел Виват и пригласил прийти меня на двушку, которая располагалась рядом с нами на северо-востоке и уже была почти зачищена от хохлов. Я одел новый натовский легкий броник, каску, проверил нож, БК и пошел проводить пацанов.

Предупредив их по рации и крикнув фишкарю, сидевшему с нашей стороны, что выдвигаюсь, я быстро перескочил к ним и попал в объятия Миши Фрюмера, еще одного моего приятеля с лагеря.

- Пойдем кофе быстренько хлебнем. Рамси помянем, – предложил он.
- Хорошо, только я Вивата увидеть еще хотел.
- Они там на втором этаже хохлов в плен берут, – улыбнулся Фрюмер. – Залезли они там в ванную и не сдаются.

- Ух ты! – загорелся я. – Пошли, посмотрим.

Мы быстро поднялись на второй этаж и застали наших пацанов, которые, прячась за стенами, предлагали сдать хохлам, засевшим в квартире.

- Здорово, Виват! – хлопнул я его по плечу. – Что тут?
- Да мы им предлагаем жизнь сохранить, а они, долбоебы, сначала ругались, а теперь молчат.
- Давай их въедем? За Рамси.
- Делай.

Я заглянул в квартиру и примерно прикинул, где они засели. Кинув им в ванную гранату, я высунул автомат и стал поливать гипсокартонную стенку ванной очередями. Выпустив рожок, я осторожно вошел в квартиру и стал медленно продвигаться к ванной. Когда до нее оставалось два метра, из ванной выпало раненое тело молодого хохла. Пока он падал на пол, в грудь мне вскользь прилетела пуля. Остальная часть очереди ушла куда-то вниз. Ударом меня отбросило назад к стене. Хватая ртом воздух, я смотрел на лицо улыбающегося хохла. Упав на живот, я по-пластунски пополз к нему. Схватив его за ноги, я прижал их и одной рукой выхватил нож.

– Парижан! В сторону! Дай, я его завалю! – кричал Виват сзади, но я не мог ему ничего ответить.

Первый удар я нанес ему выше колена и вспорол штанину и мышцы. Подтянувшись выше и не давая ему поднять автомат, я нанес еще один удар в бедро, ниже броника, и, почти накрыв его собой, ударил его в бок и в шею. Глядя ему в лицо, я провернул в шее нож и выдохнул.

– Парижан, ты там живой? – похлопал Виват меня по спине и заглянул мне через плечо. – Нихера ты его порезал, брат! Кровищи как из свиньи натекло.

Виват помог мне подняться. Облокотившись руками на колени, я стал глубоко дышать, чтобы восстановить дыхание. Пластина выдержала удар пули и спасла мне жизнь. К нам подошли другие пацаны и осмотрели ванную.

– Два двести, не считая этого.

– Посмотрите, что там у них есть, – распорядился Виват. – Парижану найдите сувенир на память.

– Нихера ты в гости зашел! – заржал Фрюмер, разглядывая меня. – Ты как?

– Трясет немного.

– Еще бы... Ножом живого человека зарезать. Тут любого затрясет, – похлопал меня по плечу подошедший Балор.

После зачистки этой двухэтажки группа Юнайтина и Балора должна была идти дальше. Я попил с ними кофе со сгущенкой, послушал их рассказы, как они штурмовали двухэтажки со своей стороны от школы, и рассказал в подробностях свои истории.

– У нас тут типа встреча на Эльбе! – радостно кивнул Юнайтин. – Встреча двух фронтов.

– Встреча в бараке, – улыбнулся Виват. – Как в старые добрые времена.

– Даже какая-то ностальгия по зоне сейчас была, – кивнул Фрюмер. – Интересно, еще кто-то уехал после нас? Или так и сидят?

– Говорят, в «Вагнер» с декабря перестали брать, – отхлебнув кофе, поделился Балор. – Рассчитывают к маю закончить, видимо.

– Где наши позиции теперь? – спросил я Юнайтина.

– Вот эти, первую беленькую и вторую беленькую, мы, выходит, штурманули. Эту, третью, штурманули вы. Потом мы пошли вверх, и сейчас мы в этой белой большой.

– А дальше вверх?

– Вот эти все дома, короче, заняты нами, – кивнул Юнайтин. – А с вашей стороны что?

– Вот частник. До коттеджа пустой. В коттедже – хохлы были... Мы с Крепленным хотели договориться с Гонгом, чтобы взять его, но не успели.

– Ясно, – кивнул Юнайтин.

Я попрощался с пацанами и пошел к выходу из дома. Проходя мимо лестницы, ведущей на второй этаж, у меня возник мимолетный позыв подняться и посмотреть, как там этот молодой хохол, но я не стал этого делать. «Бред какой-то – смотреть на него. Троих за Рамси завалил, и прекрасно! Еще семерых, и Леха будет доволен в своей Вальхалле», – представил я его лицо таким, каким помнил по лагерю. Леха был душевным человеком, и лицо его часто было серьезным и задумчивым, но сейчас я представил его улыбающимся. Леха был доволен.

9. Риджак. 1.2. Война, это...

Из Клинового нас вывозили верхом на БМП, группами по восемнадцать человек. Для того чтобы закрепиться наверху, пришлось раскорячиться и превратиться в человека-паука. Благо, на крыше хватало выступающих частей, которые и служили точками опоры. Было ощущение, что меня растянули как акробата на проволоке. Каска постоянно сползала на лицо, и приходилось, рискуя жизнью, отпускать опору, быстро поправлять шлем и уже в полете хвататься за то, что попадалось под руку. Мимо проносились унылые поля и искромсанные минами посадки. Пару раз вдалеке мелькнули развалины домов. Внутри меня бушевала необъяснимая радость. «Эге-гей! – хотелось кричать мне. – Мы едем на войну!» И если бы не летящая в лицо грязь и пробирающий до костей ветер, я бы так и сделал. Сквозь шум в ушах и тарыхтение БМП я услышал гул далекой канонады и увидел зарево, которое предвещало пришествие в ад, под названием передок.

Больше всего мерзли колени, потому что находились в постоянном напряжении от неудобного положения тела. Наколенники частично спасали суставы, но как только мы приехали и стали спешиваться, я не удержался, упал на карачки и не смог разогнуть ноги. Пацаны помогли мне подняться, подхватив меня под мышки.

Не успели мы толком осмотреться по сторонам, как к нам подошел, как я понял, командир и двинул речь, из которой я запомнил фразу: «Пацаны, включайте голову!» Он произнес ее раз десять за двадцать минут своего выступления. Второе, что я запомнил, было название места, куда нас повезут – Опытное.

Не давая опомниться, нас посадили в апокалиптического вида пикап и повезли дальше. Все происходило быстро и без проволочек. Я словно погрузился в кино про войну времен начала Второй Мировой, когда солдат прямо с парада кидали в бой. Мы быстро ехали, в спешке и темноте выгружались из машины, потом бежали трусцой и рысью по разбитой дороге, перелезали через препятствия и по команде провожатого замирали на время, чтобы опять стартовать и продолжить наш марафон. «Не зря нас гоняли в лагере! – с ностальгией о нем подумал я. – Война – это бег на короткие и длинные дистанции, в конце которых можно будет пострелять». Вокруг как в калейдоскопе мелькали лица, закрытые балаклавами или заросшие щетиной и нечесаными бородами. Они называли свои позывные, но эти военные погремухи были столь необычны, что мозг отказывался запоминать их с первого раза.

Дальше началась игра «Сталкер». Нас завели в какой-то подвал под торговым центром, где напоили чаем и дали немного передохнуть.

– Привет, пацаны! – поприветствовал нас крепкий боец. – Я – Шумиха. Как настроение?

– Нормальное, – ответил я, едва отдышавшись.

Шумиха расспросил нас, откуда мы и как попали в ЧВК, взял у нас сигарету и с удовольствием закурил.

– Я хотел спросить... – нерешительно начал я, боясь показаться глупым.

– Давай, – кивнул он.

– А толк есть от боковых пластин в бронеке?

– Как сказать... – ухмыльнулся он, выпуская дым. – Кто их не носит, либо психи-одиночки, либо полные долбаебы!

Мы покурили с ним еще немного, поблагодарили за содержательную беседу и стали готовиться к выходу.

– Следим за небом. Если увидите птичку, сообщайте всем! – проинструктировал нас провожатый, позывной которого я плохо расслышал, а переспрашивать было неудобно. – Скорость должна быть максимальной. Кругом снайпера.

С промежутками в пять метров мы выскочили из подвала и понеслись по кирпичам, кускам чего-то, что было частью мирной жизни и быта. Справа стоял скелет углого дома, который создавал иллюзию прикрытия. Моя радость смешалась с тревогой, и я физически почувствовал, как заколотилось сердце. «Пока вроде ничего страшного», – подумал я, но инстинктивно уже понимал, что игрушки закончились и здесь опасно. Быстро перебирая ногами, я стал смотреть вниз, чтобы не споткнуться и не упасть. На глаза попался разбитый телевизор и разбросанные столовые приборы. Дальше разорванная книга и вещи. Кирпич сменился землей с пожухлой травой, потом небольшой канавой, заваленной мусором. Перебежав дорогу, мы забежали во двор с поваленным забором из рабицы и заскочили в дом. Больше всего меня удивил запах – странная смесь гари и сырой земли, въедавшаяся в ноздри. В доме было пусто и тихо. Только по шелесту нашей формы, бряцанью амуниции и дыханию можно было понять, что это жилое помещение. Подождав, пока подтянутся остальные, мы по команде, с такими же интервалами, двинулись дальше к видневшейся впереди громаде дома.

Дом был квадратным, с темными провалами окон на сером фоне. Он показался мне многоглазым пауком, который ждал свои жертвы в атмосфере фильма «Война миров». В одном из окон трепыхалась занавеска, оставшаяся еще с тех времен, когда она была символом уюта и спокойной жизни. Я слышал, как где-то впереди глухо бухали мины вперемешку с короткими и длинными очередями автоматов. Звуки войны передавались телу и делали его пружинистым и гибким. Всякий раз, когда впереди раздавались звуки, сердце сжималось, и становилось немного не по себе. В частном секторе, по которому мы бежали, все было искорежено и разбито. «Война – это разрушение и хаос, заволаживающий своей силой. Все, что строилось десятилетиями, разрушено за пару месяцев боев», – подумал я, увидев разбитую машину с открытым капотом и развороченным двигателем. Перебежав еще одну дорогу, я вместе с остальными прилип к стене частного дома, добрался до его угла и встал, ожидая команды провожающего.

– Бежишь прямо к дому, не останавливаясь. Там тебя встретят, – быстро проговорил провожатый и хлопнул меня по плечу. – Пошел!

Несмотря на адреналин и тревогу, я ловил себя на мысли, что рад. Не в смысле как раньше: «Ура! Я на войне!» Мысль была другой: «Ты же хотел. Хотел попасть сюда, и вот ты здесь». Я попал на войну, и через эти вещи, разбросанные на земле, через эти разрушенные дома, через этот запах и звуки боя, она вошла в меня и поглотила без остатка. Война стала воздухом, который я вдыхал, и звуками, которые заставляли обостриться мой слух. Сначала она была снаружи, а теперь она проникла под кожу и наполнила меня собой. А вместе с ней внутри появилось что-то новое и незнакомое, к чему еще нужно было привыкнуть. Внутри родился новый я.

До школы было метров сто по прямой. Дыхалки, под тяжестью груза, который на нас навалили при выходе, хватило метров на семьдесят. Остальные тридцать я пробежал на адреналине, волевых усилиях и страхе. «Война – это преодоление!» – подбадривал я себя, чувствуя, как горячий пот течет по всему телу.

В школе нас встретил Тельник и, узнав, что мы все новички, и никто из нас не был в боях, оставил в группе прикрытия.

– Пацаны, ваша задача оборудовать себе удобные позиции в подвале, благоустроить их и прикрывать наши наступающие группы.

– А когда мы штурмовать будем? – спросил наш гранатометчик Мутус.

– Штурмовать... – с грустью повторил Тельник. – Успеете еще. Вы пока тут поживите, присмотритесь, а штурмовать всегда успеете.

В этот момент в школу прилетело что-то тяжелое, и от неожиданности мы присели. С потолка посыпалось. Тельник аккуратно отряхнул с плеча Мутуса красную кирпичную пыль, развернулся и молча пошел к выходу из подвала.

Нас стали интенсивно привлекать к обустройству первого этажа школы, который окнами выходил на детский садик и поля между Иванградом и Опытным. Это было огромное открытое пространство, перерытое параллельно школе окопами. Начинаясь от самой крайней в Опытном пятиэтажки, откуда хохлы и заходили в них, они терялись где-то на краю обрыва, дальше которого простирался распадок с почти пересохшей рекой Бахмуткой. Единственным строением в этих полях был небольшой домик, стоявший ближе к пятиэтажкам.

В школе находилось около сорока человек, которые постоянно менялись на фишках, составленных по всему зданию. Кроме этого, постоянно приходили группы подноса БК и эвакуации. Среди них было много взрослых и повидавших жизнь мужиков и кашников, которые отдыхали и ели вместе с нами.

Несколько дней мы укрепляли и баррикадировали окна на первом этаже с северной стороны школы. Заделав их подручными средствами и разместив там огневые точки, под руководством более опытных товарищей мы натаскали туда много заряженных магазинов и морковок для РПГ. Быт был налажен: появились сколоченные нары для отдыха, была установлена печка, чтобы можно было греться и готовить пищу. Но из-за постоянных обстрелов со стороны противника, в подвале стояла пыльная завеса, от которой не спасала даже балаклава. Дышать было трудно, и каждый из нас постоянно отхаркивался черными от пыли комками грязи.

– А ты под балаклаву мокрые салфетки подкладывай. Они вроде фильтра сработают, – посоветовал мне веселый кашник с позывным Федот.

– О! – удивился я, казалось бы, банальной вещи, до которой не додумался сам. – Откуда ты такие штуки знаешь?

– Так у меня отсиженных больше, чем тебе лет. А книг прочитано столько, что на две центральные библиотеки имени Владимира Ильича Ленина хватит. А в ней собрано сорок семь миллионов книг! – поднял вверх указательный палец Федот и усмехнулся. – Слышал про такую?

– А еще есть фишки какие-то?

– Эх... Ебушки-воробушки. Напомнил ты мне меня, когда сам я был как лох непуганый. Мозгов с гульки хуй, а гулька вот такой, – показал мне Федот указательный палец. – Если вынуть, то и на головку намазать не хватит.

– Вот ты складно чешешь! – заржал я.

– И вот попал я первый раз на КПЗ, – присвистнул Федот. – Закрыли по подозрению, но я там как свидетель должен был пойти. В общем, мусора прикрыли, чтобы дристанул малехо и раскололся, – махнул он рукой. – И вот, запускают меня в камеру... А перед этим опера такую штуку разыгрывают. Один второго спрашивает: «Куда его?» А тот морду надул, шнифтами забегал: «Места-то совсем нет... Давай его к этому людоеду. Ночь переночует, а как освободится что-то – переведем». – Я аж выше на полвершка стал и на измену выпал. Ну, думаю: «Все! Сожрет меня эта пиранья, а мой лепень вместо салфетки ему будет», – лицо Федота сморщилось, и в уголках его глаз разошлись морщинки. – Ну и заводят меня в эту хату. Я-то, конечно, от старших товарищей наслушался уже, про игры всякие, но знал, что это все на малолетке канает, а на взросляке, там беспредела нет. Стал у тормозов, руки в карманах. Поздоровался по-человечески. А он сидит на шконке, что-то мастырит там. Говорит: «Не бзди, малой. Проходи, садись. Первый день в тюрьжке всегда самый паршивый. Даже если три раза сидел», – Федот достал сигарету и ловко прикурил ее, спрятав огонь в кулаке. – В общем, нормальным мужиком показался. У меня сигарета притырена была с собой, а огня не было. Он полез куда-то, достал фольгу с батареейкой: «Давай, – говорит, – я тебе фокус-покус покажу?» Замкнул плюс с плюсом, и вуаля! Огонь. «Учись, студент, – говорит, – без огня тут, как без яиц. Ничего не сварить, не прикурить, не согреть. Батя твой научил бы, если б сам сидел. Правильный зек и вату закатать может. Ну, это уже на крайняк...»

Федот замолчал, погрузился лицом и глазами, а потом добавил:

– Но тут тебе нужно другому учиться. Тут я тебе не помощник. Книг я про войну, конечно, много читал. Но там все про героев. А тут... Тут тебе у вояк спрашивать нужно. Они в теме.

– А он реально людоедом был?

– Кумовской он был. Шерстью мусорской, – усмехнулся Федот. – Метла подвешена, да еще мулкой расскумаренный. Приболтал меня, а я и раскололся по неопытности. Хвастаться стал, какой я фартовый. Первый трешник так и схлопотал, – поджал Федот губы. – А вот был бы наблюдательным и слушал внимательно, тут бы и задал себе вопрос: «А откуда ты, дядя, знаешь, что я первоход? Я же не объявлялся».

– Типа, поучительная история? – удивился я. – А мораль?

– А мораль простая. Ты пока прислушивайся. Приглядывайся. Только не дотрагивайся! Чтобы не ты в зоне, а зона в тебе. Не ты на войне, а война в тебе жила и помогла выжить. Тут мораль простая, – почти с любовью посмотрел на меня Федот, – выжить, не опозорившись перед пацанами. Тут такая же зона, только вместо мусоров – хохлы. Но что важно, – он опять поднял палец, – тут их валить поощряется. Родина временно дала нам право на убийство.

– Понятно! – удивился я неожиданному выводу, сделанному Федотом. – Ты философ...

– Ладно... – вдруг одернул он себя. – Опять понесло бродягу. Вот так вот варешку открою, наболтаю, что тот королек из фильма «Обыкновенное чудо», а потом неприятности. И ты варешку не разевай! Бери, вон, салфетки, под балаклаву подкладывай, чтоб дышалось легче и жилось веселее.

– Спасибо, Федот, – пожал я ему руку с аккуратно подстриженными ногтями.

«Война – это вот такие интересные люди, как Федот», – с уважением подумал я.

Салфетки немного помогли, но не настолько, чтобы я мог дышать полной грудью. Эта вездесущая пыль мотивировала меня на то, чтобы проситься на фишку и побольше быть на свежем воздухе. Мне было все равно, что наверху было опаснее, – находиться в этом душном чулане было невыносимо.

Было холодно и ломило пальцы, когда приходилось заряжать патроны в магазин. А еще большее было стрелять, когда мы работали на прикрытии наших штурмовых групп и магазин за магазином выпускали в сторону окопов или домов по тысяче патронов за одну фишку. Прикол с болью в пальцах я заметил еще во времена моей службы на Кавказе. Боль в замерзшем указательном пальце была сильная, а если я стрелял очередями, это становилось просто пыткой.

Время от времени меня брал к себе вторым номером наш гранатометчик Мутус, и я помогал ему готовить заряды, которые он отправлял в сторону противника. Когда мы работали, моей задачей было очень быстро накручивать пороховой элемент и подавать морковку. Мы били по ним так интенсивно, что они думали, что по ним работает артиллерия.

– Мутус, дай стрельнуть?

– А ты умеешь? – удивился он.

– Стрелял пару раз. Ты тоже не с трубой родился.

– Ок. Стреляй, – ответил Мутус, передавая мне РПГ.

Я взял его в руки и почувствовал себя терминатором: «Отдай мне свою одежду и мотоцикл, хохол!» – сказал я и стал вставлять морковку.

– Выстрел! – что было мочи заорал я и выстрелил. Огонь вылетел сзади из трубы, толкнув гранату в сторону трехэтажки, торчащей над пригорком. Граната, чуть-чуть не попав в окно, ударилась в стену и вынесла кусок бетона.

– Ебааать! Кайф!

10. Каблук. 1.0. Первый заход

В интернете я легко нашел интересующую меня информацию и номер, на который нужно было написать некоему Моргану. Я взял в руки телефон и решил не откладывать дело в долгий ящик.

– Привет. Как можно попасть служить к вам? – написал я в «телеге» Моргану, который отвечал за набор в «Вагнер» по Ростовской области.

– Привет. Попасть просто. Для начала надо ответить на некоторые вопросы, – тут же ответил он, как будто только и ждал, когда я ему напишу.

– Хорошо. Задавай.

– Как дела со здоровьем? Какие есть заболевания? Инфекции? Возраст меньше пятидесяти? Физическая подготовка?

– Здоров как бык! Ничем таким не болел. Возраст меньше пятидесяти, – кратко и четко ответил я.

– В армии был? Военная специальность?

– Проходил срочку, но боевого опыта нет. Думал, вы всему научите... Не хотелось бы необстрелянным ехать воевать. Мне тут рассказывали, что посылают сразу на передок.

– Это не так, – сразу убил он мои сомнения. – Сначала пройдешь курс базовой подготовки. На этот счет не беспокойся. Придешь к нам, со всех видов оружия настреляешься. Зеленый ты в бой не пойдешь. Точно!

– Ок. Верю.

– Как с алкоголем и наркотиками? У нас с этим очень строго!

– Наркотики не употребляю. Выпиваю, как все. По праздникам.

– То есть, с этим проблем нет?

– Никаких.

– В конторе запрещен алкоголь, все такое.

– Ну, понятное дело: на работе, типа, не пить.

– Да. Присылай паспорт и военник.

– Еще вопрос есть, – подумав, написал я.

– Задавай! – по-военному коротко отписался Морган.

– Я сначала собрался с Минобороны контракт подписать. Пошел в военкомат. Там они мне начали говорить, что ты, типа, с Украины. По тебе надо вопрос по-другому решать. Через пару дней дадим ответ.

– Откуда с Украины?

– Донецкая область.

– Это не проблема. У нас много бойцов оттуда. Они тебе уже дали ответ?

– Нет. Я как раз иду в военкомат узнать по моему вопросу.

– Зайдешь в военкомат, скажешь, что ты уходишь в «Вагнер». Если будут вопросы, звонишь прямо при них мне, даешь трубочку, я им все объясню.

– Понял, – ответил я и выслал фото паспорта и военника.

– Принял. На связи, если что. У нас тебе понравится.

Я зашел в наш военкомат, меня сразу взял в оборот жилистый капитан в чистой камуфляжной форме и начищенных берцах.

– Вопрос по тебе решен. Ты нам подходишь. Проходишь медкомиссию, и через два дня отправка.

– Тут такое дело... Я уже в «Вагнер» ухожу, – посмотрел я на него, мысленно готовясь к тому, что он будет меня отговаривать.

– Хорошо, – без каких-либо эмоций ответил он. – Мы пометку тогда поставим. Удачи!
– протянул он мне руку.

– Спасибо, – пожал я ее и замялся. – Все? Могу идти?

– Не смею задерживать, – быстро глянул он на меня и отложил листок с контрактом, который заготовил заранее.

– Ну, я пошел... – кивнул я и, развернувшись, вышел из кабинета с казенной мебелью и плакатами по начальной военной подготовке, типичными для военкомата.

От Моргана я получил письменные указания, что мне необходимо взять с собой флюорографию, заключения от психолога, невропатолога и нарколога. Затем он назначил мне число и сказал, чтобы я набрал его, как только буду готов, и он сообщит, куда ехать.

Через неделю я был готов и позвонил ему для получения дальнейших инструкций.

– Едешь на Молькино, – услышал я в трубке спокойный, бодрый голос.

– Понятно. А конкретно?

– Приедешь на Молькино, зайдешь на КПП, я тебя сориентирую, куда дальше.

– Все понял. До встречи! – закончил я разговор и мысленно представил очередь на КПП, где нас встретит бравый спецназовец с суровым мужественным лицом, а возможно, даже с орденом Мужества на груди.

Я ехал на Молькино и вспоминал, что давно уже хотел пойти в донецкое ополчение. Вернувшись из армии, я сначала поехал отдохнуть на море. После Сочи позвонил своему сослуживцу, чтобы узнать, как обстоят дела в ДНР.

– Есть ли смысл идти сейчас? Что у вас там?

– Сейчас нету смысла. Сейчас война странная идет. Вроде перемирие, но непонятно ничего – мы стоим, ни хрена не делаем, а по нам долбят. Раньше бы, когда я тебя еще звал, я мог тебя протащить в наш батальон. К нам бы попал, а сейчас не суйся. Потому что пойдешь в военкомат и непонятно, куда тебя засунут.

Я устроился на работу, стал встречаться с девушкой, с которой мы вскоре расписались, и забыл о своих намерениях пополнить ряды ополчения. Армия забылась, меня закрутила обычная гражданская жизнь.

Когда началась СВО, у меня уже были свои дела. Я работал вахтами и был полностью погружен в зарабатывание финансов и повседневную семейную жизнь, но мысль о том, что я когда-то мечтал повоевать по-настоящему, время от времени не давала покоя. Я следил за новостями и переживал о происходящем. Намерение вдруг резко переросло в непреодолимое желание, и однажды, проснувшись, я понял, что мне пора. «Мне нужно попасть туда, все увидеть своими глазами и пощупать своими руками!» – окончательно решил я. Поставив в известность родных и убедив их в необходимости этого шага, я стал действовать, как привык делать во всех вопросах своей жизни. И вот... Я еду в Молькино, а впереди меня ждет настоящая война, за которой я наблюдал в интернете.

Очереди не было. У меня забрали документы и провели в казармы.

– Гоместопель? – удивился я позывному, который выдал мне компьютер. – Это кто?

– Да ладно, братан, – с улыбкой посмотрел на меня человек за компьютером, – привыкнешь.

– Я даже повторить это не могу.

– Это пока временный, – стал успокаивающим голосом говорить он. – Медкомиссию пройдешь и в отделе кадров уже поменяешь. Может, ты откажешься, пока будешь проходить медкомиссию. Передумаешь и скажешь: «Нахер оно мне надо!», и поедешь домой. Такая возможность у тебя пока еще есть, – явно желая избавиться от меня, продолжил он уговаривать.

– Где медкомиссия?

– В коридоре, – мотнул он головой и крикнул мне в спину: – Следующий, сказал заведующий...

На медкомиссии я подал листочек с позывным суровому крепкому мужику с короткой стрижкой.

- Что это? – уставился он на меня непонимающим взглядом.
 - Позывной.
 - Че, бля?
 - Вот именно! – развел я руками. – Что можно придумать?
- Он с озадаченным видом взял мой паспорт и стал листать его.
- Каблuchок... Вот, будешь Каблuchок!
 - Может, что-то другое?
 - Да не, нормальный позывной.

В отделе кадров я сообщил свой новый позывной. Затем подписал контракт, указал, кому отправить деньги в случае моей смерти, и, как и обещал мне Морган, вдоволь набегался, наполнился, накидался гранат и настрелялся из автомата.

«Добро пожаловать в ЛНР!» – увидел я надпись на большом обшарпанном билборде, когда мы ехали в сторону дислокации «Вагнера». Через пару часов нас выгрузили в непонятной местности, где нас встретил начальник штаба Берег. С собой у него был телефон, в котором были вбиты наши позывные.

- Позывной? – в упор посмотрел он на меня с высоты своего роста.
- Каблuchок, – спокойно ответил я, выдержав его взгляд.
- Цель визита?
- За Донбасс воевать!
- Красавчик! – с удивлением в голосе ответил он.
- Только не в тыл меня!
- Да не, какой тыл? В разведку! – сжал он свой увесистый кулак.

«Разведка! ДРГ! Рейды по тылам противника! – фейерверком взорвались в моей голове мысли. – Мечта, а не работа!»

Из всей команды, с которой я приехал, в разведку отобрали только четверых. Мы отошли в сторону, сразу же почувствовав себя избранными. Мои плечи непроизвольно расправились, а голова поднялась выше. Мы пожали друг другу руки, поздравляя себя с невероятной удачей, и пошли перегружать свои вещи в машину, которая должна была везти нас дальше, навстречу подвигам и неизвестности.

На следующей дислокации нас встретил классный мужик и заместитель командира взвода Гонг, он сразу засыпал нас вопросами, кто мы, откуда, что умеем. Мы по очереди вкратце рассказали о себе, и он подвел в конце жирную черту.

– Все, что вы слышали до этого, это все – шляпа! Шляпа, и все! Слушайте тех, кто уже давно воюет.

- Командир, а где тут пристреляться можно? – оглядываясь по сторонам, спросил я.
- Где? – удивился он. – На передке! Там и пристреляешься! – улыбнулся он. – Противник в пятидесяти метрах от тебя будет. Пристреливайся, сколько хочешь!

Мы стали расспрашивать бойцов, которые были с нами в подвале. От веселого кашника, который вернулся после ранения в Иванграде, узнали, что Гонг – их батя. Что сам он с Днепра и воюет с четырнадцатого года. И за своих пацанов всегда беспокоится. Мы пару часов отдохнули, подготовили свое оружие и стали ждать приказа к выходу. Ближе к девяти вечера Гонг вернулся и осмотрел нас.

– Построились живо, шляпы! – скомандовал Гонг, и я понял, что слово «шляпа» – это универсальное слово, которое, в зависимости от контекста и интонации, может выражать широкий спектр переживаний, оценку морально-волевых качеств бойца и еще что-то, о чем знал только Гонг.

– Ты, ты и ты! Я вам что сказал уже? – ткнул он пальцем в троих бойцов. – Вышли из строя!

– Батя, – умоляюще посмотрел на него веселый кашник.

– Ну куда тебе ехать? Подними одежду!

Кашник нехотя поднял кофту, и я увидел иссеченную свежими багровыми шрамами живую плоть. Шрамов и бугров от произведенных операций было много. Местами они были замазаны зеленкой и покрыты свежей коростой. Все тело его было шито-перешито и, казалось, молило о помощи. Глядя на это месиво, мне стало страшно. «Это вот так тут может быть...»

– Пиздец! – прошептал кто-то в строю.

– Вот! – ткнул Гонг в него пальцем. – На тебя смотреть страшно, а ты опять на передок? Заебал ты меня! – с грустью и жалостью повысил голос Гонг.

– Да батя! Я к пацанам хочу!

– Да сиди уже! Что ты там делать будешь? – злился он. – Нечего тебе там делать! Я тебе тут дело найду!

– Ладно, но пообещай, как заживу, ты меня отпустишь! – не сдавался камикадзе.

– Посмотрим... – он перевел взгляд на тех, кто остался в строю. – Остальные, пока отдыхайте. До утра еще время есть.

Не успели мы расслабиться, как в подвал спустился бравого вида пацан, экипированный в незнакомую мне броню, на которой висела детская мягкая игрушка – мохнатый мишка.

– Ситуация изменилась! Есть попутная лошадь до Опытного! Быстро хватайте свои вещи и бегом в пикап. Машина ждет, – сказал он. Увидев, что мы берем с собой все, что нам выдали в лагере, он прикрикнул:

– Лишнего не брать! Только самое важное! Еда, оружие и БК!

Нас загрузили в пикап, по виду прошедший не одну гонку «Париж – Дакар», и повезли в Опытное. По дороге я познакомился с бойцом, забравшим нас, его позывной был Флир. Он был командиром направления. Возле большого разрушенного дома, Флир передал нас проводнику, который называл этот дом пятиэтажкой, и мы выдвинулись в школу на пункт временной дислокации.

Опытное встретило нас темнотой, шумом стрельбы и разрывов. Выслушав наставления проводника, я впервые ощутил прилив страха и адреналина, пробежавшего коликами по всему телу. Я старался четко выполнять полученные от него команды и перебежками перемещался в середине своей группы. Я видел спины и РДэшки бегущих впереди меня пацанов и слышал за спиной топот тех, кто бежал за мной. Тяжело дыша, мы молча передвигались среди разрушенных зданий, и я четко понимал, что это уже не тыл и не игры в Молькино, а зона, где нас могут превратить в то мясо, которое я видел в подвале в Зайцево. Преодолев темное пространство этого постапокалиптического мира тропами, известными одному проводнику, мы выбежали к громаде одиноко торчащего дома. Проводник несмотря на то, что заранее предупредил по радиации о нашем приближении, обменялся паролями с фишкарями, охранявшими дом, и мы спрятались под его защитой.

– Последний рывок, пацаны. Сейчас будет открытка. Отдыхаем немного и делаем молниеносный рывок, – деловым голосом проинструктировал он нас. – Слушаем небо! Тут птицы, они опасны.

Я представил себе черную хищную гарпию, которая может внезапно спикировать из темноты, выхватить одного из нас и унести в неизвестном направлении, чтобы разорвать там на части. Что, собственно, было не так далеко от истины. Проводник, почти как Гагарин, scomандовал «Погнали!» и махнул рукой. К нашей радости, птицы спали в своих далеких гнездах, мы все добежали до школы и нырнули в ее недра.

После нас прибежала следующая партия, состоявшая из кашников, и мы перемещались в общем подвале, где уже было неважно, кто ты был до того, как попал в это место. Звуки напо-

минали мне жужжание полуспящего пчелиного улья. Нас рассадили вокруг тепла, и я понял, что очень хочу есть. Достав насквозь промерзшую банку тушенки, я поставил ее на печку и стал ждать, когда она разморозится. Вокруг сидела, ходила, общалась и пила чай разномастная братия, они и были теми, кого в интернете называли «музыканты». Я еще не ощущал себя полноценной частью этого оркестра и с интересом и удивлением рассматривал людей, которые уже повоевали, и тех, кому, как и мне, еще предстояло понюхать пороха.

– Мужчины! – вышел на свет высокий жилистый парень с бородкой. – Приветствую вас! Я командир этой точки, Тельник.

Голоса примолкли, все стали смотреть на него. Бабах! Внезапно взорвалась моя банка тушенки, в которой я забыл проделать отверстие, и многие инстинктивно присели и попадали на пол.

– Что за хуйня? – закричал Тельник.

– Тушенка взорвалась... – поднялся я.

– Больше так не делай. Я контуженный, могу и застрелить.

– Не буду, – пообещал я и снял банку с остатками тушенки с печки.

Все молчали и ждали, что Тельник скажет дальше.

– Мужики, завтра кто-то из вас пойдет на штурм... Своих мы не бросаем, даже двухсотых! Трехсотых, тем более. Если узнаем, что кто-то бросил трехсотого, пощады не будет. Это серьезное преступление. За небольшой косяк можем набить ебальник, но за трехсотых мы не прощаем. Хотя, я думаю, что вы все это слышали от Евгения Викторовича еще в лагере, – видимо забыв, что здесь находятся еще и вэшники, продолжил он. – Вся электронику, что находим, передаем через подвоз на школу старшине, – он указал пальцем на крепко сбитого мужичка лет сорока, который стоял немного в тени. – Если вы, допустим, МПЗ-плеер нашли... Понятно, что иногда хочется музыку послушать, расслабиться... Радостей у нас тут не очень много. Принесите сюда, парни проверят, чтобы ничего там не было: ни жучка, ни взрывчатки, и вам вернут его обратно. Ну, алкоголь и наркотики – это все равно, что бросить трехсотого. Возмездие неизбежно. У меня все. Вопросы есть?

Вопросов у нас не было. Всем сразу стало понятно, что шутки кончились и это серьезное мужское общество, в котором ставки повысились по максимуму. Здесь была только одна валюта, которая котировалась и имела вес, – мужество воевать, не подставляя других. Здесь нельзя было пропетлять так, чтобы другие мужчины, находящиеся рядом, не заметили этого. Здесь за людей говорили не слова, а ежедневные поступки, ими и нужно было подтверждать свой статус нормального мужика. Косяки не прощались, а ответственность стала осязаемой и висела в воздухе.

– Ты, ты и ты! – указал он на меня, Граника и Антуража. – Идете со мной. Быстрыми перебежками между домами нас завели на позицию в одном из полуразрушенных домов на пригорке недалеко от школы и показали сектор, который нужно было прикрывать, пока группа будет штурмовать следующий дом. Все происходило быстро, и мы с Граником даже не успели понять, что уже началась та самая настоящая война. Я видел в пятидесяти метрах от себя дом, в котором сидели украинцы и стрелял туда, куда мне сказали. Это был последний дом перед огромной открыткой, там находились украинские окопы. К нам на позицию прилетали мины, вокруг свистели осколки и пули, а мы продолжали стрелять в том направлении, которое нам указали. Было интересно и как будто безопасно. Я был уверен, что все как-то само собой образуется и разрулится, и я так и продолжу воевать в режиме компьютерной игры.

Пацаны выбили противника, зачистили дом и пошли забирать окопы, а мы стали прикрывать их дальше. После нескольких попыток они забрали и их, и делать стало особо нечего. Мы сидели, рассматривали открытку и ждали дальнейших указаний.

– Каблучок! – окликнул меня Антураж. – Зови Граника. Пойдете со мной.

– А куда?

– Пока назад, на школу.

Я бежал назад в приподнятом настроении и думал, что так воевать мне нравится. Я кайфанул от движухи и адреналина и мог бы в таком режиме воевать и дальше.

– Как там? – подошли к нам пацаны, с которыми мы приехали.

– Поработали нормально, – как бывалый боец ответил я. – Пидоров насадили! Пацаны там их всех сделали. Граник даже попал там по одному, а я так... Пострелял от души.

– То есть не страшно там?

– Нет. Просто адреналин хреначит, и ты стреляешь.

Не успели мы немного передохнуть, как пришел Тельник и отдал новую команду.

– Укомплектовывайтесь до четырех человек и выдвигаетесь.

– А куда?

– На окопы. Нужно держать их, – махнул он рукой куда-то в сторону.

Как только наступило 11 января, день моего рождения, нас четверых провели через восточную сторону вдоль наших позиций и повели в окопы. Окопы были вырыты по полному профилю и шли параллельно Иванграду в посадке по краю спуска к речке.

– Братан, а для чего мы эти коври тащим? – спросил меня бурят, который шел за мной.

– Сказали, вход в блиндажи завешивать будем, чтобы нас не видно было.

– А я думал, дурь какая-то. Может, старший себе попросил.

– Хер его знает. Принесем, узнаем.

Притащившись на окопы, мы осмотрели все четыре блиндажа, два из которых оказались затопленными водой и были непригодными к жизни в них. Мы забились по пять человек в два оставшихся блиндажа и выставили фишку. Приладив ковры ко входу, мы стали обустривать наше временное жилище. В процессе стало понятно, что у нас нет питьевой воды. Мне с двумя бурятами пришлось тащиться на ближайшую к нам позицию за водой. Пока я ходил, подошло мое время выходить на фишку.

– Каблучок, давай выходить, – поторапливал меня Чиас, с которым мы должны были поменять наших коллег.

– Сейчас, лампочку на рации заклею, чтобы не палиться! – оборвал я его и машинально посмотрел на часы. На часах было ровно 00:20. – Пара минут и выходим.

Окончательно собравшись, я отодвинул рукой ковер, пропустил вперед Чиаса и ослеп от вспышки прилета, который разорвался в нескольких метрах от входа. Я почувствовал удар в ногу и закатился обратно в блиндаж, отталкивая Чиаса. Следующий прилет был по крыше блиндажа, которая, к счастью, выдержала этот удар. На нас посыпалась земля и мусор.

– Фишка! Где фишка? – заорал кто-то в этой неразберихе. – Тельник сказал, трехсотых не бросать!

– За ним! – ломанулись мы втроем из блиндажа.

Чиас, я и Папка осторожно выползли из блиндажа и стали осматриваться по сторонам. Мне было страшно, казалось, что вот именно сейчас из этой тьмы на нас полезут украинцы, закидывая гранатами и стреляя на поражение. Тьма всегда пугала людей. В ее глубине могло таиться все, что угодно. Звери, злые духи или более понятные, но не менее ужасные, украинские ДРГ. Папка пролез к лежащему впереди бойцу, а мы, спрятавшись за бруствером, стали насыпать по темноте впереди.

– Фишка двести! – закричал Папка.

– Тащи его сюда!

От неожиданности и непонимания происходящего на душе стало тоскливо и страшно. Было такое ощущение, что какая-то крепкая костлявая рука схватила меня за горло и сжала его. Сердце колотилось в груди, но мы вдвоем продолжали стрелять короткими очередями в сторону украинских позиций. Это придавало уверенности и служило ритуалом, как крестное

знамение. Папка подтащил фишкаря ближе и протащил его мимо нас в блиндаж. Мы с Чиасом переглянулись и тоже забежали за ковер.

– Что там? – паниковал бурят. – Шорох какой-то! Хохлы заходят!

– Стреляй! – крикнул Чиас и отскочил в сторону от входа, увлекая и меня.

Пацаны дали несколько очередей прямо через ковер. Мы замерли, вслушиваясь в звуки.

– Вроде тихо?

– Ага... – испуганно прошептал Папка.

Мы еще раз осмотрели нашего товарища и убедились, что он не подает признаков жизни.

Нога стала болеть сильнее, я подсветил себе зажигалкой и увидел мокрое пятно на штанине.

– Я, по ходу, триста.

– Куда? – зашептал рядом Чиас.

– Левая нога. Посвети!

Я стал судорожно искать перевязочный пакет и перематывать ногу.

– Граната! – вдруг заорал Папка, и мы стали хаотично метаться по блиндажу.

– Блять!

Прошло десять секунд, и, когда не последовало взрыва, мы поняли, что Папке показалось. Мы были зелеными, необстрелянными бойцами, которые запаниковали и растерялись от первого настоящего обстрела и первой смерти нашего товарища. Мы выпустили через ковер еще по одной очереди и немного успокоились. Нога болела все сильнее.

– Что делать будем? – посмотрел я на пацанов. – Я триста.

– Давай оттягиваться...

– Что у вас там за война? – заговорила с нами рация.

– Накат, по ходу! – быстро ответил я.

– Мы в соседнем блиндаже. Наша фишка не видит наката.

– Не знаем... Нам нужна эвакуация. У нас один двести, а я триста.

Через час меня забрала группа эвакуации и оттащила на тыловую позицию. Медик снял жгут и осмотрел рану.

– Тебе тут перетягивать нечего. Просто повязки хватит.

– Понял... Что там?

– Пулевое.

– Не может быть!

– Снайпер, может...

– Хмм... – удивился я.

Из-за суеты, которая творилась там, я не мог сказать точно: «А был ли снайпер?..».

На следующем пункте эвакуации выяснилось, что в ногу попал восьмимиллиметровый осколок. Меня по этапу доставили на ангары, а оттуда увезли в Зайцево, потом в Светлодарский госпиталь.

– Ну, хоть пострелять успел и «люстру» увидел! – думал я, пока меня транспортировали вглубь Луганской области.

11. Ольга. 1.1. Жизнь в городе

После этого случая мы с Владом перенесли вещи в подвал и стали ночевать там. Мама с собакой и муж, который не хотел оставлять ее одну, оставались в квартире. Каждый вечер, уходя в подвал, я обнимала их и молилась про себя, чтобы ночью с ними ничего не случилось. Юра зашил выбитые окна пленкой, и днем мы возвращались обратно в квартиру, пока у нас был свет. Влад раздобыл себе кнопочный телефон, который ловил лучше сенсорного. Он постоянно бегал к нам в квартиру или лазил на дерево во дворе, чтобы отправить Ане смс. Иногда им удавалось созваниваться, но связь становилась все хуже, и Влад очень переживал, когда подолгу не получал от Ани известий. Всякий раз, когда он лез на дерево или убегал наверх, я переживала и замирала от каждого взрыва, несмотря на их удаленность. В моей памяти слишком сильно отложилась ситуация с последним прилетом.

Иногда, когда они сильно скучали друг по другу, Аня уговаривала родителей, чтобы они привезли ее к нам на часок повидаться с Владом. Семья Ани всегда приезжала почти в полном составе: сват Женя, сватья Ирина, Аня и ее младший брат Ваня, которого они не хотели оставлять с бабушкой. Ване было четырнадцать лет, и они боялись, что в их отсутствие его могут вывезти в тыл волонтеры, которые охотились за детьми и подростками. Мы заранее связывались друг с другом и договаривались о приезде. Мы, взрослые, понимали, что им двоим тяжелее всего переживать разлуку, поэтому и готовы были рисковать, чтобы создать условия для встречи, несмотря на то, что в пути их на каждом шагу подстерегали опасности осажденного города, полного военных и подвергающегося обстрелам.

Приезжали они обычно вечером, когда не было сильных прилетов, и быстро спускались в подвал. Пока Аня и Влад ворковали отдельно от нас, мы могли поделиться последними новостями и обсудить насущные дела. Они приезжали с гостинцами, как это принято среди родных людей. Благодаря им мы имели не только продукты из гуманитарки, но и домашние консервы, которые сватья заготавливала впрок. В ответ мы собирали им термосок с тем, что нам удалось раздобыть, чтобы порадовать их. Наши семьи, конечно, не голодали, но эти подарки были частью ритуала поддержки и заботы друг о друге, показывающего наши отношения и родственные связи.

– Да, видимо, это надолго... – задумчиво сказал мой муж Юра, когда мы сели попить чай.

– Кто же его знал, что так долго, – подхватила тему Ирина, – думали, месяц-два...

– Видимо, до последнего придется жить. У вас как с теплом? – спросила я.

– Печка есть, дрова тоже пока есть, – спокойно ответил сват Женя, – нашли, где брать.

Домов пустых по нашей улице больше половины.

– Мы тоже запасаемся, когда время есть. Думаю, как-то выдержим, – по-деловому кивнул муж. – Уголь нашли. Вам если нужно, то можно набрать.

– Пока не нужно, спасибо.

– Прилетов вот тоже все больше... – покачала головой сватья.

– Хотя и привыкли уже к ним, но я все время вздрагиваю, – сдержанно поделилась я.

– Это уже не так страшно, как в начале, когда по налоговой прилетело, – подхватил муж. – Тогда, конечно, было очень тревожно с непривычки. Но выезжать мы однозначно по-прежнему не хотим. Да и некуда особо.

– Интернет работает? Что слышно? – посмотрела я на них, зная, что они в своем доме просматривают телеграм-каналы.

– Русские Опытное штурмуют.

– Ясно.

– А захыстныки что?

– Мародерят. Уже даже не скрываются. У нас тут одна женщина... Она им так прямо и кричала: «Что же вы творите?» А они ей: «Жиночка, це вийсковы справы!» А какие это военные дела, если они люстру тянут или холодильник?

– Смелая женщина.

– Так пропала она после этого. Мужики ходили к ней, как заметили, что ее не видно. Квартира стоит открытая, а ее нет...

– Осторожнее вам нужно.

– Ой, недавно уже под ночь приехали... Мы, конечно, в подвале, не выходили, но все слышно, – передернув плечами от накотившего страха, вспомнила я. – Слышим, они спустились по лестнице вдвоем под самую дверь и между собой разговаривают: «Давай этим пидорам кинем гранату». Я так это вообще... Встала на колени посреди подвала: «Господи, пожалуйста, сделай что-нибудь, сделай что-нибудь, чтобы не кинули!» И стою так. Слышу, машина какая-то подъезжает. Им кричат выдвигаться на боевую позицию куда-то. Они попрыгали в машину и уехали.

– Слава Богу! Слава Богу! – распереживалась сватья.

– А так, часто во дворе подходят, глупые вопросы задают, – продолжил рассказ муж.

– О чем? – посмотрел на него Женя.

– Мы во дворе, где гаражи, дрова храним. Дрова у нас в квартирах, в гаражах, в подвале, везде. Чтобы не в одном месте это было. Потому что не ясно, в каком месте мы остановимся. В каком месте застанет обстрел, чтобы мы могли какое-то время ими пользоваться.

– У нас тоже в разных местах, чтобы, в случае чего, не все сгорели, – кивнул сват.

– Умно! Так вот... Когда рубашь дрова на гараже, очень часто подходят с тупым вопросом: «Вы местный?» Я говорю: «Я похож на не местного?» А они дальше: «А чего вы не уезжаете?» Отвечаю: «У меня здесь мать, у меня здесь семья – куда я должен ехать?» Они дальше: «А не страшно жить?» Говорю: «Разгрузку свою сними и посиди вместе с мирными, чтобы не задавать глупых вопросов. Конечно, страшно!» Тут бесстрашных нет, но тем не менее...

– Любопытные... – усмехнулся Женя. – Заварили кашу, теперь спрашивают.

– А недавно приколы были. Двое подходят: один русскоязычный, второй на украинском. Который на украинском – сразу вопрос: «Вы місцеві?» Я уже не реагирую на этот вопрос. А вместе со мной был Димон, брат мой двоюродный. Мы дрова рубали. И он в ответ на чистой мове! Как затараторил! – засмеялся муж. – Я, если честно, охренел. Не ожидал, что Димон вообще украинский знает. Он, видно, с пересеру... Потом уже, когда ушли, я спрашиваю: «Ты откуда украинский знаешь?» Он: «Да я его и не знаю». Я говорю: «Дима, мы только что стояли, тебе задали вопрос – ты ответил так-то». «Да не может быть!» «Да может, Дима, может!»

– А меня, когда спрашивают, я уже вру, – вклинилась я в разговор, – и все время новые приезжают, и все одно и то же спрашивают: «Почему вы не выезжаете?» Я им: «Мы уже выезжали и вернулись». Начала врать, потому что... Что им объяснишь? Придумала уже, что отвечать, и говорю: «Нам негде. У нас не хватает финансов, средств жить где-то, снимать жилье». Он говорит: «Можно же и в другом городе жить в подвале», – всплеснула я от накотившего раздражения руками. Я говорю: «Вы интересные! Вот у меня квартира, я пошла и взяла одеяло или какой-то рис гуманитарный, я в подвале своего дома. Как вы представляете, что я буду по подвалам в других городах жить?»

– Да... Сепары... А кто первый в четырнадцатом году отказался подчиняться законной власти? Не западная ли Украина? Сейчас бы, если бы не этот... Президент... У них бы война была, а не у нас.

– Так Запад бы и там их поддерживал, только говорили бы, что они борются за свободу! За незалежность!

– Кто это сейчас вспомнит, что они первые сепаратизм проявили? Никто. Никому это не нужно, – покачала я головой.

– А теперь пьяные приезжают, автоматами своими машут: «Пидор русский выходи, я тебе унитаэ дам!» – разозлился Юра.

– Они, когда приезжают, я быстро в подвал спускаюсь, чтобы предупредить наших, – стала быстро говорить я, чувствуя волнение и глядя на сватьев.

– Правильно. Мало ли, что у них в голове, – поддержала меня Ира.

– Последний раз человек пятьдесят во двор приехали. Я испугалась, аж заплакала. Думала, что сейчас выселят нас из подвала и займут его... Но посмотрели что-то и уехали. А бывает, когда новеньких привезут, они бегают тут, боятся обстрелов. Как в кино показывают: с автоматом дорогу перебегают на полусогнутых.

– Боятся, а потом спрашивают, не страшно ли.

– Ага. Наши стоят, рубают дрова. Прилеты, обстрелы, а эти бегают вот так вдоль стенки, как в кино показывают, – стала я имитировать перебежку солдат. – Вот вам и фортеция!

– Страшно все это... – закивала головой сватья.

– Да и так понятно, что чем дальше, тем страшнее и страшнее... – осторожно завершил беседу сват.

Мы старались инстинктивно избегать тем, которые вызывали тревогу, чтобы лишний раз не накручивать друг друга. Всем и так было ясно, что положение наше тяжелое, и лишний раз переживать не хотелось. Мы берегли нервы близких и проявляли через это тактичность и заботу. Пообщавшись час, мы обнимались и всякий раз прощались, надеялись увидеться вновь, но никто из нас не знал наверняка, удастся ли нам встретиться еще.

Через несколько дней после их последнего приезда умер наш пес Валетик. Он был старый и в последнее время почти не вставал со своего места. Вечером он пришел к нам в комнату и, положив свою голову Юре на коленки, спокойно посидел так целый час. Затем так же сходил к Владику, а ночью, забравшись в дальний угол подвала, тихо умер. Наутро мы нашли его, бережно уложили в картонную коробку, вынесли из подвала и закопали в углу двора.

– Отмучался, – грустно сказал Юра.

– Главное, не один был. Столько собак бездомных бегают, – кивнула я.

– Это да. Умер в семье, в тепле. Хорошая была собачка. Добрая.

Валетик жил вместе с нами в подвале с несколькими кошками. Кошками занималась я, а Юра и Влад подкармливали, чем могли, Валетика. Пока было тепло, звери частично жили на улице, но далеко не отходили от нас, видимо понимая, что люди смогут их защитить и обогреть. Когда стало холоднее, мы заселили их в подвал, где они и проводили большую часть времени. Юре, пожалуй, было тяжелее нас всех. Он должен был отвечать и за меня, и за маму, и за все наше хозяйство. Иногда я смотрела на него, и меня накрывала невероятная любовь к нему за то, что он такой храбрый и мужественный человек, без оружия противостоящий обстоятельствам и вооруженным людям.

С другой стороны подвала некогда располагался магазин, где с лета была база ВСУ. Раз в неделю туда прибывали новые отряды и, пробыв день-два, отправлялись дальше. В последнее время никто не приезжал, но мы все равно боялись туда ходить, чтобы не нарваться на неприятности. Утром мы слышали шум за стеной и испугались, что там опять будет их точка.

– Неужели опять приехали? – расстроилась я.

– Нужно на разведку сходить, – предложил Влад, и они с мужем стали одеваться.

– Осторожнее там, – встревожилась я, – близко не подходите, как будто вы мимо идете.

– Да куда уж осторожнее, итак из подвала не выходим почти, – успокоил меня муж. – Глянем и назад.

Я проводила их и стала ждать. Через полчаса они вернулись в приподнятом настроении и стали рассказывать, что в магазин приехала большая группа баптистов-волонтеров, которые делают там «пункт незламности», в котором будет интернет, раздача еды и воды.

– Попросили всех оповестить, что можно приходить туда, заряжать телефоны, греться и общаться, – делился со мной и соседями по подвалу муж.

– Даже беседы какие-то вести там собираются, – добавил Влад.

– Про Иисуса?

– Наверное, но зато интернет халявный! Теперь с Аней можно переписываться легко. У них там и «Старлинк» будет.

– Дай Бог им здоровья.

Люди быстро окрестили это место «пункт обогрева», чтобы не называть его так, как называли его волонтеры с Западной Украины. Все, кто жил поблизости в подвалах, стали приходить туда посидеть в интернете, согреть воду, погреться и даже подстричься. Хозяева были с нами всегда радушны и каждого встречали добром, как настоящие христиане. Мы регулярно ходили туда и получали от них гуманитарную помощь в виде воды и продуктов. Место было хорошим, если бы не периодические приезды туда более агрессивных волонтеров, которые постоянно агитировали нас выезжать в Украину, там было относительно безопасно. Вход в подвал располагался со стороны улицы и был хорошо защищен.

Несмотря на то, что «Вагнер» уже был на подступах к городу, украинская пропаганда все еще расхваливала «Фортицию Бахмут» и обещала перемолоть здесь все силы русских. Приходилось быть осторожными с просмотром новостей на русских каналах Телеграма, чтобы не попасть под проверку СБУ, которые внезапно могли приехать туда и устроить досмотр телефонов.

– Хочешь хохму про нашего соседа Борю? – со смехом спросил меня муж.

– А что с ним? Он же после инсульта еле ноги волочет? – удивилась я. – Так ото ж! Пришел сегодня в «пункт обогрева», и у него там приступ какой-то.

– Поплохело?

– Ну да. Прилег и, вроде как, сознание потерял! Все давай вокруг него бегать! Суета! Тут же украинские волонтеры начинают бегать и на украинской мове: «Що з ним? Що з ним?» А соседи говорят: «Плохо. У него инсульт был. Такая ситуация». Украинцы эти давай по рации вызывать кого-то. Говорят: «У нас человек без сознания, умирает! Срочно нужно в больницу его везти, в Константиновку!»

– Кого? Борьку? Он же самый главный сепар у нас! Из-за него и жена с дочкой тут сидят! Наотрез отказывается выезжать!

– Так в этом и прикол, – перебил меня муж, – они там пока бегали, помощь ему искали, он глаза открыл, услышал, что его хотят вывозить, и ожил! Воскрес, как Лазарь библейский.

– И что?

– Смотрю, он встал, тихо-тихо по стеночке и на выход.

– Ноги-то плохо ходят у него! – закивала я.

– Они кинулись, а Бори и след простыл!

– Вот баптисты обрадуются теперь, – засмеялся Влад, – воскрес брат.

– И куда он делся?

– Да куда? У себя сидит, прячется и ругается на них. Обвиняет, что похитить хотели.

В подвале с нами жили еще несколько семей, не считая брата Димы и тети моего мужа, его матери. У каждого было свое отдельное хозяйство, но по необходимости мы старались помогать друг другу. Мы собрали мангал, который стоял во дворе, и все имели возможность готовить на нем еду по очереди. Мы готовили еду одинокому мужчине, который жил по соседству и благосклонно принимал нашу помощь.

Рядом, в соседнем подвале, жила дружная компания из восьми человек, которые скооперировались и раньше других переехали в подвал. Они сразу перетаскили туда из своих квартир все необходимое и жили сообща. Они не унывали и, наблюдая за ними, можно было подумать, что это группа туристов, которые выехали на пикник. Мы делились между собой информацией

и старались поддерживать позитивное настроение, без которого было невозможно выживать в этих пещерных условиях.

Со временем наладилась обычная жизнь, насколько она могла быть «нормальной» в таких условиях. Я, по мере возможности, не забывала следить за собой, делала маникюр, стирала вещи и устраивала наш быт. Мы с мужем жили в отдельной комнате, а Влад занял комнату рядом. Подвал стал напоминать нормальное жилье с кроватью и аккуратно сложенными вещами. Но иногда, из-за нервной обстановки, мы с Юрой ругались по разным причинам, но тут же мирились и находили повод посмеяться и поговорить по душам. Постоянные обстрелы и экстремальные условия убрали из наших отношений все лишнее и наносное. Юра поддерживал меня и успокаивал, когда я впадала в тревогу и отчаяние, всячески заботился обо мне и Владе.

Мы постоянно уговаривали маму переехать к нам в подвал, но она все время ссылалась на неспособность спуститься вниз по крутой лестнице и, махая рукой, возвращалась в квартиру.

12. Фаберже. 1.1. Ранение и возвращение на передок

После того, как мы взяли первую двухэтажку, на подступах к которой меня ранило сбросом ВОГа, я сам себе оказал помощь и отказался от эвакуации. Но с каждым днем рана увеличивалась и гноилась. Это становилось все более заметно по тому, как я прихрамывал при ходьбе и перебежках.

– Фаберже, – позвал меня к себе Парижан, – Сапалер сказал оттянуть тебя в тыл, чтобы ногу лечить. Короче, нужно сходить на перевязку к Доктоку в пятиэтажку.

– Да ладно... – попытался отмазаться я, но он настаивал на своем решении, и я согласился.

Кое-как я доковылял до нашего ПВД и сдался медикам.

– Что с ногой? Показывай, – приказал Докток, надевая перчатки.

– Ерунда, – попытался схитрить я, чтобы не ехать в тыл, которого панически боялся, – царапина.

– Показывай!

Я снял кроссовки, которые носил вместо ботинок, чтобы было удобнее бегать, и задрал штанину.

– Нихера себе царапина! – выпал в осадок Докток. – Ты про сепсис слышал когда-нибудь? Ноги хочешь лишиться? – стал пугать меня он. – Сейчас рану обработаю, перемотаю, и поедешь на «Кедр».

– Может, тут как-то? – с лицом наивного юноши попросил я.

– Нет! – отрезал он. – Мне за тебя предьявят. Точно эвакуация!

Докток стал обрабатывать рану, параллельно читая мне лекцию о необходимости заботы о своем здоровье, что выглядело для меня немного непонятно, учитывая те условия, в которых нам приходилось жить и воевать.

– Что такое сепсис? – вопрошал он и тут же отвечал на поставленный самому себе вопрос: – Сепсис – это патологический процесс генерализованного воспаления в ответ на попадание в организм инфекций разной природы. Вот ты думаешь: «Аа! Легкое ранение. Само заживет!», а бактерии и инфекция уже проникли в твой организм и распространились по нему, вследствие этого твоя защита, иммунитет, уже хер справляется. Ты вроде еще бегаешь и даже не подозреваешь о надвигающейся катастрофе, а бактерии уже пошли в мощный накат на твои позиции и кое-где уже прорвали их... – как реальному дурачку, стал объяснять мне Докток опасность моего положения. – Тем более тут. Силы организма итак в дефиците, а ты им дополнительную нагрузку создаешь.

– Понял, понял... – кивал я головой.

– Резкая слабость, головокружение, бессилие, отсутствие аппетита, тошнота, рвота, нарушения сна, головная боль, проблемы с памятью, тахикардия, пониженное артериальное давление, лихорадка, повышенная или пониженная температура тела, одышка, хрипы в легких есть? – глядя на меня, строго спросил Докток.

– Ой-ой-ой... Я таких слов-то даже не знаю.

– Короче! Неделю полечишься, и, если все хорошо, то вернешься.

– Как скажете, доктор, – бессильно кивнул я.

– А осколок где? Что-то я его не чувствую при пальпации...

– Так я его сразу вытащил. Кровищи было! – вспомнил я операцию, которую произвел сам себе. – Он торчал. Маленький такой. Я его раз – и выдернул! Сам все обработал и замотал.

– Ясно. Распиздай! – поставил мне диагноз Докток. – Осколок удалил, а там внутри полно вторички. Антигенов. Вот у тебя все и загнило.

Меня и еще несколько трехсотых погрузили в дырчик и отвезли как белых людей к медикам в тыл. Поселили нас в «Хогвартсе», на нашей позиции в Клиновом, и оттуда я ежедневно, днем и вечером, ходил на процедуры на «Кедр». Мне ставили капельницы, обрабатывали рану и делали перевязки. Было не напряжно, но очень скучно. Помимо этого, у меня развилась фобия, и я постоянно боялся прилетов «Хаймерса» по этой школе. Спать было тревожно, ночами я тупил в потолок и прислушивался к звукам. Едва я закрывал глаза, как мне мерещились хохлы с хищными рожами, которые целились в школу и мечтали накрыть нас всем скопом.

– Ребята, можно мне уже назад на передок? – каждый день с надеждой спрашивал я, боясь новой бессонной ночи в школе.

– Пока рано, – отвечал мне местный доктор с большими волосатыми руками. – Пару дней – и поедешь. Станный ты, Фаберже. Многим за счастье тут поваляться, а ты на передок рвешься.

– Там спокойнее. И все понятно, – пытался объяснить я элементарные для меня вещи. – Я там все знаю и контролирую ситуацию. А тут у вас... Ничего непонятно.

Наконец, по прошествии трех дней, мне дали добро на возвращение. Я счастливый выбежал из медчасти и вместе с Обидой уехал в Зайцево.

Там я зашел к Гонгу отметить и пробить свою дальнейшую судьбу.

– Что, куда хочешь? – склонив набок голову, глядел на меня с интересом Гонг.

– Обратно, к пацанам.

– Ну, иди-иди. Там трехэтажку как раз складывают.

– А чо такое? – заинтересовался я.

– Не чо, а что. У нас там теперь и «Корд» стоит, и снайпера наши работают, и гранатометки. Поэтому и складывают.

– Это не страшно. Мы там нормально окопались. Такие блиндажи там построили шикарные: и печки, и нары – все есть. В доме еще и вниз окопались – бетон продолбили.

– Молодцы! Вы у меня лучшие, – тепло сказал Гонг.

– Пойду тогда?

– Давай, – улыбнулся мне Гонг своей хитровой улыбкой. – Обида тебя подкинет. У нас теперь дорога до самой пятиэтажки пробита.

– О! Цивилизация!

– Да и к школе нет-нет за трехсотыми подсакивают, – подтвердил Обида. – Чуть продвинемся еще, я с пятерки в школу переберусь, чтобы эвакуации бегать было ближе. Подвал там хороший. Свой «Кедр» там сделаем. Чтоб все на уровне.

Мы вышли с ним на улицу, и я решил попробовать исполнить свою детскую мечту.

– Обида, а можно я не в машине поеду, а в кузове твоего Патриота? Всю жизнь мечтал, чтобы вот так, как в фильмах американских, ехать в кузове и стрелять!

– Давай, ковбой! Стреляй! – улыбнулся он. – Как раз к копачам надо заехать, которые окопы копают. Они спят там постоянно, бездари. Заодно и разбудишь их, – воодушевился он. – Только вверх стреляй, а то еще убьешь кого-то. Они итак там перепуганные.

Обида мне нравился. Он был настоящим бойцом и хозяйственным мужиком. Увидев мою форму и кроссовки, он тут же залез в кузов машины и выдал мне все, что было нужно.

– Ты что, дурак, что ли? Где ботинки?

– Я их не ношу. Они сколько весят? Они тяжелее меня!

– Зима на дворе. Надевай давай. Это турецкие – легкие и теплые.

Ботинки и правда были легкие, как пушинки, и очень теплые. Обида стоял и наблюдал, как я переоделся, и по его глазам было видно, что ему и правда было не наплевать на меня.

– А эти почему в старом? – кивнул я Обиде на пополнение, которое готовилось к переброске на передок.

– Бережливые, – ухмыльнулся Обида. – Им тут всем новую форму выдавали весенне-осеннюю: «мультикамки», курточки, ботинки теплые; никто ничего не надевает. Я их спрашиваю: «А вы почему в старой форме?» А они мне: «Для передка бережем!» Балбесы.

– Зеленые просто. Они все тут как под копирку. Чистые такие, прям вообще. Через недельку уже будут как мы, все грязнущие и порванные.

– Это точно, – кивнул Обида. – Бекешу только форму выдал, он радовался, шо пижон. Первый прилет, и он весь с ног до головы в грязи, как крот. Матерился на хохлов, я таких матов с рождения не слышал.

Я сел в кузов, и пока мы ехали, палил во все стороны из автомата и представлял, что я террорист из боевика. При этом я чувствовал детский восторг, сравнимый с переживаниями, которые у меня вызывали наши фанатские выезды, когда можно было орать и фанить на трибунах или драться толпа на толпу после матча.

Копачи, как и предполагал Обида, знатно пересрали и стали выходить по рации на Гонга.

– Гонг – Копачам?! Гонг – Копачам?! По нам ебулят! По нам ебулят!

– Прячьтесь, раз ебулят! – злился на них Гонг.

Я помог Обиде быстро разгрузить все, что он им привез, и мы рванули дальше. Доехав с ним до пятиэтажки, я выпулился из кузова, душевно попрощался с ним и побежал к своим на ДК. Это было мое первое возвращение из тыла после долгой отлучки на передке, и пока я бежал, тело и мозг вспомнили все навыки и повадки, которые были нужны здесь. Я всем своим нутром чувствовал, что здесь безопаснее, чем в Клиновом, что тут точно по нам не прилетит ничего крупнее сто двадцатой мины. Ощущение контроля над ситуацией вновь вернулось ко мне, и внутри стало легко и спокойно. «Здесь все зависит только от меня самого и случая... Но больше – от меня самого и моих инстинктов», – думал я, петляя между мусором и воронками от снарядов. Привычный шум войны – автоматная стрелкотня, звуки далеких и близких выходов и прилетов – успокаивающе действовали на психику. Я почувствовал, как адреналин вновь наполняет мое тело, смешанные чувства тревоги и бодрости давали мне ощущение легкого опьянения.

Не успел я разложить все и поздороваться с пацанами, как меня вызвал к себе Сапалер.

– Привет, Фаберже, – пожал он мне руку. – Тельник тут с тобой поговорить хочет, – он протянул мне рацию. – Говори, не бойся, она на запасном канале, не на общем.

– Фаберже, дружище! Привет! – услышал я знакомый голос. – Как ты?

– Нормально. Подлечили, братан. Только вот вернулся.

– Ну и отлично... Слушай, мы тут с Иваном договорились, он не против, чтобы ты ко мне перешел на школу.

– Блин, я как-то тут с Сапалером всю дорогу... – я посмотрел на Ивана. – Пацанов бросать... – замялся я.

– Ну, Серег, понимаешь, ты же мне близкий. Мне нужно, чтобы рядом были те, на кого я могу положиться. Я набираю свой состав, потому что сейчас самые жесткие бои начнутся за высотки, – стал прикатывать меня Тельник. – А мне сейчас молодняк напихают, с кем я воевать буду? А у вас там командиров своих полно.

– Ладно, если Сапалер не против, – посмотрел я на Ивана. – Давай к тебе.

– Вот и отлично! Отлежишься у меня пару дней, отдохнешь, – обрадовался Тельник. – Группу тебе соберем, командиром станешь.

– Хорошо. Как стемнеет, прибегу к тебе, братан, – уже веселее закончил я. – Вари чай давай.

Я отдал рацию Сапалеру, он молчал.

– Я пошел? – не понимая, что мне теперь делать, растерялся я.

– Да, собирайся. В принципе, можешь и сейчас до пятиэтажки добежать, а оттуда уже к ним на школу. Кросту привет. Я его пару дней назад только туда отправил.

– Спасибо, Иван, – пожал я ему руку. – Как-никак... тут все мое начиналось. И первый штурм этот, и второй.

– Увидимся, – кивнул мне Сапалер, и я пошел за своими вещами.

13. Цахил. 1.5. Медпункт в четырехэтажке

Обида всегда придерживался очень простого правила: «Медики должны быть как можно ближе к передку». Благодаря этому, нами было спасено огромное количество жизней. Как только наши под командованием Тельника взяли школу, нас тут же перекинули на четырехэтажку вместе с группой Стахана. И для усиления дали три группы десантников из 106-й дивизии ВДВ. Это были нормальные парни, мобилизованные на Кузбассе. В основном из Новокузнецка и Кемерово.

Им запрещалось участвовать в боевых действиях, но разрешалось работать на подносе БК и всего остального. Из-за невозможности получить свой собственный боевой опыт, они часто расспрашивали нас о том, что там происходит. Эти группы были свежими и только присоединились к нам.

– Это смешная ситуация, пацаны, – улыбнулся я, когда они первый раз попросили рассказать, что происходит на передке, куда их не пускали.

– Почему?

– Независимо от того, что вы не участвуете в самих штурмах, до противника метров сто пятьдесят. Вы бегаєте как эвакуация по самому что ни на есть передку! Уж куда ближе! Некоторые дальше Зайцево не бывают... Это семь километров отсюда и, поверьте, они считают, что воюют на передке.

– Действительно, приколы, – заржали они, и самый бойкий из них все же продолжил: – Ну, тебе что, жалко, Цахил? Работы пока нет. Кофе мы заварили. Расскажи, что тут было?

– Да особо-то и рассказывать вроде нечего, – задумался я.

– Нам же воевать еще и воевать, – грустно сказал Рыжий, который возглавлял одну из групп мобиков. – Нам все полезно будет, да и время убьем.

– Ладно... – согласился я, не зная, с чего начать, и начал с захода в Опытное. – И пары месяцев не прошло, как мы сюда после Иванграда зашли... Группа, с которой я зашел, почти вся *стерлась*. В основном триста. В штурме, и чтобы без ранения, это вообще никак, – чуть-чуть припугнул их я. – Мы сначала на ангарах были. Там, конечно, бардак был. А потом Гонг, замкомвзвода наш, прислал Обиду и Доктока. Мы с ними быстро переехали с ангара на пятиэтажку.

– А почему? – как любопытный ребенок спросил крупный и высокий боец.

– Стало понятно, что эвакуация должна быть как можно ближе к месту ранения, чтобы быстро помощь оказывать, – пожал я плечами, объясняя им то, что для меня давно стало само собой разумеющимся. – Докток, Обида, я, – мы втроем, получается, двинулись вперед до пятиэтажки и начали располагаться, – стал я втягиваться в рассказ и восстанавливать цепь событий последних месяцев. – Ван Дамма сначала оставили на ангаре. А потом перетянули в пятиэтажку, потому что он на ангаре не справлялся с работой. Просто не справлялся. Туда отправили пацана с эвакуации, Линю.

– А пятиэтажка-то чем хуже этого подвала, в котором мы сейчас? Там вроде нормально.

– Место под работу было, мягко говоря, неудобное по медицинской части. Но как часть логистической цепочки – отличное! Площадочку под столы подрастчитили на первом этаже, но холодно было очень, – вспомнил я, как сильно мерзли руки. – Мне, по сути, какая разница: стол, не стол, еще что-то. Мне достаточно любой ровной поверхности, чтобы ранеными заниматься... Я в Иванграде на себе толстяка тащил, он сто двадцать кило весом был. Плюс на нем еще броник, каска, то есть нормально весил.

– Цахил, да откуда в тебе силы-то? – оценивающе глянул на меня Рыжий. – Ты же тощий, как медведь после спячки.

– На это не смотри, – уверенно ответил я. – Мне людей крутить, вертеть – по барабану, сколько они весят. Плюс я уже не один работал в этот момент – Докток был.

– Он всегда такой строгий? – шепотом спросил голубоглазый боец с красивыми славянскими чертами лица.

– Да. Но это так. Маска. Если на это внимание не обращать, с ним легко можно поладить. Я тогда смотрел на него, слушал, что он говорит и думал: «Ладно, чем больше я из тебя информации выведу полезной, тем мне будет проще и лучше в будущем».

– А откуда он взялся у вас? Он же настоящий врач.

– Я не знаю точно, почему он появился: то ли его как в ссылку сюда сослали, то ли еще что.

– Он конторский?

– Да. У него жетон интересный – серии «Б». Я таких жетонов, если честно, не видал. Насколько я понимаю, это именно для врачей, специалистов тыловых, которые подписали контракт, изначально будучи медиками. Он же сам по себе является кардиохирургом! Серьезный человек!

– Ясно... – с уважением в голосе потянул Рыжий. – Поэтому он такой важный.

– Да. Наглости не занимать этому товарищу, – усмехнулся я, вспоминая нашу первую встречу с ним в Иванграде. – Но мне с ним удобно: во-первых, дополнительная информация, которой я не знал... Во-вторых, раз он хирург-кардиолог, то образованный человек и очень много чего понимает.

– Повезло, значит, вам.

– Мне только в плюс. Парни продвигаются. Уже ДК взяли. В сельсовет забежали. То есть продвинулись уже прям... Я смотрю карту, понимаю, как они продвигаются, вижу, где эвакуация, понимаю, что уже становится неудобно. И Обида говорит, что надо, по-хорошему, дальше продвинуться, точку менять и идти вперед, чтобы было удобно. Я такой думаю: «Отлично! И я того же мнения». Докток же уперся: «Здесь только!»

– С гонором он, значит, товарищ...

– Да, – вспомнил я серьезную заточку Доктока. – И вот я с ним трехсотыми занимался. Что не знаю, у него учусь. Плюс двухсотыми: описывал причину смерти, журналчик вел. То есть абсолютно все проходили через нас. У кого какие ранения описывалось, журнал велся.

– Можешь подробно описать? Вот приносят раненого, и что дальше? – подвинулся ближе Рыжий.

– Тебе зачем?

– Может, я медиком всю жизнь быть хотел. Врачом.

– Ага... А потом тебя укусил вэдэвэшник, и ты стал им? – подколот я его. – Ладно... – откашлялся я. – Сначала есть такая штука как «сортировка раненых». Есть легкораненый... Если он сам себе помощь не оказал в первые десять минут, то он сам себе ее оказать не сможет. Его нужно привести в чувство.

– А как легкораненого отличить, допустим, от среднего? Или тяжелого?

– Когда идет большой поток, тот, кто орет больше всех, тот легкораненый. По одной простой причине – у него есть силы орать. Тяжелораненый, как правило, мычит или молчит – у него нету сил, он не шевелится. Среднераненый еще как-то может реагировать, причем адекватно – видно, что ему плохо.

– Интересно!

– Например... Был такой человек, позывной Самса. Прибегает в ангар, а у него простреленный бицепс просто. Он орет как резаный. Рядом сидит другой боец, у которого пробито легкое в двух местах, так что насквозь видно. Он сидит и молчит. А этот Самса орет, как тварь последняя. Хотя он себя до этого зарекомендовал, что дерзкий такой, и стрелок хороший. Ну, это до ранения... Я смотрю, с него кровь особо не бежит. Этот молчит. Спрашиваю его: «Что

с тобой?» Он говорит: «Ничего, нормально». Я говорю: «Тогда я Самсу сначала обработаю». Смотрю, бицепс простреленный. Просто по мясу. Не задето ни крупных кровеносных сосудов, ни сухожилий, ничего вообще – просто мясо.

– Навылет?

– Да. Херня ранение.

Подхожу к этому парняге – мужичок в возрасте был – его мотаю, подкалываю «Гентамицином», «Этамзилатом». Первый, грубо говоря, антибиотик простенький, быстренький, второй – кровоостанавливающий, гемостатик. Его можно по вене, можно внутримышечно, чтобы кровь быстрее сворачивалась. Я его подкалываю, заклеиваю, говорю: «Ходу! Срочная эвакуация!» Этот же Самса орет и орет. Я ему говорю: «Слышь! Свой рот закрой!» Но пока леща не дал ему, он не заткнулся. Он вопит и вопит: «Я без руки остался!» Я там пятое, я там десятое и прочее...

– Психоз такой?

– Да. Перепугался от вида простреленной руки. В общем, если орут – это обычно легко раненые. У них паника.

– Так... – глаза Рыжего уперлись в меня.

– Среднераненый: да, тяжело, да, больно, но спокойно очень. Они не могут орать физически. Они могут говорить, они находятся в сознании. Тяжелораненые – они прям тяжелые, – я оглядел лица десантников, которые слушали меня очень внимательно. – Так вот, среди большого количества нужно выделить легко раненых, к ним подойти быстро: на тебе бинт, замотай, или заклей. На обезбол, вколи сам и сюда подходи. Или подойти, хорошенького леща дать, чтобы он в себя пришел, чтобы психоз ушел; и его подтягиваешь с собой. В большинстве случаев они просто начинают помогать. Далее подходишь к средним. То есть по пути к среднераненым легко раненого пытаешься выдернуть вот так.

– То есть важно их в себя привести просто?

– Да. А первостепенная помощь оказывается среднераненым. После этого только – тяжелораненым. Почему? Потому что за тяжелого, когда берешься, то не факт, что получится вытянуть, если много народу. То есть задача – как можно больше сделать полезного. Если он тяжелый, то он потенциально двести. Если я буду оказывать помощь тяжелораненому, это займет много времени. Средний превратится в тяжелого, а легкий в среднего. Среднего всегда можно вытащить, а тяжелого – нет. Вот такая логика. И ничего с этим не поделаешь.

– Это же какая серьезная ответственность на медике... – округлил глаза Рыжий.

– Ну это, если идут потоком. Как тогда, в начале, на ангары человек сорок притащили сразу. А в основном... Во-первых, идет информация, что группа на подходе. Подготавливаешь рюкзак специальный медицинский, распаковываешь. Там идут комплекты кровоостанавливающие, антибиотики, жгуты, турникеты, тампонады, капельницы к кровезаменителю – весь спектр медицинский.

– И ты во всем разбираешься? – присвистнул славянин.

– Конечно, – удивился я тупому вопросу. – Кровезаменитель двух видов: если большая потеря крови, литр одного влил, потом другого литр. Иначе, если сильно много влить одного и того же вида, человек может погибнуть. Приносят человека на носилках, начинаешь смотреть. Если он не может говорить, мычит, то к нему, если он один такой. Начинаешь срезать одежду. С тем, кто может говорить, начинаешь узнавать, что с ним, как, зачем, почему и так далее. Они, как правило, начинают отвечать. Если во время разговора понимаешь, что вот он средний, перебрасываешься на него, быстро обрабатываешь, потом опять на тяжелого.

– Когда вдвоем, так вообще, наверное, легко?

– Полегче, конечно, – кивнул я. – Сначала срезается одежда... Все тело прощупывается, поскольку осколки же множественные, надо все просмотреть. Мало того, что просмотреть, еще

руками обязательно прощупать. Соответственно, всегда в перчатках: мало ли какая гадость, мало ли, что подцепил. Самому, главное, не заразиться ничем.

– Я читал, что изначально перчатки и маски врачи стали одевать, чтобы, наоборот, не внести в рану заразу, – сумничал Рыжий.

– Хер знает, – пожал я плечами. – В общем, осматриваешь. Задеты артерии, жгут наложенный, смотришь время, что к чему: обезбольчик, «Гентамицин». Обезболы разные абсолютно: от обычного «Кетонала» до наркотических средств. «Димедрол», бывает, подкалываю, противошоковое. «Трамадол» всегда был с собой. Много всего. Если надо усилить обезболивающий эффект от наркотического, подмешивается жидкий парацетамол туда же. Он идет как усилитель процесса.

– Бустер?

– Да-да. Наркотические вещества усиливаются парацетамолом, – я стал читать им лекцию и сам увлекся процессом. – Дальше расслабляется жгут или турникет – смотрим интенсивность кровотечения. Если несерьезное кровотечение, ничего страшного. Если артерия подтекает, жгут обратно зажимается. Используется тампонада. Это специальный бинт, пропитанный гемостатическим материалом. Он туда забивается, создает давление и тем самым останавливается кровотечение. Потом сверху заматывается это дело ИПП. Если это дело на ноге, и человек может идти, то сверху заматывается эластичным бинтом, если речь идет о старых ИПП. Если речь о свежих, которые сами эластичные, то вообще все прекрасно.

– Допустим, о руке речь идет? – спросил Рыжий и машинально погладил свою руку.

– Если попадание в руку, там вообще все просто... Почему эластичные? Мышцы сокращаются, поэтому бинт сверху наматывается, чтобы ничего не слетело. Максимально от турникетов и жгутов старались уходить. Но не всегда получалось... В общем так, – устало закончил я.

– Круто! Спасибо тебе, Цахил, – протянул мне руку Рыжий, и вслед за ним это сделали все.

– Цахил, – окликнул меня Обида, зайдя в подвал, – там группа трехсотого несет. Пошли, ты будешь нужен.

– До встречи, Цахил! – попрощались со мной десантники, и я последовал за Обидой.

– Кстати! – вспомнил я. – У нас послезавтра занятия по медицине тут. Приходите, кто хочет.

– Отлично! – обрадовался Рыжий. – Обязательно приду!

С Обидой у меня сложились хорошие отношения еще с Иванграда, когда он там командовал группой, которая шла по правой стороне, пока их не прижали в подвале одного дома, где они чуть не сгорели. Один из пацанов там сгорел заживо, и мне после пришлось забирать то, что от него осталось. Я вспоминал это, идя за Обидой и смотря ему в спину. От парняги осталась часть плеч, часть таза и хребтина. Я сначала подумал, что это мертвая собака. Голову я так и не нашел, конечностей тоже. Закинул его в пакет и отнес к Гудвину.

Мы с Обидой пришли в нашу операционную и стали ждать группу эвакуации, с которой должны были привести трехсотого.

– Ты как? – с выражением лица буддийского монаха спросил Обида.

– Пойдет, – лаконично ответил я.

– Хорошо.

– Согласен.

В соседнем помещении послышался шум, и в медицинскую комнату ввалился Пилламб. Это был борзый боец, который до «Вагнера» служил в разведке, и общение с ним, как я уже заметил, у всех начиналось с конфликта. Возможно, так он заявлял о себе, а может, поднимал свою самооценку, но то, что он вел себя со всеми нагло и панибратски, многих раздражало. Знал я его уже давно и поэтому привык к особенностям его характера и поведения.

– Смотри, Цахил! – показал он мне ногу, в которой застрял осколок.

– Давай ногу, – стал я рассматривать ранение и быстро понял, что ничего серьезного у него нет. – На эвакуацию. Осколки тут вытаскивать нельзя.

– Нет, я не пойду. Я отказываюсь! – в своей манере заявил он.

– А кто тебя спрашивать будет?

– Давай тут сделай что-нибудь, – нахмутив лоб, стал давить он.

Я спокойно вычистил рану, замотал ее и посмотрел ему в глаза.

– Все, фигачь на эвакуацию.

– Нет!

– Ты чего как ребенок? – устало посмотрел я на него. – Нога согнуть может. Сепсис опять-таки.

– На мне как на собаке все заживет!

– Ладно... Давай компромисс. Поставлю антибиотики, и будешь каждый день мне показывать ногу.

Пилламб согласился и пошкондыбал к своим. К этому моменту я уже привык к таким выбонам со стороны некоторых бойцов и делил легкораненых на три категории. Были бойцы, которые с радостью шли на эвакуацию даже при незначительной царапине. По их счастливым лицам было видно, что они уже мысленно в госпитале и очень рады подвернувшейся возможности оттянуться в тыл и провести там часть контракта. Были бойцы, которым было все равно, и они просто слушали медиков. Если бы я их после перевязки отправил обратно в штурм, они бы безропотно сделали это. Но были и такие идейные, как Пилламб, которым здесь было лучше, чем там. Тут они были заняты делом, их больше всего пугала скука и бессмысленность прозябания в тылу. Они были созданы для войны и, наверное, были бы рады, чтобы она длилась вечно, как в романе Оруэлла «1984». Бороться с ними было бессмысленно, и проще было дать им получить осложнение, чтобы им стало понятно, что перспектива умереть от раны или потерять конечность хуже перспективы ничего не делать какое-то время. «Это у них что-то психическое...» – подумал я, глядя, как победивший меня и судьбу Пилламб выходит из кабинета.

Количество штурмовых групп с каждой неделей увеличивалось, и к середине января стало ясно, что нам нужно больше обученных основам оказания помощи санинструкторов. В пятиэтажке мы организовали школу, в которой обучались бойцы из штурмовых групп. Между штурмами мы выдергивали сюда по одному человеку и обучали их оказанию первой медицинской помощи. Часть из них училась на медиков еще раньше, а часть почти ничего не знала. Докток и я объясняли им азы оказания помощи, учили пользоваться медициной и как мотать людей.

Сюда же мы подтягивали группы эвакуации, которым доверялись медикаменты, чтобы они могли работать на месте; обучали их, чем и как пользоваться в случае разных ранений. На это потребовалось какое-то время, но в результате мы смогли наладить эту работу. Каждому из них я собирал небольшие сумки с необходимыми перевязочными материалами и медицинской, которые они забирали с собой на штурм. Они получили от нас четкие указания – оставлять себе какую-то часть трофейных медикаментов, а львиную долю отправлять нам, что, к нашей радости, выполнялось хорошо. Обучаясь в школе, они понимали, что без их помощи мы можем потерять кого-то из бойцов, и эта осознанность не позволяла им забирать все трофеи себе. Я сколотил полочки под медикаменты в нашей комнате и оборудовал полноценный склад медицины. Если боец на самом передке заболел – геморрой вылез, еще что-то – мне просто сообщалось, что необходимо, и медикаменты уходили в нужном направлении.

В итоге нам удалось сковырнуть Доктока и перебраться еще ближе к школе и двухэтажкам, за которые шли бои. Нас перевели на четырехэтажку, где командиром был Стахан. С нашей стороны в ней была пробита стена со входом на первый этаж и в подвал, где мы и расположились. Оборудовали кабинет, поставили холодильник и печку «сирийку», чтобы было тепло работать. Настоящий вход в подвал был со стороны школы и простреливался украинцами. К

тому же группы, которые брали четырехэтажку, заминировали ту часть подвала, поэтому туда мы и не совались. Тут же рядом с нами была база групп эвакуации и большой склад медикаментов, которые я перенес вместе с полочками сюда.

Наши группы стали продвигаться справа от школы по частнику и штурмовать двухэтажки. Пошел большой поток раненых. Мы с Доктоком едва успевали их принимать и обрабатывать.

Этот день тоже начался с нескольких трехсотых, которых притащили из школы. Сначала принесли тяжелого, у него было несколько пулевых ранений в живот. Я обработал его и, подколол кровоостанавливающее, поставил капельницу. Он, как большинство тяжелых, молчал и периодически смотрел мне в глаза, ища в них ответа, но я не знал того, что его волновало, и, естественно, всячески старался поддержать его улыбкой. Так в полной тишине я закончил перевязку.

– У тебя есть все шансы выжить, – напоследок сказал я и увидел в его глазах надежду и благодарность.

Влив в него литр кровезаменителя, я передал бойца другой группе эвакуации, которая потащила его в тыл. После него пошел непрерывный поток раненых, и я по привычке вошел в режим медицинского робота, который принимал раненого, бегло оценивал его состояние, принимал решение, что делать, и почти автоматически оказывал помощь. Поток с двух направлений был непрерывным.

– Давай следующего, – скомандовал я бойцам, и они занесли в комнату еще одного орущего бойца.

– Ааа! – орал он. – Больно! Очень больно!

– Братик, нормально все будет, успокойся. Сейчас тебя подлатаем! – спокойно сказал я, щелкнув пальцами у его лица.

– Да! – выдохнул он и успокоился.

Я удивился такой реакции, увидев, как расслабились его мышцы. Все дальнейшие манипуляции я проделывал в полной тишине, время от времени поглядывая, не отключился ли он.

– Не переживай. Все с тобой нормально будет, – решил я поддержать его.

– Я знаю, – спокойно ответил он.

– Откуда?

– Так я же уже не первый раз триста. Я тебя узнал. Я к тебе уже третий раз попадаю!

– Вот и отлично.

– Прошлый раз ты мне осколок вытащил и все так замотал, что в госпитале сказали: «Зря разматывали. Тут все идеально». И вообще сказали: «С ранеными из РВ хлопот меньше». Так что, я как тебя узнал, понял, что мне повезло.

Мы продолжали работать в подвале четырехэтажки, а наверху наши ребята помогали огнем штурмовикам. Отсюда двигались и наши штурмовые группы, и группы эвакуации. Наш дом стал большой перевалочной базой, через которую шло снабжение и пути в обе стороны.

14. Парижан. 1.8. Последние двухэтажки

Немного освоившись, мы все вместе стали обустраиваться в своей двухэтажке и расчищать ее с северной стороны. Основная точка обороны хохлов с севера находилась от нас в восьмидесяти метрах и была обозначена на карте «К-1». Это был хорошо сложенный коттедж с толстыми стенами, возле которого они и копошились. За коттеджем находился частник и Артемовское шоссе, а за ним заправка «Параллель», возле которой рубилась трешка. Мы сделали пулеметные гнезда для Глуми на севере и северо-западе, чтобы он мог менять позиции, и основательно забаррикадировали западную сторону, выходящую в сторону заправки. Я назначил Множителя отвечать за это направление, и он контролировал частично разрушенные гаражи, в которых, как мы предполагали, могли быть точки наблюдения хохлов, и частный сектор с коттеджем. Между гаражами были вырыты окопы, в которых находились шмурдяки укропов, но мы пока не могли их забрать, как и тело Альдерги.

Впереди нас, торцом к нашему дому, стояла следующая двушка, занятая группой Вивата. Там на фишке был Юра Сыч, а южную сторону контролировал Фаберже, пока его не оттянули в тыл по ранению. Бойцов было мало, и я попросил у Сапалера подкрепления. Единственной существенной опасностью для нас был второй этаж, который горел и мог обвалиться. Плиты сверху просели, и мы старались не находиться в зале.

Периодически я вспоминал Никитоса и размышлял, мог ли я спасти его или не подвергать опасности. Но всякий раз приходил к заключению, что погиб он из-за своей оплошности, забыв закинуть в пролом гранаты.

Мы договорились с Иваном, что он оттянет нас на пару дней, чтобы мы могли выспаться после штурма и отдохнуть. В ожидании отдыха первые сутки я просто контролировал наши фишки и думал, что еще можно улучшить на позиции. Собрал в одно место все имеющиеся БК, трофеи и немного расслабился. Среди трофеев были прикольные польские трубы, с которыми мы еще не работали, и я решил при первой удобной возможности опробовать их в деле.

Было непривычно находиться в роли командира группы, но я понимал, что заслужил это право своей инициативой и способностью быстро принимать решения в бою. Было жаль, что Крепленный что-то не поделил с Сапалером и был отправлен к Гонгу на разборки, да там и остался.

– Пацаны, на днях отдохнем. Нужно крепануться и не спать крепко еще денек, – поддерживал я бойцов в первую ночь.

– Да не ссы. Все хорошо, – кивали мне Множитель и Глуми. – Домик крепкий.

– В общем так, – решил я, – если увидите любое движение, сразу стреляйте! Я не боюсь, что наши позиции спалят, нам лучше гасить всех, чтобы к нам не лезли.

– Без базара!

Я разобрал рюкзак и перебрал свои вещи, которые всегда держал под рукой. Тут был набор футболок, я их часто менял, чтобы не ходить в мокрых от пота вещах и не заболеть, как Иван. Тут были легкие кроссовки, чтобы ноги могли отдыхать от теплых трофейных ботинок. Хотя ботинки тоже были легкими и со стальными пластинами от противопехотных лепестков, но нога в них быстро становилась мокрой, и приходилось менять носки. Для меня самым важным было держать ноги и тело в тепле и сухости, и я тщательно следил за этим.

Мы стащили к себе все ковры и одеяла, которые нашли, и обшили ими стены, чтобы максимально погасить тепловой след и утеплить помещение. Выбрав для себя ванную, которая была максимально безопасным местом, я устроил там штаб.

Утром пришел Иван и внимательно осмотрел нашу позицию, пройдя по всему этажу.

– Ты теперь самостоятельный командир, Парижан. Можешь делать тут все, как хочешь, – глядя на меня своим проникновенным взглядом начал Сапалер. – Но тут лучше сразу вырыть блиндажи, чтобы вам было где прятаться.

– Можно, конечно, но мы тыловая позиция и, уверен, долго тут не застрянем. Главное, что север и северо-запад укрепили.

– Смотри сам... – отстраненно заметил он. – В общем, давайте, на пару дней в тыл, а там видно будет.

На нашу позицию завели зеленых из 106-ой дивизии ВДВ, а мы оттянулись на ДК и там перемешались с основной группой десантников под командованием Капрала. Им, как обычно, было интересно узнать события минувшего штурма, и за ночь мы по очереди пересказывали их несколько раз. Каждый из нас делал это по-своему, и мне казалось, что они говорят о других штурмах, в которых я не участвовал. Рассказывая о событиях, каждый выделял свою часть и делал ее основной, поэтому создавалось впечатление, что все были командирами и практически в одно лицо захватили двушку. Ребята с удовольствием слушали наши байки и были рады, что мы живы и здоровы. Все угощали нас ништяками и обнимали как ближайших родственников. Так, за шутками и рассказами, на расслабоне попивая кофе и угощая всех трофеями, мы просидели всю ночь. Больше всех из десантников я сблизился с Пашей, который был командиром одной из их групп.

– Паша... Хочу сделать тебе подарок, – начал я, заметив, как он смотрит на мой трофейный нож. – Ножи просто так не дарят. Дай хоть рубль или какую-то другую херню.

– Хорошо! – обрадовался он и принес банку тушенки и две шоколадки. – Держи!

Мне было приятно сделать ему подарок. Паша был бодрый и веселый и очень переживал, что его не пускают воевать, что он постоянно сидит на закрепе в тылу.

– Ты завалил хоть кого-то?

– Попал по одному. Весь рожок ему по ногам выпустил. А одного убил этим самым ножом.

– Да ладно?! – достал он нож и, держа его как меч короля Артура, переспросил. – Прямо им?

– Да. Так что нож у тебя непростой.

– Братан! – крепко пожал он мне руку. – Теперь буду беречь его, как... Как самурай катану! Это очень дорогой подарок. Спасибо!

Сутки мы спали, а остаток нашего двухдневного отдыха провели в беседах, воспоминаниях о тех, кто был двести и триста, и разговорах о бытовых мелочах, оружии; делились новостями и слухами.

С одной стороны, мне было тут спокойно, с другой – очень хотелось вернуться с моей группой назад, чтобы побыть командиром и повоевать.

– Давай, я тебе Око дам? Он давно воюет и опытный, – предложил Сапалер.

– Вань, дай мне лучше Вилладжа. Он мой близкий, а Око пусть уже тут у вас.

– Да Вилладж еле ходит. У него же ноги перебиты.

– Пройдут. Просто опухли. Я с ним говорил. Он согласен.

– Хорошо. Давай так, – согласился Сапалер, понимая, что значат для нас, зеков, семейники из одного лагеря. – И Сальника с Труе.

Следующие семь дней мы наводили порядок и продолжали укреплять нашу двухэтажную Брестскую крепость. Воспринимая этот полуразрушенный дом как свое новое пристанище, мы убрали все, что нам мешало жить и облагородили все пригодные помещения. Все сплошь застелили коврами и одеялами и даже на бойницы сделали пологи. Вилладж очень хорошо мыслит технически и сделал нам из газовых печек обыкновенные буржуйки, которые давали достаточно тепла для приготовления пищи и просушки вещей.

Мы заминировали подходы с северной стороны и очистили проходы в сторону Вивата и на юг, к Сапалеру. Несмотря на то, что двушка Балора стояла в двадцати метрах от нас и мы могли легко перекрикиваться с ребятами через окна, перебегать к ним было так же опасно, как и раньше. Снайпера не дремали и могли в любой момент снять любого из нас. Они старались стрелять даже рикошетом, целясь под углом в стену бойницы. Поэтому, чтобы попасть к Балору, приходилось проделывать путь через позиции на ДК и торговом центре.

На следующий день мы с Вилладжем стали разбираться с польскими трубами, пытаясь по картинкам на них понять, что с ними делать и насколько они опасны. Когда мы стали прикрывать группу под командованием Эпика, которую послали с двушки Вивата штурмовать коттедж, мы решили попробовать их в деле.

– Ну что? Стрельнешь? – спросил я у Вилли.

– Давай попробую. А куда лучше?

– В посадку, по хохлятским блиндажам, откуда по пацанам стреляют, или по частнику, где коттедж.

Мы забрались с ним на второй этаж, и, как только штурмовая группа заняла позицию для броска, я первым выстрелил из РПГ и выбежал из квартиры в подъезд, зная, что польский гранатомет дает мощную реактивную струю.

– Давай польскую! – заорал я Вилладжу, оглохнув от своего выстрела.

В глубине квартиры раздался оглушительный взрыв, взрывной волной в коридор вынесло огромное количество мусора и пыли. Железная дверь с шумом распахнулась и звонко впечаталась в бетонную стену. Из этого мусорного тумана появился обалдевший Вилладж с покрасневшей щекой.

– Бля, братан... Что это было? – спросил я.

– Труба польская. Там выхлоп просто снес всю стенку сзади. Гипсокартон просто снесло. А дом, в который стрелял, сложилось! Это просто адская труба!

– А со щекой у тебя что?

– Обожгло. Нагревается сильно. Я как выстрелил, просто на жопу сел от отдачи! Где вторая труба? – тут же спросил Вилли и протянул руку.

Забрав у меня вторую трубу, он забежал обратно в квартиру и произвел еще один выстрел. На этот раз отдачей ему повредило кисть, потому что он забыл согнуть в локте руку при выстреле.

– Теперь ты в трех местах поврежден, – подшутил я над ним.

– Да пофиг! Главное, пацаны в коттедж заскочили.

Коттедж оказался пустым и удобным для обороны. Группа Эпика быстро закрепилась в нем, и мы теперь могли выйти на мародерку в близлежащие гаражи и забрать тело Альдерги.

Весь частник был перекопан окопами. В тех, что были за гаражами, мы нашли много рюкзаков, БК и пайков, брошенных укропами. В одном из подвалов у самых гаражей нашли два огромных бака с солярой, один из которых отдали пацанам в Стахановскую четырехэтажку, а второй оставили себе.

На войне вступают в силу другие законы – законы выживания и жесткой необходимости. Если ты не залезешь в этот сарай первым, туда ползет кто-то другой и заберет все, что помогло бы тебе выжить. Война, она, конечно, и про честь с доблестью, но когда на улице минус, а горячее и все остальное тащить далеко, да и небезопасно, то захваченная добыча может спасти жизнь. «На мой взгляд все было логично и укладывалось в причинно-следственную связь. Если я захватил этот дом, то все, что поможет мне воевать и двигаться дальше, включая святое – трофеи противника, – это уже не мародерка, а ресурс, – размышлял я, осматривая гаражи вместе с Мавериком. – Вместо того чтобы тащить группам эвакуации все это на передок, подвергая себя смертельному риску, я беру это здесь. Там, где это уже никому не нужно и никому не пригодится. Я не граблю – я перебираю останки чужой жизни, чтобы из них собрать себе еще

один день. Когда вокруг все развалено, уже нет понятий «свое-чужое», а есть только «нужное и ненужное», – продолжал размышлять я, уговаривая себя в необходимости своих действий.

В одном из гаражей я нашел практически целый мотоблок, при помощи которого можно было подвозить к передку БК, эвакуировать трехсотых и погибших. Пацаны из группы эвакуации поблагодарили меня и утащили его на пятиэтажку к Обиде.

Насобирав разных железных деталей, мы с Вилли стали экспериментировать с морковками, к которым привязывали скотчем саморезы, болты, ложки, гайки и другой мелкий железный лом. Сделав десяток таких усиленных морковок, я обычно забирался на второй этаж и одну за другой выстреливал их в сторону окопов противника на северо-западе или долбил хохлов во рву за заправкой. За неделю, что простояли на своей двухэтажке, мы с пацанами облазили все гаражи и нашли там кучу всего, что могло нам пригодиться.

Перед захваченными нами домами в Опытном оставалось несколько зданий, в которых еще сидели хохлы, и вся подпитка их прижатого к открытке подразделения шла через частник. Я иногда видел, как в сумерках и темноте мелькали фонари, и стал вычислять время и день ротации противника. Я сидел и пас передвижение их групп эвакуации и подноса в свою слабую «Фортуна» и ждал прихода Вивата и Юнайтина, с которыми нам нужно было идти к Абреку на совещание командиров. Мне было прикольно чувствовать себя старшим и решать серьезные вопросы. Все было как на лагере, когда я участвовал в движухе, но тут сама цель движухи была важнее и глобальнее. Там мы боролись против власти за свое выживание, а тут мы боролись за выживание себя и своей страны.

– Парижан! – окликнул меня Вилладж, стоявший на фишке. – Смотри, вон там... Фонари мелькают. Хохлы, видимо, к углу своих домов ползут.

– Ротация? Или просто подвоз?

– Не знаю, но там их человек восемь точно есть.

Я вышел на Наркомана, который руководил артой, и на Резиду с Блекмилком, сидевших на АГС, и навел их на эту группу.

– Давай, пока они не свалили! – торопил я их.

– Не ссы, Париж! Все будет чики-пуки!

Наркоман не подвел. Сначала прилетело достаточно точно три пристрелочных, а после коррекции он накрыл всю группу тяжеляком, убив и покалечив большую часть группы подвоза. После залпа у хохлов стали взрываться ящики с БК.

– Отлично положили! – радостно кричал я в трубку. – Вторичная детонация началась. Пока курим. Ждем, когда к ним эвакуацию пришлют, вытаскивать их.

– Жестокий ты, Парижан, – включился в наши переговоры Флир.

– Я не жестокий. Просто война. Тут правила другие. Они бы нас тоже хер пожалели.

Как только Вилладж и я заметили мелькающие в темноте фонари и тепловые сигналы в ночнике, я тут же оповестил всех, и ребята накидали им туда еще из крупного калибра и АГС. По одной из групп стал стрелять Изер и довольно успешно убил нескольких вэсэушников. Потеряв еще одну группу эвакуации, хохлы стали очень осторожными и больше никого не присылали.

Пока я координировал эту движуху, ко мне пришли пацаны, и мы вместе выдвинулись дальше, на совещание командиров групп, которое устроили Абрек с Флиром.

– Короче, план такой, – начал Флир, – первыми заходят косячники из ДРГ. Как только они занимают точку, подтягиваешься ты, – кивнул Флир в сторону Литагора, у того была своя особая группа, которую он отдельно тренировал в Клиновом. – У косячников не будет рации, поэтому договорись с ними о каком-то знаке.

– Хорошо, – кивнул Литагор.

– То есть зачищаем все дома на этом пятаке до талого? – встрял Виват.

– Именно. Наша задача выбить оттуда всех хохлов до единого. Чтобы оттуда уже штурмовать частник справа и вот эти большие дома «Ешки».

– А где у нас Парижан? – громко крикнул Флир, и я от неожиданности напрягся и стал лихорадочно думать: «Где я накосячил, и кто на меня пожаловался?»

– Вот! Посмотрите на героя! Сегодня, судя по перехватам, обнаружил и навел на хохлов тяжеляков, и в результате хохлы потеряли около двадцати человек. Молодец, Парижан! – сжал он мне мою руку. – Держи. «Книжка» тебе новая, трофейная! Со всеми координатами и нанесенными туда окопами и минными заграждениями.

– Спасибо, – выдавил я из себя.

– Ты, Парижан, идешь на 11-ю позицию к Маркьяту, а как только заберут 14-ю позицию, зайдешь туда следом за группой Литатора и там закрепиться. Это будет твоей позицией после того, как Литатор оттянется на ротацию.

На следующее утро группа ДРГ под командованием Шумихи, в которую отправляли бойцов, нарушивших кодекс компании, пошла вперед, чтобы искупить свою вину. Вместе с группами Литатора и Маверика они один за другим заняли все дома в этой части Опытного. Только в одном доме им оказали вялое сопротивление, а остальные дома оказались покинутыми. Вэзэшники не стали дожидаться, когда их окончательно отрежут от Бахмута, и заблаговременно ночью оттянулись назад. Единственным, кто погиб в этой операции, был хороший боец Танай. Снайпер попал ему в шею, когда он с группой передвигался между домами.

Пять домов, занятые нами, стояли торцами к Бахмуту, строго с юга на север, а два дома своими боковыми сторонами смотрели на частник и позиции украинцев на западе. Перед нами с севера открывалось огромное пустое пространство, за которым возвышалось несколько многоэтажек. Справа начинался бесконечный частник, который тянулся до дамбы и уходил за горизонт в самом Бахмуте.

После совещания мы немного пообщались с Юнайтином и Виватом и разошлись по своим позициям.

– Привет, Саня! – услышал я знакомый голос. – Как вы тут? – по-братски обнял меня Крепленный.

– Привет, брат! – обрадовался я ему, надеясь, что он мне поможет наладить контакт со своими семейниками по лагерю, с которыми у меня были напряженные отношения. Сальник и Труе, которые брали Иванград вместе с Гонгом, считая себя ветеранами, частенько препирались со мной и грозились пожаловаться Гонгу, что я не соответствую званию командира группы. – Ты куда тогда пропал?

– Бля! Меня тут кидали туда-сюда. И, главное, я не в тыл прошусь, а мне палки в колеса втыкают.

– Так что было-то?

– Пришел я к Сапалеру и давай предлагать им заштурмить этот коттедж. Который вот был у нас под окнами. Ну-у очень мне хотелось попасть туда, – стал эмоционально рассказывать Крепленный суть рабса с Сапалером. – Гонг, значит, дает добро, а Сапалер давай свои пять копеек вставлять. Ну... Ты меня знаешь?

– Знаю, – подтвердил я.

– Если со мной по-людски, то и я по-людски, а если нет, то я тоже могу бычку врубить! – развел он руками. – Короче! Конкретно я зарамсил там с ним. Стал автоматом целить... Он меня к Гонгу отправил.

– И что батя?

– Да что? Выслушал... Все понял, что я просто горячий. Неделю я у него там остывал... Он же меня знает, что я не балабол, не пятисотый. Я воевать хочу. А потом к Тельнику на школу отправил, – опять развел он руками. – Сижу там в подвале, никуда не посылают. Скукотища полная, братан.

– Понимаю, – улыбнулся я. – Мне самому не в масть булки мять.

– И вот узнаю, что вы тут уже впереди. Сальник, Труе! Коля и Вован! Мы же семейники. С одного лагеря краснодарского! – эмоционально продолжил Крепленный. – Говорю этому Тельнику: «Давай, отправляй меня до парней. Там мои пацаны, я вместе с ними воевал, буду с ними двигаться. Я на передний край хочу». Он начинает моросить. Тоже свою командирскую херню пропихивать. Кашник, чтоб ты понимал, а пытается со мной рамсить. Я тоже начинаю качели устраивать! За словом в карман не лезу, не молчу. Некоторые хавают херню всякую... Я никогда не хаваю! – отрезал Крепленный. – Всегда высказываю.

– И как решился рамс? – стало мне интересно, как Крепленный с таким характером выкруживает свое.

– В итоге, приходит старший направления с моей зоны. Флир! Тельник ему и говорит: «Так и так. У меня, типа, парень терпилит. Выбывается и не хочет у меня на позиции сидеть». Я Флиру и объясняю: «Слушай, братец, ты меня знаешь... Что по зоне, что на войне, у меня никаких косяков нет. Зачем мне тут сидеть, когда я воевать на передке хочу? Отправляй меня к Парижану на позицию!» Ну и Флир-то меня знает. Отправил: «Базара нет, Саня. Иди, конечно», – он замолчал на секунду и продолжил, перепрыгнув на другую тему: – А вы что тут?

– Выдвигаться сейчас будем. Подматываем шмотки. Так что, давай, включайся. Нас на 14-ю позицию, на первую линию, перебрасывают. Там дом такой, торцом к Бахмуту стоит.

– Значит, пока меня не было десять дней, наш дом из передового превратился в глубокий тыл... Ясно.

Мы собрали все свои БК и вещи и стали передвигаться вперед через позицию Юнайтина, где я встретился со своим другом Мишей Фрюмером.

– Привет, Дикий! – обрадовался он мне, окликнув меня по зоновскому погонялу. – Рад, что ты жив.

– Привет, Мишаня! – затопила меня волна радости от того, что я встретил одного из немногих оставшихся в живых приятелей по прошлой жизни.

Он пригласил меня попить кофе и поделиться новостями, и мы с ним посидели и повспоминали старые времена, которые отсюда, из этой полуразобранной двухэтажки, казались очень далекими и черно-белыми, как старые пожелтевшие фотографии. Время на войне приобрело новые свойства и было напрямую завязано на эмоциях. То, что сопровождалось сильными переживаниями, приятными или нет, тут же запоминалось и вытесняло то, что было обыденным и скучным. Мозг фиксировал и запоминал в цветной барельефной картине те эпизоды, которые были сопряжены со смертельной опасностью, а то, что не грозило выживанию, уходило на второй план или отправлялось в совсем дальний уголок памяти. Интенсивность переживаний за очень короткий период сжимала время и делала его густым и физически осязаемым. Из-за перенасыщенности моментами, которые несли угрозу жизни, из-за событий, связанных с ежедневными потерями, ранениями и необходимостью рисковать жизнью, время сжималось в тугую пружину. Если мы когда-то садились разговаривать о происходящем, это грозило расправиться с нами и разорвать нахлынувшими эмоциями. Именно поэтому общение с Мишей было о прошлом, когда жизнь была неспешной и шла по размеренному лагерному распорядку.

– Парижан – Флиру? Ты где застрял? Тебя ждут на 14-й позиции.

– В процессе продвижения! – быстро ответил я. – Идем через Юнайтина. Тормознулись немного, пока арта хохлячья работает.

Мы добежали до позиции Маркьята, которая находилась в соседнем доме, и я выглянул из подъезда. Напротив, в подъезде того дома, который был нам нужен, стоял боец из группы Литагора и махал нам рукой.

– Парижан, давай! Перебегайте сюда.

– Арта работает, – заорал я ему в ответ. – Куда тут перебегать? Погоди немного.

Не успел я закончить фразу, как в его дом прилетело что-то большое и мощное и снесло фасад на подъезде, засыпав вход в подвал и подъезд, в который мы должны были забежать. Следом прилетел еще один снаряд, но не разорвался, залетев вглубь дома на уровне второго этажа.

– Танк, похоже, – крикнул мне в ухо Множитель. – У них снаряды натовские бракованные. Часто не разрываются.

– И слава Богу! – перекрестился Вазуза. – Если бы они все у них взрывались, уже бы половины в живых не было.

Мы выждали еще пять минут и по три человека перебежали в наш новый домик. В подъезде оказывали помощь бойцу, махавшему нам рукой, посеченному вторичкой в лицо и руки.

– Что с ним? – спросил я Литагора, который встречал меня.

– Херня. Мелкие осколочные, – махнул он рукой. – Короче... Дом зачищен. Внизу есть небольшой подвал. С улицы заходить в подъезды нет смысла, по дому двигайтесь. Потому что снайпера работают.

– Хорошо, брат, – пожал я ему руку, и Литагор со своими ушел туда, откуда пришли мы.

Я вышел на связь с Флиром, доложил о перегруппировке и получил подтверждение о необходимости быстро подготовить позицию для обороны. И хотя с момента нашего захода в Иванград и Опытное хохлы не предпринимали никаких крупных наступательных действий, мы всегда были готовы к их контратакам на захваченные позиции.

15. Констебль. 1.0. Переезд в пятиэтажку

По договоренности с замком РВ Гонгом, мы должны были переехать из крайне ненадежных блиндажей в поле в подвал большой пятиэтажки, стоявшей недалеко от стелы «Бахмут». Я взял с собой Баса, и мы пошли знакомиться с помещением и соседями, которые там обитали с самого начала штурма Опытного. Нас встретил старый знакомый по ангарам Ван Дамм, который тоже переехал сюда со своей хозбандой.

– Привет, братва. Есть хотите? – радушно стал предлагать он разные ништяки.

– Не откажемся, – ответил я и посмотрел на суровое лицо Баса, который недолюбливал Ван Дамма. – Да, Серега?

– Угу...

Мы быстро перекусили и пошли осматривать крыло, которое нам выделили под проживание.

– Давайте я вам все покажу, – предложил Ван Дамм.

– Да мы сами, – ответил Бас. – Я тут уже все видел. Покажу, что нужно.

– Спасибо за еду, – кивнул я Ван Дамму. – Я, если что, к тебе еще подойду.

– Я с Обидой говорил, тут у них и медики сидели, и эвакуация, – сразу стал показывать мне помещение Бас.

Мы с ним прикинули, кто и где будет располагаться и как лучше разместить наше хозяйство. Мне ничего не пришлось придумывать, потому что Серега уже давно все наметил, уже собрал все на ангарах, как я понял, и был готов к переезду хоть сейчас.

– Добро, – осталось только согласиться мне. – Переезжаем.

За несколько дней мы перебрались в подвал пятиэтажки и зажили привычной жизнью, которая сложилась еще на ангарах. В общении с РВ не возникало никаких проблем, было ощущение, что мы давние соседи по лестничной клетке или односельчане, живущие через забор в частном секторе. Взаимодействие было налажено давно, началось оно, когда я сидел в Клиновом у связистов РВ и слушал по рации, как они штурмуют здание торгового центра.

Тогда я был растерян и даже напуган предстоящими боями и своей новой должностью командира. Я не знал обстановки, не понимал, в каких условиях мы будем воевать, и как в реальном бою поведут себя кашники, которых мне предстояло возглавить. Я надеялся, что полученные в лагере подготовки навыки и костяк, который мне удалось сколотить, сыграют свою роль, но одно дело игра в войну, а другое – реальный бой с его взрывами, смертями и всем тем, о чем я пока не имел никакого представления. Сидя в узле связи и слушая переговоры Абрека с Гонгом и другими группами, я чувствовал себя маленьким неуверенным мальчиком, который пришел к взрослым дядям, хотя многие из них были младше меня. Из-за тревоги и адреналина, который распирает меня изнутри, самое лучшее, что я мог делать в тот момент, это молча слушать и запоминать, как ведется работа в современной войне.

Дальше наше подразделение передали двум хорошо экипированным проводникам, которые повели нас ближе к передку. Для меня они были такие же «дядьки», которых я слушал и выполнял их команды. Они довели нас до позиции «Шкера» и передали двум другим проводникам, с которыми мы попали под первый обстрел минометами и ВОГаи, сброшенными с птичек... Я был сильно дезориентирован, и только благодаря слаженности и быстрым действиям, мы не понесли никаких потерь. Потом был заход на позиции, мощный накат со стороны украинцев и обстрел из танка, в результате чего выбыло пятьдесят процентов моей группы. Именно тогда стали складываться первые пазлы того, как нужно воевать и на что обращать внимание. Появилась структура, и начался процесс внутреннего взросления в условиях боевых действий. Неуверенность сменилась пониманием и надеждой, что мы не хуже соседей справляемся с боевой задачей. Во многом мне помог здоровый похуизм, который дал возможность

немного расслабиться и отпустить тотальный контроль, который рождал сильное напряжение. «Как будет, так будет! Делай, что должен, а Бог вывезет!» – думал я в то время. И эта внутренняя стратегия сработала.

В то время, когда я знакомился с РВшниками на ангарах и представлялся командиром третьего взвода, я еще чувствовал себя недостойным такого высокого звания самозванцем. Но, общаясь с ними, я понял, что они такие же, как я, ребята, которые находятся в равных со мной условиях, так же учатся и рождаются, как командиры в бою. Мне стало немного легче, но ощущение нашего неравенства по опыту еще сохранялось. На ангарах я познакомился с Ван Даммом, матерым, разбитным, говорящим на фене кашником, и молодым пацаном Флиром. Флир был в трофейной экипировке, добытой им в бою, и с навороченным автоматом, обвешанным модными приспособлениями. Рядом с ним у меня возникло такое же чувство несостоятельности, какое у меня было в четырнадцать лет, когда мне довелось тренироваться в одном зале с юношеской сборной по борьбе.

– Привет! Я Флир, зам Абрека.

– Констебль. Командир передка третьего взвода, – с достоинством кивнул я.

– Как у вас дела? – как к давнему знакомому, попросту обратился ко мне Флир.

– Воюем потихоньку, – осторожно ответил я.

– Ништяк! – улыбнулся он. – Мы тоже воюем. Ладно, у меня тут дела. Рад знакомству, – протянул он мне руку.

– Взаимно, – пожал я ее.

Тогда я все время сравнивал их и нас. И мне казалось, что у них, в отличие от нас, все классно налажено и идет легко и непринужденно. Их командир Гонг постоянно поддерживал их и относился к ним по-отечески, в отличие от стиля командования, существовавшего в нашем взводе. Наш командир поддерживал нас в исключительных случаях, больше я слышал от него жесткие подбадривания и солдатские приказы. Мне казалось, что мое внутреннее напряжение вылезает наружу, и я создаю впечатление напряженного и напуганного человека, пытающегося из всех сил сохранить маску уверенности на лице.

После у нас пошли первые победы, благодаря им и тому, что вокруг стал образовываться костяк из пацанов, на которых можно положиться, уверенности в нас и в самом себе у меня стало больше. Наш командир взвода дал команду взаимодействовать с командиром ближайшего к нам укрепления разведчиков. Так я познакомился с Иваном Сапалером.

– Привет! – поприветствовал меня высокий боец с рыжей бородой в обычном российском бронежилете без каких-либо трофейных наворотов. – Я Сапалер. Гонг сказал, чтобы я через вас заходил на точку.

– Привет! Давай попробуем. Что от нас нужно?

Общение между нами сложилось сразу. Изначально я встретил его по одежке и подумал, что он просто рядовой командир штурмовой группы, но, пообщавшись, я почувствовал, что Иван умный и думающий человек, с которым будет легко и просто взаимодействовать. Он был простым и, внимательно выслушав мои идеи, поделился своими мыслями без лишних понтов, что для меня всегда было ценно в личном контакте с человеком.

– Думаю, вам лучше на рассвете заходить, когда тепловизоры не работают, – предложил я свой план, – а мы вас отсюда поддержим огнем.

– Да. Я тоже так думал сделать. Сейчас группу пришлю, которая заходить будет. Пусть у вас посидят денек и осмотрятся.

– Хорошо. Я своего зама попрошу их сориентировать.

В общении с Иваном я впервые ощутил, что разговариваю с командиром РВ на равных, и у меня исчезла эта внутренняя неуверенность в своих силах и наших возможностях. После его ухода я понял, что перестал себя чувствовать молодым лейтенантом из советского фильма «Аты-баты, шли солдаты...», что закалился и возмужал в боях первых месяцев. В дальнейшем

мы с ним периодически пересекались, и всякий раз это общение давало мне поддержку и энергию. Иван был для меня той отдушиной, которая наполняла меня интеллектуально и духовно. И хотя его манера говорить медленно и витиевато иногда утомляла меня, привыкшего думать и говорить быстро и конкретно, но всякий раз, вступая с ним в диалог, я получал истинное умственное удовольствие от наших тем, выходявших за рамки обычных разговоров.

С тех пор, как мы переехали с нашим хозяйством в подвал пятиэтажки, мы с Иваном стали видаться чаще. Он был прикомандирован к группе министерских спэшлов, с которыми передвигался по передку, имея возможность в дни отдыха забежать к нам попить кофе и поговорить о разном. В первую очередь, мы, конечно, обменивались военной информацией и делились друг с другом успехами и неудачами подразделений в боевых действиях, параллельно проговаривая свои переживания и идеи. Общение с Сапалером всегда имело для меня лечебный эффект, и мысленно я сравнивал это с психотерапевтической работой. Как и на терапевтической группе, мы делились радостями и наболевшим и получали друг от друга обратную связь в виде размышлений и переживаний.

– Я своим бойцам все время говорю: «Нечего делать – копай! Делай что-то! Но, лучше, копай! И тебе полезно, и другим окопы пригодятся», – уверенно и твердо делился я с ним своими идеями.

– Нас тоже после первого лагеря перевезли в другое место, чтобы мы копали оборонительные сооружения, – стал рассказывать Сапалер про свои догадки по поводу земляных работ. – Я тогда еще подумал: «Наверное, такой большой поток народу, что нас нужно куда-то девать, и чтобы мы без дела не занимались ерундой, нам дали такую работу». Сейчас-то я понимаю, что, возможно, нас готовили в поле воевать. Учили грамотно окапываться, строить правильно линии обороны.

– Я думаю, что вы должны были и по полям идти. Если бы нас к вам не прислали, то сейчас на моем месте был бы ты, – улыбнулся я.

– А еще думал, что как просто в армии: лишь бы человек чем-то был занят. Но когда к нам приехал какой-то дядечка очень конкретный и стал рассказывать, как должны быть выкопаны окопы, почему так, для чего это – все объяснял досконально – я тогда понял, что какая-то херня происходит. Вроде на освобожденной территории, армия наступает... Какая может быть оборона? Но мы копали. Более того, у нас было распоряжение: эти позиции, которые мы выкопали, не оставлять. То есть там все время должны были находиться люди.

– Так никто не знал наверняка, поперет «Вагнер» или не потянет. Тем более с зеками.

– Возможно... Мы с моими пацанами Серегой и Сашкой очень много времени там проводили. И были не против, потому что нужно было въезжать в ситуацию. В принципе, нам без разницы было, где жить – в деревянном, неотапливаемом, без света бараке или в окопе, нормально вырытом. Я считал, что в окопе даже безопаснее. И я ходил, расставлял и проверял фишки. Как-то так получилось, что взял на себя командование, – продолжал рассказывать Иван, и я узнавал в его размышлениях свои мысли.

– Приучали вас к окопной жизни, значит. А мы с непривычки, конечно, хапнули. Вот вас и нужно было по полям пускать, а мы бы по городу, – опять заржал я.

– Да. Мы там провели дней двенадцать. Этот серьезный военный еще пару раз приезжал, поправлял нас и хвалил. В общем, дай мне участок земли, я тебе там могу укреп построить, если нужно, – уверенно сказал он.

– Да ладно. У вас с правой стороны, где Евмар двигается, своих окопов хватает.

– Нас после отвезли в другой лагерь и там уже готовили две недели. Неделю холостили, неделю на полигоне. План обучения был рассчитан на три недели, но через две недели уже стали забирать пацанов. Тогда Попасную брали, по-моему... И я так понимаю, поэтому все сократилось. А мы остались доводить до автоматизма команды: «стрельба сидя», «стрельба стоя», «стрельба лежа», «перевернуться», «развернуться», «зарядить», «разрядить», «переза-

рядить», «ходить», «быстро окапываться». Тут же работа в тройках, – вспоминал Иван, и в его интонации чувствовалась досада, что забрали не их. – Но в основном обращение с БК и оружием. Всю неделю выезжали на полигон. Утром отчаливали, вечером возвращались. Постановка была такая: спать четыре часа, остальное время работать. Даже вечером, уже после темноты, когда нет основных занятий, мы не могли раздеваться и снимать обувь. В общем, отбой был в час. В пять вставали, начиналось опять обучение. Часов в семь-восемь – завтрак. Потом опять обучение. Приучали нас уже к пайкам. Ужинали чем-то наподобие горячей еды. Ну такое, что-то с чем-то.

– Мне проще, с одной стороны, было. Я на полигоне уже командиром был. Но, с другой стороны, ответственность. Как бы кто кого не подстрелил. Один у меня из гранатомета чуть полгруппы не задвухсотил, – вспомнил я случай с Грязнышом.

– У нас тоже была пара инцидентов, когда случайно была стрельба. Это как при массовой высадке десанта. Два процента потерь – это нормально. Соответственно, в такие моменты обучения, когда присутствуют боевые патроны, бывают случаи.

– Интересно! – оживился я. – И что там случилось?

– Первый случай – когда один инструктор что-то объяснял и отдал другому свой автомат. Он у него был не заряжен. И когда ему надо было показать, как заряжать или менять магазин, он попросил автомат обратно, а тот перепутал и отдал ему свой, который был заряжен.

– У ЧВКшников вообще всегда патрон в патроннике! Иначе это не ЧВКшник, – кивнул я.

– Вот он и отдал ему свой автомат. А тот показывает, вдруг – бац, стрельнул. Хорошо, что там все обошлось легко. И второй раз такая же примерно ситуация случилась. Без потерь, но разборки были серьезные. Но их инструкторами быть и не обучали; они бойцы, им нужно передать опыт. Они пришли воевать, а им сказали обучать зеков.

– Ну да. Это как грузчик приходит на работу, а ему говорят: «Иди с посетителями разговаривай!» – поддержал я Сапалера.

– Ну, это мелочи... Мне на полигоне нравилось! Полигон напоминал мне времена армии, где мне было хорошо и понятно. Когда выезжали на полигон, это было здорово! Там работали в тройках. Я, естественно, был с Серегой и Сашкой – с Зибелем и Робинсом. Мы в нашем взводе были самые взрослые: мне уже за сорок пять, Сашке сорок семь, а Серега вообще на десять лет меня старше, – с грустью и теплом вспомнил своих друзей Иван, и мне стало интересно, что с ними сейчас. – Но Серега был невероятно сильный человек. Есть на Руси мужики – вроде не такие, что шкаф накачанный, просто высокий, рослый. Но он был невероятной силы! И духом, и физически. Он такой настоящий русский богатырь. Мы даже когда окопы копали, он за двоих рыл. Когда он был рядом, мне было спокойно. Чуть что, я думал: Серега, Сашка – все здесь, и мне вообще все равно, что там и как.

– Да, – согласился я, – друзья здесь важны. Чтобы и поговорить с кем было, и помолчать, и коня выпить, – сказал я, отхлебывая чай.

– Но эти нюансы, неудобства – пфф! Сиди в тюрьме, если тебе неудобно! Неудобно! Лучше, чем в автозаке, по крайней мере! Чем хорош, например, бронежилет при транспортировке – тебя могут прижать, ужать, как угодно, ты можешь быть, где угодно, но тебя не спрессует дальше бронежилета и каски. Это такие плюсы! Там можно трамбоваться по полной! Вот, в автозаке, допустим, едешь. Могут прижать, и как-то стремно. А здесь пофигу. Просто напихали, как кильку в бочку – поехали! И всем пофигу. Броник тебя сберегает! Каска! Головой не ударишься, ничего не поломаешь. Броники у нас хорошие, каски хорошие.

– Ну, наш броник, конечно, крепкий, но неудобный. Вот на мне хохлячий. Я в нем подвижный и маневренный. В нашем так не побегаешь. И разгрузка удобная.

– А мне нравится мой бронежилет. И оружие у нас одно из самых лучших. Многие меняют наше на более легкое, более подвижное, я этого не делаю ни в коем случае, – с легкой иронией посмотрел он на меня, стараясь тонко подколоть. – Почему? Наш бронежилет выдер-

живает, я видел это собственными глазами на полигоне, два попадания с двухсот пятидесяти метров из снайперской винтовки в одно и то же место! – поднял он вверх указательный палец. – Это невероятный результат! Только со второго выстрела он дал трещину.

Иван выдержал многозначительную театральную паузу и продолжил свою рекламную кампанию:

– Второй момент. У нас есть боковинки, которые защищают бока. Знаю ситуации, когда людей с натовскими бронежилетами просто расплющивало, когда накрывала плита. При бомбежке, или когда танк отработал. А в нашем бронежилете, если не вынимали боковины, выжили. Потому что это – каркас! Поэтому даже не уговаривай, менять не буду.

– Ну а каска? – я взял и с легкостью подбросил в воздух свою безухую каску.

– Каски – да. Каски у нас не очень. Но свою каску я тоже менять не буду. Буду ходить в ней, как чухан. А почему?

– Почему?

– Потому что снайпера кругом у нас. Не знаю, как там у вас, но у нас нужно быть зачуханным и рацию прятать, чтобы никто не понял, что ты командир. Я когда к Гонгу присмотрелся, сразу все понял. Гонг тот еще разведчик...

– Ну, возможно, – нехотя согласился я, понимая, что выгляжу очень привлекательной мишенью для снайпера в своем мажорском натовском обмундировании.

– Это, – похлопал Иван себя обеими руками по броннику, – мое родное! Моя вторая кожа. Я вообще даже не помню, когда первый раз снял бронежилет. А надел я его двадцать первого сентября.

– Я тебя, Иван, услышал и даже частично согласен. Но я люблю комфорт, – с пафосом сказал я и достал длинную коричневую сигарету. – Угощайся, – протянул я ему пачку, – или ты только Беломорканал? Потому что он наш и не вредный?

– Сигаретку возьму, спасибо. А про броник... в натовском удобно и комфортно, базара нет. Но я, как человек верующий, тебе скажу, береженого Бог бережет. Даже малейшая оплошность может иметь в будущем очень серьезные последствия.

– Тут я с тобой тоже соглашусь, Иван. Умный ты человек.

– Просто жизненный опыт. Сначала девяностые, потом тюрьма и строгий, – замолчал он. – У нас учебка была на горе. Населенный пункт немножко ниже. Дорога на полигон шла с горы на гору. И стояла машина. Ее с горы было видно. Если фишку сечешь, по сторонам смотришь, то видно было эту машину. Мы говорили инструкторам: «Нас пасут». Зеки вообще чувствуют, когда пасут. Потому что в зоне тебя все время пасут. Просто надо понимать – кто пасет, как пасет, с какой целью пасет? Это у нас как бы выработано. И когда мы видели машину, было ясно, что неспроста. В итоге, когда мы уехали, там прилетело.

Иван был одним из немногих, с кем я мог быть тут самим собой и вываливать в разговорах все свои переживания, не боясь, что меня потом подтянут за разговоры. Он имел богатый духовный опыт и выполнял для меня роль духовника, которому я мог, как на исповеди, выложить все свои сомнения и переживания по поводу происходящего. Иван умел не только говорить, но и внимательно слушать и, что самое главное, понимать.

16. Абрек. 1.6. Награждение

– Абрек – Гонгу? – взволнованным голосом вышел на меня командир. – Срочно в штаб приезжай! Тебя тут командир отряда срочно к себе вызывает!

– А что случилось-то? Все же вроде охуенно?

– Не знаю, меня в курс командир не поставил.

– Принял... – быстро ответил я, подавляя волнение.

«Что случилось? В чем косяк? – распереживался я, и в голове сразу замелькали картинки, за которые я мог получить нагоняй. – Может, из-за того, что я сказал, что попал под обстрел, упал и сломал руку, хотя на самом деле просто наебнулся с мопеда? – вспомнил я свой самый страшный косяк. Мне было стремно сказать, что я, боевой командир, банально упал, как пацан с мопеда. – Вряд ли... Ладно, разберемся».

Я передал дела Флиру, который и так был в курсе всего происходящего.

– Справитесь тут без меня?

– Справимся, – с улыбкой ответил он. – Команда уже надежная. Командиры толковые. И Стахан, и Тельник, и слева пацаны. Да и Гонг рулит. Что тут может произойти?

– Сильно пацанами не рискуй. Вам Бахмут еще до конца брать. Включай голову, как любит говорить Гонг.

– Так я сам ничего делать не собираюсь.

Мы обнялись, я сел опять на свой мопед, благо, кисть работала и в гипсе, и помчался в Клиновое. Пока я ехал, испытывая волнение и недоумевая, что могло так срочно понадобиться от меня Хозяину, в голове крутились самые драматичные сценарии. Не успел я припарковать мопед, как ко мне подошли несколько человек, судя по внешности из командного состава.

– Абрек?

– Да.

– Я – Хозяин, командир отряда, – протянул он руку.

– Ну и грязный ты, – оглядели они меня с ног до головы. – И вонючий.

– Так... – хотел я сказать что-то в свое оправдание, но командир перебил меня.

– Давай быстрее приводи себя в порядок и выдвигайся. Есть важная миссия! В Ростов поедешь!

– Зачем? – искренне удивился я.

– Нам дали квоту, сказали одного из вагнеров, самого достойного, к госнаграде представить. Сам Министр обороны будет награждать. А ты у нас первый из кашников во всем «Вагнере», кто стал командиром. Ты первый, кто зашел в Опытное. Ты двигался вперед. Мы вышли на Гонга, он сказал, что самый достойный – это Абрек.

– Ну ладно. Когда ехать?

– Сейчас. Вот сопровождающий, – он показал мне на одного из бойцов. – Он из службы безопасности. С тобой поедет. А что с рукой?

– Повредил... – чтобы ничего не объяснять, обтекаемо ответил я.

– Так даже красивее.

– Так у меня нет документов, ничего?

– СБ разберется. Там все как в «Вагнере», по-свойски. Салам на салам.

Я быстро ополоснулся, переоделся в нулевую форму, и через час мы уже мчались в Ростов. По приезде меня и других бойцов, представленных к наградам, поселили в воинской части и разместили по комнатам.

– Располагайся и давай... не подкачай, – с серьезным видом напутствовал меня наш эсбэшник.

– Да нормально все будет, – обнадежил я его и решил попытать счастье. – Слушай, мне до конца контракта полтора месяца осталось. Ты же понимаешь, я никуда не убегу?

– И? – напрягся он.

– Я черт знает сколько сидел. Потом воевал. Дай в город выйду? Хочешь, вместе с тобой пойдем, если не веришь?

– Ты что? Нет! Ни в коем случае! Я же за тебя головой отвечаю!

– Да ладно тебе. Награждение завтра. Пять часов, и я назад. Я бабу много лет не видел! – решил я надавить ему на мужское. – Отпусти.

– Я... Не могу, – выдал он из себя. – Официально отпустить не могу.

– Нет так нет, – уловил я еле скрытый намек в его отказе.

– Ладно, – он протянул мне руку. – Завтра вечером за тобой приеду.

– Хорошо, – с безразличием в голосе ответил я. – До завтра.

Дождавшись, пока уедет мой провожатый, путем нехитрых манипуляций я вышел из части и вдохнул воздух свободы. Несмотря на облачность, погода в Ростове стояла прекрасная. С одной стороны, меня пьянила и удивляла мирная жизнь, спокойно прогуливающиеся мужчины, дети и женщины, а с другой – все время хотелось передвигаться пригнувшись и перебежками. Видя какое-то здание, мозг тут же отмечал возможные точки, в которых удобно было бы поставить пулемет или сделать снайперское гнездо. Где можно самым безопасным способом перебежать улицу, чтобы не попасть под огонь... «Не гони! Тут нет войны, и судя по людям, они как будто и не знают, что в нескольких сотнях километрах отсюда ежедневно идет большая кровопролитная бойня и гибнут мужчины, защищающие их мирную и спокойную жизнь. Ты не на войне!» – остановил я себя. – Итак. Первая боевая задача – наладить связь и раздобыть денег. Вид у меня, конечно, еще тот – кавказская внешность и густая черная борода», – засомневался я в успехе операции и, подождав подходящего мужика, вдохнул воздух и пошел к нему.

– Уважаемый, можете помочь? – как можно вежливее обратился я к нему.

– Чем? – слегка напрягся он, видимо ожидая, что я попрошу денег.

– Можете позвонить моим родным? Потому что я только с передка и не располагаю ни деньгами, ни телефоном, – миролюбиво улыбнулся я.

– Хммм... – замялся он, и я увидел в его глазах борьбу недоверия к непонятному бородачу в камуфляже и желания верить моим словам. – Говорите телефон.

– Спасибо, брат. Очень выручишь!

Я быстро продиктовал номер отца, который знал наизусть, и стал по-армянски молиться, чтобы отец поднял трубку.

– Алло? Вы знаете, тут мужчина с бородой, говорит, что он ваш сын, и попросил меня связаться с вами...

Я мысленно представил, как на том конце провода удивился отец.

– Как вас зовут? – поднес он трубку к моему лицу.

– Пап, это я. Айк.

Я, как мог, объяснил отцу ситуацию, разглядывая, как разглаживается от умиления лицо мужика. Отец скинул ему денег на карту, и мы с ним сняли их в ближайшем банкомате.

– Спасибо за помощь, – пожал я ему руку.

– Вам спасибо, – с серьезным лицом кивнул он мне. – Я за вами... В смысле, за «Вагнером» слежу. Как там?

– По-разному, но мы их давим. И победим, – уверенно сказал я.

– Я Вам верю, – кивнул он и пошел дальше по своим мирным делам.

Я проводил его взглядом и двинулся в сторону улицы, где было больше всего народу. Мне хотелось пройти среди людей и почувствовать их беззаботность и спокойствие. Я купил себе симку и телефон и еще раз набрал родным. Прогуливаясь и разговаривая с ними, я увидел

в витрине на манекене красивую рубашку и джинсы. Я остановился, минуту полюбовался ими, попрощался с родными и решительно зашел внутрь.

– Здравствуйте! Вам помочь? – любезно улыбнулась мне красивая молодая девушка, от чего я заволновался и, если бы не борода, стало бы видно, как я покраснел.

– Да я сам... Спасибо, – ответил я.

Выбрав хорошие цивильные вещи, я переоделся, сложил форму и ботинки в большой рюкзак, купленный тут же, полюбовался собой в зеркало и, поблагодарив девушку, вышел на улицу совсем другим человеком. «Хорошая девушка, – вспомнил я ее лицо и улыбку. – Нет. Хотел, но не буду. Столько сидел, ждал, и теперь разменяться на продажную любовь. Нет, – окончательно решил я не ездить ни к каким проституткам. – Если бы сейчас меня увидел наш эсбэшник, наверное, посидел бы от страха, думая, что я намылил лыжи, – улыбнулся я, представив эту картину. – Гулять так гулять! Только ресторан!» – вслух сказал я и направился к самому яркому заведению.

В ресторане я сел за столик с видом бизнесмена, который решил отужинать в гордом одиночестве. «Хороший понт – дороже денег, – вспомнил я пословицу. – Все-таки одежда многое значит в нашей жизни. Ну как бы на меня смотрели, если бы я сейчас был в своей форме? Точно бы не так, как на меня сейчас смотрит эта милая официантка, которой хочется говорить комплименты».

Я вспомнил дородных продавщиц из Попасной, куда неоднократно ездил, чтобы обменять трофейные гривны на рубли, а потом купить для пацанов фрукты, энергетики, сладкое и сигареты. «Всего двести километров, а вид у официантки совсем другой... Милый и непуганый».

Развернув меню и пробежавшись по названиям блюд, я понял, что я хочу съесть все. Я чувствовал себя падишахом, который может заказать и съесть буйвола, набитого перепелами с яблоками вперемешку с пловом. Глаза мои разбегались, а официантка терпеливо ждала, пока я тонул в океане еды и облизывался. Сам выбор еды уже был удовольствием.

– Вам помочь? – спросила она, видимо устав ждать.

– Секундочку... – остановил я ее, пролистывая меню до конца. – Несите торты!

– Какие? – слегка удивилась она.

– Все! Каждого по одному большому куску!

– У нас порции.

– Несите! – торжественно сказал я. – И еще кофе хорошего и чайник чаю.

Вел я себя нестандартно, судя по тому, как официантка, поглядывая на меня, хихикала и что-то шептала бармену. Неторопливо, наслаждаясь атмосферой, я съел все, что заказал, расплатился, оставил ей хорошие чаевые и выполз на улицу.

Вечерний Ростов окутывал свежестью и подсвечивал мою прогулку домашним и уютным светом окон, мельканием фар от машин и мерцанием уличных фонарей. Погуляв еще полчаса, я зашел в кафе, переоделся там в военную форму и превратился из бизнесмена в командира направления ЧВК «Вагнер» Абрека.

Вещи я занес в казарму и поставил возле своей койки. Мне хотелось забрать их с собой и сказать, что они прилагались к медали. Я даже подумал, что можно подарить их нашему эсбэшнику, который был со мной одной комплекции, но решил просто оставить их в казарме. Пусть их найдет какой-нибудь солдатик, заберет себе и будет счастлив.

Утром пришли специально обученные люди в красивой форме и стали всех осматривать на предмет пригодности к встрече с Министром обороны. Мы умылись и построились как на самый настоящий парад, в одну шеренгу, но не по стойке смирно. Руководил всем небольшого роста подполковник в сопровождении двух адъютантов. Он проходил вдоль строя и махал своими маленькими ручками.

– Так... Этого причесать! Этому китель подберите чуть больше. Рукава короткие.

Когда он поравнялся со мной, его брови поползли вверх, а рот открылся. Он смотрел на меня и, видимо, не мог поверить своим глазам. Я смотрел на него и не понимал, что выражает мимика его лица.

– Что? – с недоумением спросил я.

– Ты кто? Почему борода? Где форма? – засыпал он меня вопросами.

– Что нужно-то? Говори яснее.

Полкан поперхнулся и повернулся к сопровождающим.

– Переодеть и побрить! – рявкнул он, как будто подавая команду «фас!».

– Вы на приколе что ли? Бриться я не буду. Переодеваться тем более, – разозлился я.

Атмосфера наэлектризовалась и накалилась. Я глядел на них, а они рассматривали меня как какое-то удивительное насекомое, которое они сейчас могут прихлопнуть, и единственное, что их останавливало, это простое человеческое любопытство. Полкан поднял руку и зло зашептал.

– Ты на кого рот разеваешь? Ты кто такой?

– А ты на кого своими культиками машешь? Иди нахер! – совсем расстроился я.

– Да я тебя! Я!

– На рифму нарываешься?

– Ты как разговариваешь? – продолжил он в своем обычном тоне, используя все свои командирские выражения.

– Слышь, полкан, иди нахер! Я – музыкант, я тебе не подчиняюсь. Вызывай моего командира.

– Ну ты у меня еще попляшешь! – стал запугивать меня подполковник.

Рядом стояли другие военнослужащие и сдержанно соблюдали нейтралитет. Подполковник надулся, что-то прошипел адъютантам и ушел. А меня вежливо попросили пройти к начальнику штаба. Я вошел в кабинет и увидел огромный стол, за которым сидел сухой, поджарый человек в звании полковника.

– Какие у тебя проблемы? – спокойным тоном сходу задал он вопрос.

– У меня нет проблем. Проблемы у вас! Вы что от меня хотите? Вы меня с окопов дернули, а мне туда завтра опять возвращаться.

– Почему ты небритый, как положено? – стали заходить мы на второй круг, и мне сразу стало скучно и кисло во рту.

– Я верующий человек. Мне религия не позволяет бриться, – стал я гнать пургу в ответ на глупый вопрос.

– Ты мусульманин?

– Я – язычник. Если побреюсь, то умру в бою.

– Ты же понимаешь, у меня приказ свыше: вы должны все по стандарту Министерства обороны быть в зеленой форме.

– Слушай, если я буду в мультикаме, ты получишь по шапке?

– Да, – кивнул полковник.

– А если я переоденусь – я получу по шапке! Как ты думаешь, чья шапка мне дороже? Твоя или моя?

– Я тебя понял, – грустно кивнул он и откинулся в кресле. – Не будешь переодеваться? – с надеждой спросил он и, встретившись со мной глазами, добавил. – Хотя бы бороду побрей!

– Вообще исключено! Максимум могу просто подравнять, чтобы более-менее аккуратной была.

– Ну ладно! Иди! – махнул он рукой, скривившись.

Выполняя обещание, я попросил зеркало, аккуратно подстриг бороду и через час вместе со всеми проследовал в зал, где мы стали ждать приезда Сергея Кужегетовича.

– Братан, ты прямо моджахед какой-то, – заржал морпех, стоявший рядом. – Не в обиду.

– Да нормально. Долго ждать будем?

– Не знаю.

Через полчаса в зал, в сопровождении генералов и других офицеров, вошел Министр обороны, генерал армии Сергей Кужегетович Шойгу, и мы приготовились к церемонии награждения. Но он явно не торопился нас награждать, а спокойно стоял в своем окружении и тоже ждал. В зале замелькали какие-то серьезные мужчины в костюмах и рассредоточились по помещению.

– Сейчас Владимир Владимирович приедет, – предположил я.

– Да не. Министр будет награждать, – возразил мне майор в красивом мундире с большим количеством орденских планок.

– Ну посмотри, он стоит в стороне, ждет кого-то. А кого еще Министр обороны может ждать? – парировал я. – Только Владимира Владимировича!

Не успел я договорить, как по залу пробежало едва заметное волнение, и вошел Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Он вежливо поздоровался со всеми.

– Здравствуйте! – обвел он нас взглядом. – Давайте сейчас быстро наградим ребят и потом пообщаемся.

Нас стали вызывать к нему по очереди. Он поздравлял каждого лично, вручал награду и спокойно ждал следующего. Все проходило «в теплой и дружественной обстановке», как официально любят писать журналисты. Когда назвали мое имя и фамилию, я быстро подошел к Президенту, внутренне удивляясь происходящему: «Вот так поворот...»

– Поздравляю с получением Государственной награды, – просто сказал он и вручил мне медаль и именные часы.

– Служу России и ЧВК «Вагнер»! – четко отчеканил я.

Нас сфотографировали и он, улыбнувшись, спросил:

– Что с рукой?

– Ничего серьезного. Травмировался, – ответил я и решил рассказать, как все было на самом деле: – Ехал в штаб с передка. Попал под миномет. Упал и слегка повредил руку.

– До свадьбы заживет, – пошутил Владимир Владимирович. – Берегите себя.

– Спасибо.

Дальше была небольшая душевная личная беседа в общем кругу, где ребята отвечали на вопросы Президента, обещали победить и разбить врага. Мы сделали общее фото, и на этом все закончилось.

Не успел я выйти из зала, попрощавшись с другими офицерами и рядовыми, как ко мне незаметно подошел мой сопровождающий.

– Ну как?

– Нормально, – пожал я плечами. – Вот, медаль дали «За отвагу». И часы.

– Поздравляю! – пожал он мне руку и добавил: – Поехали. Путь неблизкий.

Мы сели в машину и понеслись обратно в сторону Бахмута. Я смотрел в окно на Ростов-папу и старался впитать в себя настроение мирного города, надеясь вернуться сюда через полтора месяца. Происходящее уже казалось мне чьей-то чужой историей, случайным свидетелем которой я оказался. Медаль висела на моей груди, а часы я сразу надел на руку. Выглядели они солидно.

По прибытии назад, все расспрашивали: «Как все прошло? Какой вблизи Владимир Владимирович?», рассматривали медаль и часы. Я чувствовал себя странно и повторил историю около десяти раз, всякий раз умалчивая о некоторых деталях, о которых не хотел рассказывать командирам.

– Вот что, Абрек... – серьезно сказал мне Гонг, когда я приехал в Зайцево. – Помнишь, когда ты меня раньше спрашивал «какой у нас план?», что я тебе всегда отвечал?

– Что ты тут, в Зайцево, чай пьешь и бублики кушаешь, а я на передке и могу сам принимать решения. Потому что мне там виднее. Но я не забывал советоваться с тобой.

– Правильно. А теперь давай и ты тут будешь, в Зайцево? Хватит тебе уже там воевать. Навоевался, – твердо сказал Гонг. – Будешь мне тут помогать. Должность я тебе найду.

– А кто там командовать ребятами будет? – опешил я.

– Да я там уже назначил. Старые наши бойцы из компании. Викинги, помнишь у вас были?

– Помню, – грустно ответил я, представляя, как я сижу в тылу и перебираю бумажки. – Ну ладно, – нехотя согласился я, – раз вы так решили.

– Вот и славно! Вот и хорошо! – обрадовался Гонг.

Через два дня я, используя благовидный повод передачи дел, надел свою броню с каской, взял автомат и быстро выдвинулся в Опытное. На месте выяснилось, что ребята были сильно недовольны новым командованием и очень ждали моего возвращения. Я вышел на Гонга, спокойно доложил сложившуюся обстановку и получил добро на то, чтобы до конца своего контракта оставаться на передке.

– Здесь, в Опытном, до самого крайнего дня, пока Абрек у нас, старший направления только Абрек. И неважно, сам он физически в Опытном или нет. Старший направления – Абрек. Всем ясно? – вышел на связь с группами Гонг.

– Да.

– Принято!

– Ясно.

– Плюс!

Заработали рации всех командиров групп и точек.

17. Парижан. 1.9. Крайняя позиция

Как и на предыдущей позиции мы стали обустраивать быт, предполагая, что тут мы можем подзадержаться надолго: стащили в южные, наиболее защищенные, комнаты диваны и матрасы и заварили чайку. Наш дом находился по адресу: Украинская улица, 4 и был зажат с двух сторон еще двумя такими же домами. Мне необходимо было разработать логистику подвоза и выноса. Самым простым путем было наладить пути сообщения с Маркьятом или пробить южный торец дома, чтобы можно было выходить к стоявшему сзади дому Маверика.

– Маркьят – Парижу? Как погода?

– Плохо. В такую погоду лучше сидеть дома, – ответил Маркьят.

«Значит, снайпера работают», – перевел я наш секретный сленг на русский. Если бы он сказал «классно», то это означало бы, что можно передвигаться и перепрыгивать из дома в дом.

– Ладно, пока сидим дома. Конец связи.

В моей группе было достаточное количество человек, чтобы расставить фишки в сторону севера и обследовать дом, который нам достался. В подвале обнаружилось множество кладовок, где жители хранили закатки и съестные припасы, и большая комната, по которой было видно, что тут раньше была тайная комната подростков.

– Смотри, Парижан! – подсветил мне Крепленный надпись на стене. – «Опасная зона! Взрослым не входить!»

– Везде все одно и то же... – улыбнулся я. – Хоть в Брянске, хоть в Бахмуте.

– А что это?

– Ты что, Санек, в детстве по подвалам не шкерился? Дети.

– Точно! Я уже и забыл, что это такое...

До украинских домов было триста метров, между которыми находилось открытое, ничем не застроенное, пространство. Понимая, что основная опасность может прийти только с севера, мы заминировали подходы противопехотными минами и оборудовали безопасные выходы с южной стороны. Забаррикадив север, мы решили, что будем заходить туда только для работы по противнику, чтобы минимизировать наши потери. После этого стали пробивать в подвале переходы между подъездами. Стянув все свои вещи и БК в подвал под средним подъездом и оборудовав там печку, мы окончательно освоились на 14-ой точке.

Утром к нам пришел посыльный от Флира, потрепанного вида боец преклонного возраста, лет около пятидесяти, с позывным Планшет.

– Привет, Парижан.

– Здорово, дед. Ты чего пришел? – недоумевал я, для чего Флир прислал мне этого пенсионера.

– Так я за мопедом. Флир сказал прийти, наладить и отогнать в тыл. Им там он зачем-то нужен.

– Ясно, – кивнул я Планшету. – Но скутер мы оставляем себе.

– Эээ... Гонг сказал и ружья забрать у вас еще. Охотничьи, – с виноватым видом, как будто он отнимал у нас сокровенное, промычал он. – Две штуки.

– Это да. Я обещал подогнать Гонгу. Двустолка и нарезное одно.

Мы достали из полуподвала мопед и привязали к нему ружья, чтобы Планшету было удобнее. Там же, в подвале, находилась канистра с бензином. Дед довольно быстро осмотрел мотор и, что-то подкрутив и почистив свечи, завел его.

– Работает дырчик! – радостно заявил он, газуя.

– Осторожнее, смотри, старый.

– Сейчас прогрею и погоню.

Мы попрощались с Планшетом, и я пошел по своим делам внутрь дома.

Через час группа эвакуации привела к нам пополнение, которое мне давно обещали – пулеметчиков Зигу и Фенело.

– Братан, у вас там двухсотый валяется у подъезда, – с ходу заявил Зига. – Что за человек?

– Да ладно? – удивился я. – Кто?

Привыкнув к постоянному шуму войны: выстрелам, прилетам и взрывам, я давно не обращал внимание на эти звуки. И, по всей видимости, даже не слышал, как стреляли. Я аккуратно выглянул в окно кухни, которое выходило на подъезд, и увидел Планшета, лежащего в нелепой позе поверх мопеда. Глаза его были открыты, а изо рта текла кровь.

– Судя по крови изо рта, снайпер, – предположил я.

– Странно, что он по нам не стал стрелять, сука, когда мы бежали, – обрадованно процедил Фенело.

– Вот, дед... Погиб за мопед, – выглядывая через мое плечо, произнес молодой боец не из моей группы.

– Ага. Жадность фраера сгубила, – кивнул второй, стоявший с ним рядом.

– Вы, бля, о чем? – напрягся я. – И, кто вы?

– Я – Сливки. А это Сасиген. Мы за мопедами пришли.

– Так Планшет же за ним пришел? – ничего не понимая, жопой почувствовал я что-то мутное.

– Дело было как? – начал Сливки. – Мы себе намутили мопед с Блондином, – кивнул он на своего напарника, – вообще у него позывной Сасиген, но я его Блондином зову, по зоновскому погонялу, – улыбнулся он.

– А Планшет при чем?

– Тут приходит чувак на эвакуацию, говорит: «Мы там в доме два мопеда нашли...» Я у Флира попросился сюда сбегать с Блондином, забрать их. А тут Планшет: «Я тоже хочу мопед! Один мой, один ваш». И, пока мы там собирались, Планшет уже сюда побежал.

– А мне сказал, что Флир его послал.

– А что он еще скажет? – грустно улыбнулся Блондин. – Это же Планшет. Он со строгого.

– Мы приходим на эту позицию, смотрим, он уже мотоцикл выкатывает. Мы ему говорим: «Давай поможем». Он говорит: «Давайте, шагайте дальше!» И стоит, мучается, не может его спустить по ступенькам. Мы стоим, смотрим на него. Он одуплился и заднюю врубил. Говорит: «Малолетки, помогите мотоцикл выкатить», – Сливки опять заулыбался. – Я самый младший во всем взводе, вот он меня малолеткой и называл.

– Да, для Планшета все малолетки. Ему лет-то за полтинник.

– Мы ему говорим: «Куда выкатить? На улицу? На открытку?» Он говорит: «Да». Мы ему говорим: «Гонишь, что ли? Давай мы тебе поможем его укатить. Пока ты будешь заводиться, по тебе могут и артиллерию навести». А он испугался, что мы у него мопед его отожмем, и не согласился.

По итогу, мы ему его выкатили, пошли второй мопед смотреть, но он бесполезным оказался – большой и без ключей. Назад выходим, а тут вы... И он...

– Как доставать будем? – спросил командир эвакуации.

Час мы пытались зацепить Планшета кошкой, чтобы подтащить поближе к выходу из подвала, но тот был грузным и зацепился за мопед броником. Отчаявшись это сделать, эвакуация решила забирать его на рывок. Мы выстрелили из ракетницы в землю, метрах в десяти от Планшета, чтобы ослепить снайпера, и кинули две дымовухи. Как только они разгорелись, один из бойцов из эвакуации подбежал к Планшету и затащил его в подвал. В последний момент, когда они уже загружали его в подвал, боец положил руку на бетонную плиту, и снайпер тут же попал ему в нее выше локтя. Уколов трофейный обезбол, я стал перетягивать ему руку.

Жизнь на позиции потекла размеренно-военная. По нам работала арта, минометы, птички скидывали ВОГи. Снайпер продолжал охотиться за нами и группами эвакуации, и мы

с Фенело, бурятом, который в Чечне был снайпером, решили вычислить его. Я нашел длинную тонкую трубку и стал вставлять в нее сигареты, чтобы спровоцировать его на выстрелы. Мы долгое время не могли понять, где его позиция, но Фенело засек небольшой домик в частном секторе, откуда предположительно он щелкал по нам. Мы вышли на наших тяжей и развалили этот дом до основания. Судя по тому, что на какое-то время работа снайпера прекратилась, Фенело его вычислил.

То ли от сырости, то ли от переутомления и истощения нервной и защитной систем организма пацаны стали болеть. Это было похоже на КОВИД, который охватывал все тело и весь организм целиком. Все начиналось с бронхита и кашля, следом поднималась температура под сорок, и боец становился почти недееспособным. Я переживал, что в таком состоянии кто-то нестойкий словит глюк и наделает делов, как те бойцы, у которых не выдерживали нервы, и они совершали необдуманные поступки. Пару таких историй мне рассказали во время посиделок. Тело одного из таких пацанов нашли заминированным на самой крайней позиции, которую заняли Юнайтин и Виват. Пацан не выдержал напряжения и в одиночку пошел в накат на хохлов. Что им двигало, мы уже никогда не узнаем, но такие случаи происходили и со стороны украинцев, и с нашей. Другой боец, выжив после прилета мины, во время которого погиб весь его расчет, засунул гранату под броник и подорвал сам себя.

Больше всех в моей группе болел Крепленный. Как человек ответственный, он сразу переехал в отдельную комнатку, чтобы не заразить нас, и утеплился вещами, которые нашел в доме, чтобы не сильно мерзнуть. Я старался его не трогать, пока он не придет в норму, и на какое-то время даже забыл, что он есть.

Мы сидели с Сальником и как обычно трепались за чаем о чем-то и ни о чем конкретном, когда в комнату вошел гражданский в пальто и старинной норковой шапке. Я инстинктивно схватился за автомат.

– Парижан, ты чего? – сказал гражданский знакомым голосом. – Это же я, Крепленный!

– Бля! Санек? А я уже хотел бежать пизды фишкарю выписывать, что пропустил сюда мирняк.

– Не-не! Это я.

– Тьфу, дурак! Что ж ты шубу-то нацепил?

– Холодно! Болею!

– Ладно, иди отдыхай.

Крепленный налил себе кипятку и шаркающей походкой пенсионера удалился в свои покои.

Хохлы, неожиданно для нас, больше обстреливали не северную сторону нашей позиции, а южную, которая была от них дальше. Хотя логика их действий была понятна. Через юг заходили наши группы подноса и эвакуации. За которыми те и охотились вместо того, чтобы попусту тратить БК, разрушая голые стены.

Мы по-прежнему в основном занимались обстрелом «Ешек». Бывали дни, когда мы выстреливали по ним десятки зарядов РПГ, усиленных пластидом и мелким железным мусором. Это приводило к контузиям, и, порой, отстреляв несколько десятков гранат, я начинал блевать. Вместе со мной работал Ваня, с позывным Герой – парень кавказской национальности, который, как и я, был фанатом РПГ. Я приставил к нему Вилладжа, тот заряжал ему морковки, а Ваня без перерыва обстреливал те позиции, которые нам указывали Тельник и Флир.

– Работаем по позиции «Г-1». Одинокий домик в леске перед частником. Там еще окопы. Видишь? – корректировал меня Флир.

– Вижу. Ваня, новая цель! – только успевал я выдать ему команду, как он тут же принимался за дело.

– Сколько морковок осталось, Парижан?

– Штук семьдесят.

– Мало! Очень мало! – смеялся он. – Нам нужно двести! Закажи еще!

В первую неделю января мы с хохлами в основном перестреливались и копили силы для дальнейшей войны. Трехсотметровая открытка, которая разделяла наши позиции, не давала нам предпринимать лобовую атаку, поэтому командование приняло решение заходить с правого фланга. Наша группа пошла на штурм домика в лесу, который одиноко маячил посреди поля и был окружен окопами. Судя по тому, что я слышал в рацию, там погибло и было ранено много наших товарищей. Часть группы запрыгнула в украинские окопы, которые были затоплены, и всю ночь просидела там по пояс в воде. Пацанов крыли минометами, птички сбрасывали ВОГи, а оттянуться им оттуда не было никакой возможности. Они перли, и своими телами пробивали дорогу вперед, в частник. А мы продолжали поддерживать их огнем из РПГ и пулеметов.

– Братан, что у тебя с глазами? – обеспокоенно спросил меня Вилли.

– А что с ними?

– Кровь идет. Капилляры полопались. Хватит тебе стрелять.

– Охренеть!

Я чувствовал, что из-за напряжения и постоянной ответственности за группу и позицию со мной происходит что-то неладное. Постоянные обстрелы, невозможность нормально поспать больше двух часов истощили меня, но отпустить контроль я был не способен. Это была ловушка. Я переживал за себя, еще больше я переживал за пацанов и свой авторитет командира. Параллельно я слышал все переговоры о штурмах, крики, мат и непрерывную информацию о потерях. «Как же это выдерживают Гонг и другие командиры?» – спрашивал я себя, понимая, что у них еще больше ответственности. При этом мне некому было рассказать об этом, и я подавлял это в себе...

Одиннадцатого января мы нашли странную дверь, бронированную и наглухо закрытую решеткой. Мы заложили пластид и взорвали ее. За дверью оказалась элитная квартирка, забитая брендовым шмотьем, парфюмерией и зарубежной техникой. На стене висела двухметровая плазма с приставкой, а по полкам были расставлены коробки с кроссовками и стопками сложены вещи и банки с тушенкой.

– Нихера себе! – присвистнул Труе. – Сто процентов, барыга жил!

– Возможно... Если найдем наркоту или алкоголь, сразу отдаем в штаб! – предупредил я всех, испугавшись, что мы не выдержим соблазна. – Я уже три месяца тут, и мне в ДРГ не хочется.

– Хорошо, – согласились со мной пацаны.

Было странно сидеть в этой ВИП-квартире, рассматривать всю эту роскошь, брызгать на свое вонючее тело дорогой парфюм и слышать разрывы снарядов и мин за стеной. Слышать, как где-то идет бой, и кто-то кричит в рацию: «У нас тяжелый триста! Нужна срочно эвакуация!»

Обступившая меня реальность богатой мирной жизни и звуки снаружи были настолько несовместимы между собой, что во мне поднялась волна злости, тут же сменившаяся печалью и болью за себя, пацанов и вообще, черт знает, за что. Эта комната была как мираж, как неосуществимая мечта, к которой каждый из нас стремился прийти к концу контракта. Хотелось остаться в ней навсегда и больше не выходить наружу, где был ужас, лишения и смерть. Каждый из нас мог надеть свои грязные, давно не мытые тела в лучшие одежды, которые мы только могли себе представить. Надеть чистые трусы и белые носки, стоящие больших денег. Свитера и брендовые кроссовки. Напялить на себя все, о чем мы даже не мечтали, но это никак бы нас не защитило. Поверх всего этого дорогого барахла нам бы пришлось надевать броники и каски. Я даже себе представил мысленно эту картину, как мы в шмотках самых модных европейских брендов идем в накат, пугая своим видом и своих, и хохлов. Вещей было так много, что можно было бы одеть и соседние позиции. Мы разобрали самое необходимое: трусы, носки, свитера и подштанники.

– Кроссовки кому-то нужны? «Лакоста» или «Премияты»? – важно спросил Множитель.

– Да ну нахер, – усмехнулся я горько. – В этих белых кроссовках тебя снайпер просто из принципа убьет.

– Давай мне! – схватил кроссовки Сальник.

– А это я заберу! – потянул руки Вазуза.

В моей голове щелкнул какой-то тумблер. Этот мир роскоши и беззаботной мирной жизни умножился на голоса из рации, где пацанам в открытых окопах приказывали держать позиции под огнем и обстрелом «Градов», и я взорвался:

– Блять! Прекратите эту мародерку! Там за стенками наши пацаны погибают! Их там сейчас в куски рвет! Они там в грязи и воде мерзнут! А мы тут носки, сука, делим и долбачим! – орал я. – Хватит!

От моей истерики все замерли и странно смотрели на меня, не понимая, можно ли продолжать или нужно остановиться. Повисла неловкая пауза.

– Парижан... Братан... Ты чего? – стал меня успокаивать Множитель. – Мы все понимаем... Но грех не воспользоваться. Вещи-то хорошие.

– Ладно... Просто я устал, – сел я в шикарное, удобное кресло и уставился в пустой экран плазмы. – Делайте, что хотите. Только меня не подставляйте.

От того, что я проорался, и из меня вышла моя дурная энергия, я смог поспать дольше обычного и на утро почувствовал себя намного бодрее и лучше.

18. Изер. 1.6. Новая группа

Я сидел ночью на фишке и пытался вычислить какого-нибудь зазевавшегося хохла в тепловизор, вдруг услышал в переговорах, что со всех позиций собирают толковых бойцов для формирования новой непонятной группы. Всех собирали на школе у Тельника, заместителем которого стал мой знакомый Пикша. Бои, исходя из того, что я слышал, уже шли на границе между Опытным и Бахмутом, что само по себе было знаковым событием для всех. Наши закрепились в крайних домах, находящихся почти сразу за садиком, перед большим пустырем, и судя по переговорам по рации, не могли продвинуться дальше. Перед ними, как и перед нами, простирались поля, перерываемые окопами и укреплениями хохлов, которые пришлось бы штурмовать в лоб, что привело бы к большим потерям. Отстояв свою фишку, я уже собрался было расслабиться и отдохнуть, как на меня вышел Пикша.

– Изер, брат, нужно чтобы ты в течение пары часов прибыл в штаб, на школу.

– А что случилось? – вырвался у меня вопрос.

– Тут все узнаешь. Давай, собирайся и приходи.

– Хорошо, – ответил я и почувствовал смесь тревоги и интереса.

Я нашел Резона, передал ему суть приказа и пошел собираться. Через час я обычными нашими тропами, без особых происшествий добрался до школы и стал ждать дальнейших указаний.

Пока я сидел в подвале и наблюдал за движухой, которая тут происходила, я успел познакомиться с дядей Валерой Лэдом и посетить импровизированную часовню, которую тут организовали в одной из комнат подвала школы. Комната была чисто убрана и освещена. На стенке висело несколько икон, а справа от входа, прямо на стене, были написаны позывные пацанов, которые погибли во всех операциях разведвзвода седьмого штурмового отряда. Тут же лежал карандаш, которым я решил вписать имена Гурамыча, Чернухана и Братана в этот длинный список позывных. Немного подумав, я дописал к Братану – «футбольный фанат». Закончив дело, я автоматически перекрестился и вышел в большую комнату, где забавного вида мужичок с позывным Федот спорил с другими бойцами на философские темы.

– Вот ты говоришь, рай, ад... А кто из вас точно знает, что там будет? Каждый народ себе загробную жизнь по-своему рисует. А почему? – обращался он к хорошо экипированному бойцу в тактических наушниках.

– Ну, и почему? – нехотя спросил тот.

– Да потому что задача любой религии – преодолеть порог физической смерти! Вот почему! Это же экзистенциальный вопрос!

– Какой? – не понял боец.

– Ялома, Камю и Сартра, значит, ты не читал... Ну, ладно. Объясняю на пальцах. Жизнь любого из нас конечна. Так?

– Допустим... – осторожно кивнул его оппонент.

– Это ужасно! Но! Это заставляет людей придумывать разные смыслы, чтобы не так ссать, когда задумываешься, что тебя не станет. И каждый из нас делает это по-своему. Кто-то... Как там? – Федот поднял палец вверх. – Сажают дерево, строит дом, растит сына... То есть, тем самым, хочет приобрести бессмертие простыми способами. Я продолжаюсь в своих детях, своих постройках и своих произведениях. А кто-то идет религиозным путем. Понимаешь?

– Возможно... – так же неопределенно ответил боец. – Говори конкретно, Федот, к чему ты клонишь? Не тяни...

– Понятно... – смерил Федот его высокомерным взглядом. – То есть говорить в стиле «мама мыла раму»? Ну, хорошо... Возьмем викингов, у которых был культ воинов. Что из себя представляла Вальхалла – рай скандинавский?

– Ну, ясно что... Место, где авторитетные воины сидят за столом с богами, пируют, едят ништяки всякие, рассказывают военные байки, с валькириями и девками кайфуют, а после начинают рубиться на мечях, режут друг друга и так бесконечное количество лет, пока конец мира не наступит.

– Вот! До самого Рагнарька! То, что им приносило удовольствие в жизни, они перенесли и в загробную жизнь! Будешь настоящим воином – получишь бонусы! Будешь себя вести правильно – за гробом тебя ждет награда! Именно поэтому викинги не боялись умирать и придумали эту приткзку: «Быть воином – жить вечно!»

– Понятно...

– Поэтому можно верить, во что угодно. Богов, религий в истории человечества было и еще будет миллион, – уверенно сказал Федот. – Может, это тело, – он похлопал себя по бронике, – это зона или ад!

– Ха! И как же мы в ней сидим? – улыбнулся другой боец, судя по куполам, набитым на кистях рук, отсидевший много лет.

Мне стало интересно, что ему ответит Федот, я придвинулся ближе и присел, внимая местному философу.

– Да вот так! Накосячила душа перед Богом, ее раз – в тело поместили и на землю. Страдать, учиться и исправляться. Кто готов исправляться, тот работу над собой проделывает, а кто нет, тот и дальше живет по-скотски.

– А условно-досрочное бывает? – со смехом задал вопрос еще один боец.

– Конечно! Внезапная смерть, например. Или вот, война... Массовая амнистия!

– Ну ты, Федот! Умеешь! – уважительно сказал он. – Значит, долгожители – это типа сильно накосячившие перед Богом души? – ухмыльнулся он. – А где небесный Уголовный Кодекс почитать можно?

– Тут-то он тебе зачем? – отрезал Федот. – Освободишься – узнаешь, – показал он пальцем вверх.

– А раскрутиться на новый срок можно? – подвинулся ближе мужик с куполами. – Добавить могут тебе?

– Конечно... И даже в БУР попасть. Ты и так в теле, как в тюрьме, а тут еще и в зону попадаешь или рождаешься рабом каким-нибудь.

– А если умер младенцем...? Это пятнадцатисуточники? – засмеялся он в голос. – Вот ты чешешь, Федот? Как по писаному! – восхитился заряженный боец с наушниками. – Хоть записывай.

– Так и записывай! – согласился он, видимо не лишенный здорового тщеславия.

«Если так думать про жизнь, то умирать не так страшно. Целая тюремная философия вырастает», – увлекся я фантазиями Федота.

– Идея конечности бытия может пугать, а может и мотивировать. Раз мы все умрем и ничего назад не повернуть, то жизнь должна быть прожита максимально приятно или полезно, а не бессмысленно, – произнес он.

– А на войне-то как это поможет?

– А знаешь ли ты, как новгородцы Киев брали? – неожиданно с философии перешел Федот на историю Древней Руси.

– Нет, – как и я, опешил оппонент Федота. – Когда же это?

– При Ярославе Мудром. Он-то их на Киев и повел, кстати. Когда папаша его представился, его братец Святополк тут же престол в Киеве и захватил.

– Типа район влияния делили?

– Райооон... – протянул Федот. – Княжества! Чтобы объединить в государство. В будущую Русь!

– А чего же они, по-братски не смогли договориться?

– Так Святополк ни с кем договариваться и не хотел. Так бывает, когда предыдущий правитель не оставляет после себя четко посаженного преемника, – продолжал Федот голосом народного сказителя, сложив руки на груди. – Святополк сначала усмирил братьев Бориса и Глеба, а потом задумался и о Ярославе, которого хотел к рукам прибрать.

– Типа, брат на брата? По беспределу, в общем?

– Угу, – кивнул Федот. – А княжил тогда Ярослав в Новгороде Великом! Городе вольном и торговавшем с Европой. И народ в Новгороде поэтому был свободолюбивый, но Ярослава поддержал. И они, значит, пришли под Киев и, понимая, что тут нужно по-любому верх брать, переправились на ту сторону, под самые стены, и сожгли сзади себя все свои корабли.

– Это зачем? – спросил тот, что с куполами.

– А чтобы пятисотиться вариантов не было, – пояснил за Федота боец в наушниках.

– Правильно. Когда отступать некуда, и мыслей бежать нет. Все! Только вперед.

– Так взял Киев-то Ярослав?

– Конечно. И не раз. Лет через несколько после того, как Киев взбунтовался, он еще варягов привел и взял его повторно. Поэтому, Киев усмирять, когда он воду мутит, дело не новое, – усмехнулся Федот.

– Нам тоже особо отступать некуда, – подвел итог один из бойцов, слушавших Федота. – Значит, мы победим.

Я еще немного посидел с пацанами, слушая их базары, а потом нас позвали на совещание. К моему удивлению, вместе со мной пошли и тот, что с куполами, и тот, что с наушниками.

Там я встретил Эпика, Юнайтина, Зерку и с радостью поздоровался с ними. Особенно я был рад видеть моего старого друга Зерку. Он был крепкий простой мужик с седеющими волосами, пожалуй, самый опытный из нас. И самый старший, ему было около сорока. Зерка часто проявлял мужество и спокойную уверенность, это передавалось и нам – молодым и не таким зрелым бойцам. Зерка прошел Чечню и, начиная с Молькино, всегда делился своими знаниями и опытом. Когда он находился рядом, у меня создавалась внутренняя уверенность, что все у нас будет хорошо; я был рад, что он попал вместе со мной в эту группу. Мы обнялись, по-быстрому обменялись новостями за жили-были и стали ждать Пикшу с Тельником, чтобы узнать, зачем они нас собрали. Помимо нас было еще шесть бойцов, которых я не знал, и те, кого я приметил на лекции Федота.

– Классная штука? – поинтересовался я у бойца с наушниками.

– Да, ништяк приблуда, – кивнул он. – Слышимость ночью отличная. Любой шорох за километр слышно.

– Изер, – протянул я ему свою руку.

– Крепленный, – пожал он ее крепким рукопожатием.

В подвал спустились Тельник и Пикша.

– Привет, пацаны, – оглядел нас Тельник. – Не буду катать вату, вас десятерых собрали как опытных бойцов, для особого задания, – сразу перешел он к делу. – Нужно продвинуться по самому крайнему частнику, зачистить его и закрепить.

– Мы, типа, ДРГ? – спросил Крепленный.

– Типа того. Это левый край, за которым поля, где еще сидят хохлы. Трешка еще не продвинулась, и наша задача – зачистить частник, чтобы хохлы не смогли зайти к нам в тыл.

– То есть вы заходите в частник и дом за домом, при поддержке наших других групп, должны дойти до вот этих многоэтажек, где у хохлов серьезный укреп, – добавил Пикша и посмотрел на меня. – Старшим группы будет Изер.

– Да? – испугался я, понимая, что руководить группой закрепа и штурмовой группой – это не одно и то же. – Пацаны, у меня нет такого опыта! Может, давайте кто-то опытнее будет командовать? – с перепугу попытался отмазаться я. – Вот, Зерка, например! Он в Чечне воевал!

– Нет, – отрезал Пикша. – Командиром выбрали тебя. У тебя достаточно опыта и знаний, – стал настаивать он. – Тут все своеобразные, конечно, ребята, но каждый имеет свой опыт. Они тебя поддержат. Правильно я говорю? – посмотрел он на остальных.

– Да, не ссы, Изер. Мы с тобой! – четко, без тени сомнения, глядя мне в глаза, сказал Зерка. – Тут все свои.

– Нормально все будет, братан, – хлопнул меня по плечу Крепленный. – Там всего один коттедж серьезный был, а остальное – домики.

– Но коттедж мы уже взяли! Это наша точка, – добавил Эпик.

– Решили, – убил обсуждения Тельник. – Завтра в семь утра выходите на штурм.

Все произошло очень неожиданно и быстро, я был совершенно растерян и пытался сообразить, что мне нужно делать, как командиру. Груз ответственности немного придавил меня, я вдруг почувствовал вес брони и каски на своей голове. «А вдруг я не потяну? Растеряюсь? Не буду знать, что делать? Это же нужно думать, принимать решения и посылать пацанов вперед!» – стал я пугать сам себя. Я смотрел на пацанов и успокаивал себя тем, что знаю половину из них. «Ладно... Пока еще не было такой ситуации, с которой бы я не справился. Разберемся. Что бы сейчас стал делать Чернухан, или Резон?» – стал думать я, вспоминая их манеру руководить. Резон бы познакомился со всеми и занялся бы распределением ответственности между всеми, наверное. А Чернухан просто ставил бы задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.